

Д Ъ Т С К О Е
Ч Т Е Н І Е

Д Л Я

С Е Р Д Ц А и Р А З У М А.

Ч А С Т Ь Х І Х.

М О С К В А,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Н. Новикова,
1 7 8 9.

ЧЕСТНОЙ
ОТКУПЩИКЪ,
ДРАМА
ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

*Перевелъ съ Французскаго
А* П**

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. ВЕРВИЛЬ.

ТИБО, его Откупщикъ.

МАРГАРИТА, жена Откупщикова.

ВАЛЕНТИНЪ, мнимой сынъ ихъ.

ЖОРЖЪ,

ЖАНЕТА, } ихъ дѣти.

ЛУИЗОНА, }

ЗЕМСКОЙ.

РОБЕРТЬ, }

ЖЕРВЕ, } Откупщиковы сосѣди.

ПЕЛАЖЪ, }

Дѣйствіе въ Тибовомъ домѣ.

Д Ъ Й С Т В І Е І.

(Театръ представляетъ избу, въ которой стоитъ поставецъ; столъ и нѣсколько стульевъ; а въ другой сторонѣ видна закрытая занавѣсомъ колыбель, въ которой спитъ ребенокъ.)

Я В Л Е Н І Е І.

Маргарита (стоитъ подлѣ стола, отрѣзываетъ два ломтя хлѣба, и намазываетъ на нихъ масло.)

Проведа лучшую половину жизни нашей въ работѣ, прищипи въ нищету! Какую пользу принесло намъ то, что мы никогда не жалѣли трудовъ своихъ, желая хорошо возпишашъ дѣшей нашихъ? Ужь бы такъ и бышь, естли бы всѣ онѣ могли сами себѣ доспавашъ хлѣбъ! Любезныя дѣши! о васъ я плачу, а не о себѣ! Лишась нашего скопа, мы всего лишились. Что шеперь у насъ ошалося, шѣмъ никакъ не лзя заплашишь нашему господину за ошкупъ. Что съ нами будешъ! Естли бы добродушной мужъ мой не ободрялъ меня, шо я скоро бы умерла отъ горести. Ахъ, какъ онъ швердъ! Какъ спокоенъ при
всемъ

всемъ нашемъ несчастіи! Ешьли бы я не увѣрена была, что онъ по любви скрываетъ отъ меня половину своей печали, боясь меня огорчить, то его надлежало бы почестъ неувствительнымъ. „О чемъ плакать, Маргарита? говоритъ онъ, когда я не могу отъ слезъ удержаться: мы лишились скопа: ну что же? По чему знашь, что Богъ пошлетъ намъ? Онъ никогда не оставляетъ добрыхъ людей въ нуждѣ. Я на Него надѣюсь.„ — Ахъ! онъ самъ, не будучи богатъ, никогда не забывалъ несчастныхъ! Сколько семействъ въ нашей деревнѣ спасъ онъ отъ бѣдности своими совѣсами и помощью! Право, на свѣтѣ мало такихъ людей. Я имѣю то, чего нѣтъ у многихъ богатыхъ женщинъ — добраго мужа и дѣшей, которыя насъ любятъ, которыя поведеніемъ своимъ радуютъ сердце наше. Когда подумаю обо всѣхъ милостяхъ Провидѣнія, то чувствую, что Оно объ насъ печется, и печаль моя во сто разъ легче становится. Ободришь же, Маргарита! У тебя еще осталось то, что можетъ усладить всѣ твои горести. *[Оборачивается, подходитъ къ дверямъ и кличетъ:]*

Жанеша! Жанеша!

Я В Л Е Н І Е II.

Маргарита, Жанета.

Жанета [входя.] Я здѣсь, мамушка. Что тебѣ?

Маргар. Возьми свой завтракъ.

Жанета. Да мнѣ и половины много. Я никакъ не могу сѣсть всего, мамушка.

Маргар. Это обыкновенная твоя доля. Ужь не неможешь ли ты?

Жанета. Нѣтъ, мамушка; однакожь я чувствую, что впередъ никогда уже не буду ѣсть такъ много, какъ прежде ѣдала.

Маргар. Что это? давно ли ты спала любить подчиванье? Возьми же, возьми, и не говори пусшова.

Жанета [взявъ хлѣбъ, ломаетъ его надвое.] Гриво, для меня эшова много. Довольно сѣсть и половину, [Другую половину подаетъ матери] Возьми, оспавъ это сестрицѣ.

Маргар. Да развѣ ты можешь знашь, сколько ей, надобно?

Жанета. Эшова съ нее будешъ; бо-лѣе она не попроситъ.

Маргар. Видно, что ты очень знаешь сестру свою; она такъ же сѣстѣ цѣлой

цѣлой ломоть, какъ и ты. Вотъ дру-
гой, которой я для нее приготовила.

Жанета. Нѣтъ, нѣтъ, она эшотъ
оставитъ къ вечеру; а ввечеру раздѣлитъ
его по поламъ со мною. Дай же намъ
волю, машушка! мы ужь такъ уговари-
лись.

Маргар. Желала бы я знать, что
значитъ эшотъ уговоръ?

Жанета. Начто обѣ эшотъ спраши-
вать? Эшо пайна между нами. Пожа-
луй, машушка, не показывай, что ты
эшо знаешь.

Маргар. Нѣтъ, я неопмѣнно хочу,
чтобы ты сказала мнѣ причину эшова.

Жанета. Ну естли ты приказыва-
ешь, такъ я тебѣ скажу. Вчера ввече-
ру мы слышали, что батюшка говорилъ
тебѣ: Когда у насъ весь скошъ померъ,
то намъ должно ошдашься во власть Бо-
жію, и спараться обратить эшо неща-
стіе въ нашу пользу. Мы должны быть
еще трудолюбивѣе, и сберетать сколько
можно болѣе, чтобы пропитать нашу семью.
Ты обняла его и ошеѣчала, что первая
подашь собою въ шомъ примѣръ. Я
шопчасъ вызвала сестру. Мы обаяли
другъ друга такъ же, какъ и вы; и все
шо, что вы для насъ хотите сдѣлать,

уговорились мы съ нашей стороны сдѣ-
лать для васъ.

Маргар. Вы слишкомъ много берете
участія въ несчастіи нашемъ. Вы еще
очень молоды; вамъ не надобно его чув-
ствовать. Не бойтесь ничего. Богъ бу-
детъ имѣть объ насъ попеченіе. Ахъ! я
теперь чувствую, какъ щасливы ма-
тери! [*Обнимаетъ ее*] Чѣмъ можно оцѣ-
нить ту любовь, которую ты оказыва-
ешь къ своимъ родителямъ? Не шути,
для васъ сберегла я это масло; и нынѣ
ты еще можешь сѣсть весь этотъ
хлѣбъ. Тебѣ надобно укрѣплять свои
силы, чтобы послѣ, когда будешь вели-
ка, могла ты и для насъ доставать
хлѣбъ. Вѣдь тебѣ будетъ очень весело
работать для нашего пропитанія?

Жанета. Очень ли весело! Ахъ, ма-
тущка! по щастію мы уже и теперь
можемъ работать. Правда, что руки
наши малы; но за то мы можемъ въ
день работать долѣе — а все то, что
выработаемъ, отдадимъ батюшкѣ, чтобы
онъ купилъ скота. Мы будемъ вы-
кармливать куръ, и станемъ продавать
яица; а деньги, матущка, деньги всѣ
принесемъ тебѣ съ радостію.

[*Видя, что мать ея плачетъ.*]

О!

О! пожалуй не плачь! Это опашметъ у меня руки.

Маргар. Я плачу отъ радости, любезной другъ мой! — Однакожь пора тебѣ завшпракать. Въ домѣ еще многое прибрать надобно; а мнѣ хочется, чшобы къ приходу отца швоего было все въ порядкѣ.

Жанета. Развѣ онѣ пошелъ въ поле съ братцами?

Маргар. Нѣтъ, онѣ пошелъ въ городѣ. Ему нужда поговорить съ Господиномъ.

Жанета. Тѣмъ лучше. Батюшка всегда веселъ, когда отъ него приходишь. Вѣдь господинъ Вервиль очень доброй человекъ?

Маргар. Конечно. До сихъ поръ онѣ былъ къ намъ очень милосливъ. Дай Боже, чшобы милости его продолжались! Теперь намъ болѣе въ нихъ нужды. Лишась всего скопа, намъ не чѣмъ плашить ему; а самые шѣ люди, которые насъ болѣе другихъ ласкають, когда мы можемъ служить имъ, часто бывають прошивъ насъ всѣхъ хуже, когда чего нибудь отъ насъ лишаются.

Жанета. Я увѣрена, что Господинъ нашъ не изъ шакихъ людей.

Маргар. И я то же думаю; иначе мы бы совсѣмъ пропали.

Жанета. Какъ я неперпѣливо дождаюсь батюшки, чтобы услышать пріятныя вѣсти! Онъ нынѣ поупру будешъ назадъ?

Маргар. Онъ пошелъ очень рано, и я дождаюсь его всякую минушу.

Жанета [*положа свой хлѣбъ на столъ*]. Такъ я прежде завпрака пойду за виномъ, и поставлю его въ коллдовкѣ. Онъ конечно съ охотою выпьетъ рюмочку.

Маргар. Нѣтъ, прежде поѣшь; а это беру я на себя.

Жанета. Ты сама не давно у меня спрашивала, весело ли мнѣ будетъ дѣлать чтонибудь для моихъ родителей; а теперь не велишь мнѣ служить батюшкѣ.

Маргар. Хорошо, я не хочу у тебя опинять эпова удовольствія. Знаю же и то, что отецъ за это тебя приласкаетъ.

Жанета. Право не знаю, кшо изъ насъ двухъ бываетъ довольнѣе, когда я заслуживаю ласку его. И теперь постараюсь заслужить ее. [*Уходитъ.*]

Я В Л Е Н І Е III.

М а р г а р и т а.

Любезныя дѣти! Богъ свидѣтель тому, что нищета страшна мнѣ для васъ; вы же всего болѣе и утѣшаете меня. Не должна ли я еще лучше любить васъ тогда, когда вы однѣ оспааетесь у меня? Безъ этого несчастія не могла бы я знать всей вашей ко мнѣ любви. Можеть бытъ вы помогете мнѣ преодолѣть мою горестъ, отъ того, что буду стараться скрывать ее отъ васъ. Нѣтъ, я не кочу жалобами своими тревожить веселыхъ сердецъ вашихъ. [*Подходитъ къ колыбели, вынимаетъ ребенка, прижимаетъ его къ груди своей, и смотритъ на него съ нѣжностію.*] Тебѣ одному буду скрывать свои огорченія, тебѣ, еще нечувствующему несчастія своихъ родителей! Я могу при тебѣ плакать, неогорчая тебя своими слезами. Щасливой младенецъ! я плачу о твоей участи, а ты отвѣчаешь мнѣ улыбкою!

[*Цѣлуетъ его съ возхищеніемъ.*]

Я В Л Е Н І Е IV.

Маргарита, Жанета.

Жанета. [Входитъ въ ту минуту, когда Маргарита держитъ на рукахъ ребенка] Машушка! дай мнѣ братца, чшобы и я шакже его разцѣловала. [Беретъ его и цѣлуетъ.] Не правда ли, другъ мой, чшо и ты будешь шрудиться для ошца и мапери, когда съ меня выросешь? Увидишь, какъ я буду шебя, крошку, няньчить, чшобы ты скорѣе выросъ и пришелъ въ силу! Намъ шеперь недосугъ, а ты спи.

[Кладетъ его опять въ колыбель. Между тѣмъ Маргарита глядитъ на нихъ обонхъ такими глазами, въ которыхъ сквозь слезы видны любовь и радость. Жанета оборачивается къ матери и говоритъ.]

Машушка! я вынула вино, и пошавила его въ холодокъ. Дай мнѣ ключъ ошъ поставца; я достану бѣлье и камзолъ для башюшки.

[Беретъ ключъ и отворяетъ поставецъ.]

Какъ жарко! Я думаю, что онъ придетъ весь въ поту и насилу будешь дышать.

Мар-

Маргар. Ахъ! когда отецъ твой сдѣлаешь что ни есть хорошее для своей семьи, то прибѣжишь безъ памяти.

Жанета. [Затворяетъ поставецъ и кладетъ на стулъ бѣлье.] Я его знаю. Онъ потчасъ пойдетъ въ поле. Ему не хочется поперять ни одной минушы.

Маргар. Этимъ онъ подаетъ намъ доброй примѣръ. А ты пекерь бы хорошо сдѣлала, ешьли бы сѣла свой хлѣбъ, чшобы поцѣловавшись съ опцемъ, потчасъ ийти въ школу.

Жанета. Въ школу? Да я уже шуда не пойду.

Маргар. Не пойдешь! Какъ, развѣ ты не хочешь болѣе учиться чипашь и писать? Нѣтъ, другъ мой! въ какой бы нуждѣ мы ни были, я все надѣюсь, что помощю работы будемъ въ состояннн учить васъ. Лучше соглашусь отдать половину послѣдняго куска своего, да лишь бы учились дѣши мои.

Жанета. За эшо не надобно уже платить денегъ. Развѣ братъ мой Валентинъ чипаетъ хуже угрюмага Магистера? Валентинъ будешъ нашъ учитель. Давиче онъ сказалъ намъ: Сестрицы! вѣдь вы знаете, что послѣ обѣда я полчаса отдыхаю? Такъ ешьли вы хошите,

я спану вѣ это время учить васѣ; а ввечеру, возвращаясь домой, опять буду читать съ вами. Учишься только прилжно; а то вы скоро будете сполько знать, сколько знаетъ самая лучшая ученица вѣ нашей деревнѣ. — Мы начнемъ съ нынѣшняго дня, и ты увидишь, мапушка, какъ все хорошо будетъ.

Маргар. И Валентинъ это самъ вздумалъ?

Жанета. Самъ, мапушка; мнѣ бы эшова никакъ не пришло вѣ голову. За меня болѣ всѣхъ заплашили родители наши, сказалъ онѣ: для шого что я всѣхъ старѣе. Если бы они не такъ много на меня издержали, то бы эти деньги ошались у нихъ для моихъ сестерѣ. И такъ я долженъ, сколько могу, учить васѣ шому, что самъ знаю, когда бапюшка съ мапушкой не могутъ уже платить за васѣ.

Маргар. Ахъ! могли ли мы, уча его, думать, что у васѣ когда нибудь и нужнаго не будетъ? Правда, что намъ довольно дорого стоило его ученье; однакожь теперь я эшому очень рада. Деньги наши не потеряны. Валентинъ благодаренъ, и всячески старается намъ доказывать свою благодарность.

Я В Л Е Н І Е V.

Маргарита, Жанета, Луизона.

Луизона [прыгая.] Вотъ онъ! вотъ онъ!

Маргар. Чшо ты говоришь, Луизона?

Луизона. Башюшка пришелъ.

(Продолженіе будетъ впереди.)

ХРАБРОСТЬ,

Анекдотъ.

Во время осады одного города Тюренъ какъ-то оскорбилъ своего Офицера, кошорой за то и вызвалъ его на поединокъ. Онъ принялъ вызовъ, съ тѣмъ условоромъ, чшобы ему самому назначить мѣсто поединка. По томъ повелъ своего противника въ шакое мѣсто, гдѣ лешали непріательскія ядра. Офицеръ поблѣднѣлъ. — „Не уже ли вы боишесь ядеръ? сказалъ ему Тюренъ: Государь мой! испинная храбрость состоишъ въ томъ, чшобы презирашь опасность для ошечества, а не въ томъ, чшобы умерщвлять своихъ согражданъ за шакія обиды, кошорыя производящъ обыкновенно ошъ одной неосшорожности.“

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е VI.

Тибо, Маргарита, Жанета, Луизона.

Маргарита. [Бросаясь къ Тибо съ разпростертыми руками.] А, другъ мой!

Жанета. [Цѣлуя у него руку.] Бабушка!

Луизона. Какъ же я рада, что ты назадъ пришелъ!

Тибо. Здравствуй, Маргарита! здравствуйте, любезныя дѣши!

Маргар. Я думаю, что ты очень усталъ.

Тибо. Ни мало. А ты, бѣдная, кажешься что-то печальна. Глаза у тебя красны. Я вижу, что ты плакала.

Маргар. Правда, другъ мой; однакожь не огорчайся — я плакала отъ радости, что имѣю такихъ хорошихъ дѣшей. Если бы ты зналъ, какъ онѣ нынѣшнимъ упрямъ меня ушѣшили, говоря о тебѣ!

Тибо. Это мнѣ очень весело. Исполняя свою должность, всего пріятнѣе видѣшь, что и наши ближніе исполняютъ

ее. Пошедши въ городъ, думалъ я все о васъ; а возвращаясь вижу, что жена и дѣти мои также обо мнѣ думали. Это очень утѣшно.

Маргар. Не хочешь ли чего выпить? Не переменяешь ли бѣлья! Жанеша все для тебя пригостила.

Тибо. Нѣтъ, благодарю. Одна эта мысль могла бы облегчить усалость мою. [*Цѣлуетъ въ лобъ Жанету.*]

Маргар. Ты видѣлъ господина? Ну какъ онъ съ тобою обошелся?

Тибо. Такъ, какъ я думалъ. У него доброе и чувствительное сердце. Этого человѣкъ, Маргарита, подлинно совершенной человѣкъ.

Маргар. Тронулся ли онъ нашимъ несчастіемъ? Расскажи мнѣ все.

Тибо. Какъ скоро ему сказали, что я пришелъ, то онъ, не заставя меня ждать ни одной минушы, вышелъ ко мнѣ, и ввелъ меня въ самую лучшую горницу своего дома.

Жанета. Въ лучшую горницу?

Тибо. Да, Жанеша. Онъ пилъ тогда съ своей женой кофе. Велѣли для меня подать на столъ же столъ доброй окорокъ, и сама госпожа ошрѣзала мнѣ отъ него кусокъ.

Луи-

Луизона. Сама госпожа?

Тибо. Сама своими руками, да еще и съ пріяшнѣйшимъ видомъ.

Маргар. О милая госпожа!

Тибо. Никакъ не велѣли мнѣ говорить о дѣлѣ, пока я завпракалъ.

Маргар. Видишь, какъ это хорошо! А по помѣ?

Тибо. Ну, любезной Тибо, сказалъ мнѣ по помѣ господинъ: что у насъ новаго? Худыя вѣщи, отвѣчалъ я: въ недѣлю померла вся моя скотина отъ болѣзни, которая произошла отъ этой ужасной засухи. Я совсѣмъ раззорился, и пришелъ васъ объ этомъ увѣдомить, чтобы вы могли отдать свою землю другому откупщику. Вамъ же отдаю все то, что у меня оспалось. Мнѣ очень тяжело, что не могу васъ совершенно удовольствовать. Однакожь даю честное слово работать день и ночь, чтобы заплапить вамъ все сполна. Хлѣбъ будетъ мнѣ казаться горекъ, пока не заплачу вамъ всего до послѣдней полушки.

Маргар. О! конечно мы это съ радостію сдѣлаемъ. Что же сказалъ господинъ?

Тибо. Я уже слышалъ о швомъ раззореньѣ, бѣдной Тибо, и очень жалѣю о помѣ. И я шакже, сказала госпожа своимъ пріятнымъ голосомъ: жалѣю отъ всего моего сердца.

Маргар. Любезные люди! Они оба добросердечны.

Тибо. Я не съ шѣмъ пріѣхалъ, сказалъ я, чшобы заставиль васъ сожалѣшь о себѣ. Слава Богу, мнѣ еще можно рабошашъ. Меня безпокоишь шо, чшо не могу съ вами разквишашъся. Признаюсь, чшо печалишь меня и семья моя. Ахъ! я бы опдалъ жизнь свою за шо, чшобы жена и дѣши мои никогда не перпѣли нужды! Вы богаты, да не имѣете дѣшей. Вы не знаете, какъ больно видѣшь спраданіе шѣхъ, которыхъ мы на свѣшъ произвели! О! ешъли бы вы имѣли шакихъ дѣшей, какія у меня! Ешъли бы вы ихъ любили всею душою! Ешъли бы и онѣ васъ шакъ же любили, какъ любяшь меня мои дѣши!

Сказавъ это, отъ горести закрылъ я лице руками. Поднявъ ошашъ голову, увидѣлъ, чшо господинъ на меня не глядишь. Онъ оборотился къ своей женѣ. Съ нѣжношю смотрѣли они другъ на друга, и глаза ихъ наполнились слезами.

Это

Это была уже не одна жалость; я догадался, что ихъ путь другое прогало.

Маргар. И ты не спросилъ у нихъ причины тому?

Тибо. Не смѣлъ. Какъ скоро жотѣлъ было я опять говорить объ моихъ дѣтяхъ, господинъ пошчасъ перемѣнилъ рѣчь. Я видѣлъ, что они шали какуюнибудь горестъ, и не зналъ, какъ бы поскорѣе вышши изъ шакова разговора. Началъ говорить имъ о своемъ хлѣбѣ; считалъ, что они могущъ за него взять — —

Маргар. И господинъ не осердился, когда ты сказалъ, что не можешь ему всего заплатить?

Тибо. Ничего; напротивъ того онъ сказалъ мнѣ: Послушай, Тибо! тебѣ не надобно опчаяваться. Спупай къ своей женѣ. Я велю закладывашъ лошадей, и самъ къ тебѣ буду. Тамъ мы съ шобою сдѣлаемся. Я всегда почиталъ себя честнымъ человѣкомъ, и соглашусь на все, что будетъ тебѣ угодно.

Маргар. Можно ли? А сколько мы ему должны?

Тибо. Тысячу восемь сотъ шалеровъ.

Маргар. Боже мой! сколько же еще на насъ останешся!

Тибо. Правда. Да ешьли бы не повалился у насъ скотъ, ешьли бы родилось сѣно, то бы мы могли заплашишь эшу сумму и еще вдвое.

Маргар. Чшо же сѣ нами будетѣ, другѣ мой?

Тибо. Не спанемѣ опчаяваться, Маргарита. Руки наши спюшѣ золоша. Ешьли будемѣ живы и здоровы, то со временемѣ заплашимѣ свой долѣ. Вотѣ все мое ушѣшеніе. Я бы умерѣ сѣ горя, ешьли бы не надѣялся, что опкладывая палерѣ за палеромѣ, могу наконецѣ заплашишь все. Собрала ли шы всѣ деньги, которыя у насѣ оспались?

Маргар. Собрала, другѣ мой; сочла и положила вѣ мѣшокѣ. [*Вынииаеѣ изѣ сундука кожаной мѣшокѣ.*] Тутѣ нѣшѣ и спа палеровѣ.

Тибо. А мнѣ помнишя, что шутѣ было ровно спю.

Маргар. Правда; да я вынула двѣнашцать франковѣ, чшобы намѣ хошя нѣсколькю времени было чѣмѣ содержать свой домишка,

Тибо. [*Смотря на нее пристально.*] Другѣ мой! можно ли намѣ содержать домѣ свой чужими деньгами? Сохрани Боже, чшобы шакая мысль когда нибудѣ при-

пришла къ намъ въ голову! Положи опять въ мѣшокъ эти двѣнадцашь франковъ, любезная Маргарита!

Маргар. [*Вздыхнувъ.*] Ты правду говоришь — вошь они.

[*Кладетъ двѣнадцать франковъ въ мѣшокъ, и прячетъ его въ сундукъ.*]

Тибо. Хорошо. Теперь намъ остается собрать все свое платье и пожитки, чтобы ошдашь ихъ господину. Оставимъ у себя только то платье, которое шеперь на насъ. Такимъ образомъ мы можемъ показаться ему безъ зазрѣнія совѣсти. Вошь одинъ способъ спастись отъ погибели! [*Тихонько стучатся*]

Жанета. [*Побѣжавъ къ дверямъ.*] Кажется, что у дверей стучатся. Кто-то тамъ стоитъ. [*Возвращается и говоритъ въ полголоса:*] Это Земской.

Тибо. Земской! Что ему до меня? У насъ съ нимъ нѣтъ никакихъ дѣлъ.

Маргар. Я вся дрожу. Мы пропали, другъ мой. Видно, что судъ входитъ въ наши дѣла. Я знаю Земскаго. Надобно, чтобы было какое нибудь несчастіе, когда онъ пришелъ къ намъ.

Тибо. Будь покойна, другъ мой; намъ не чего бояться. Возьми дѣшей и оставь меня съ нимъ одного.

Маргар. Нѣтъ, нѣтъ! я не хочу тебѣ одного оставишь.

Тибо. Поди, поди. Какъ онѣ ни золѣ, а меня не испугаетъ. Ты меня огорчишь, естли здѣсь останешься. Пожалуй поди.

Маргар. Естли приказываешь — —

[*Уходитъ, взявъ Жанету и Луизону за руку. Земской съ ними встрѣчается и кланяется. Дѣвочки испугавшись прижимаются къ матери, и уходятъ.*]

Я В Л Е Н І Е VII.

Земской, Тибо.

Земской. Здравствуй, Тибо! Кажется, ты прошелъ не давно по городской дорогѣ?

Тибо. Можетъ быть, господинъ Земской; я только что пришелъ отъ нашего господина, которому надобно было объявить о худомъ состояніи дѣлъ моихъ.

Земской. Какъ! не посовѣтуясь со мною! Сдѣлались ли вы съ нимъ?

Тибо. Нѣтъ еще.

Земской. Тѣмъ лучше. Я пришелъ сказать тебѣ, что могу тебя противъ чего защищать.

Тибо.

Тибо. Противъ него? Развѣ не онѣ выпросилъ тебѣ это мѣсто?

Земской. Правда. Для того-то я и не хочу итти противъ него явно. Намѣреніе мое то, чтобы тайно помогать тебѣ. Я сыщу тебѣ приказнаго чело-вѣка въ городѣ, которой и неправое дѣло сдѣлаешь правымъ. Понимаешь меня? ну совершеннаго плута. Онѣ вѣрно поможетъ тебѣ; я ему пріятель.

Тибо. Совершенной плутъ швой пріятель! Смотри, какая дружба! Пожалуй, я бы это и такъ угадалъ.

Земской. Вѣдь это такъ говорится. Я хочу сказать, что онѣ такой чело-вѣкъ, которой можетъ вывести тебя изъ всякаго затрудненія. Обстоятельствва для тебя полезны. Когда годѣ чрезвычай-но дуренъ, то судьи дѣлаютъ нѣкошо-рую убавку въ ошкупной суммѣ.

Тибо. А зассавляютъ ли они ошкуп-щиковъ давать господамъ болѣе, когда годѣ чрезвычайно хорошъ?

Земской. Нѣтъ.

Тибо. Когда шакъ, то я не пойду просить вашихъ судей. Еслили бы я получилъ и двѣ тысячи талеровъ прибыли отъ моего ошкupu, то господинѣ не могѣ бы пошребовать съ меня болѣе положен-

наго. Когда же я самъ теряю двѣ тысячи палеровъ, то и мнѣ не лѣзя ничего требовать съ господина.

Земской. Такъ ты презираешь Правленіе, которое хочешь подать тебѣ руку помощи?

Тибо. Я не презираю Правленія, однакожь совѣсть мою уважаю еще болѣе. Еслили торгъ мой не противенъ законамъ, то Правленію не во что шумѣ и мѣшаться. Хотя бы оно и совсѣмъ освободило меня отъ моего обязательства, однакожь честь велѣла бы мнѣ исполнить его.

Земской. Ни честь ни совѣсть твоя въ этомъ дѣлѣ не пострадають. Вѣдь не ты виною такова великова несчастія.

Тибо. По чему ты знаешь? Можешь бышь я виноватъ въ томъ, что купилъ вдругъ столько скопины. Мнѣ должно было купить гораздо менѣе; тогда бы я не столько потерялъ, и денегъ бы у меня осталось довольно для заплавы за откупъ.

Земской. Твоя ли вина или не твоя, да это уже сдѣлалось. Знаешь ли, другъ мой, чему ты себя подвергаешь, отдавшись во власть Господину Вервилю? Онъ можетъ тебя посадить въ тюрьму.

Тибо.

Тибо. Естьли шакъ, то какъ же лишить его эпова права? Естьли же онъ намѣренъ поступить со мною человеколюбиво, то начшо отнимать у него эшо удовольствіе?

Земской. Хотя бы Господинъ Вервиль и не спалъ на тебѣ строго взыскивать, однакожь онъ смершной; а наслѣдники его можешъ спастъся не будутъ такъ снисходительны. Когда же прибѣгнешъ къ Правленію, то можешъ онъ всего избавиться; пошому чшо оно велитъ дать тебѣ квиванцію.

Тибо. Можешъ ли Правленіе заста-вить думать Господина Вервиля, что онъ получилъ все, когда онъ въ самомъ дѣлѣ не получалъ всего?

Земской. Нѣтъ; но войдя въ швое состояніе, оно увѣритъ его, что ты не можешъ заплашить ему.

Тибо. Для эпова нѣтъ нужды ишши въ судъ. Я и самъ могу эшо доказать ему. Онъ уже извѣщенъ о моемъ несчастномъ состояніи, и не можешъ пошребовать съ меня болѣе шого, что у меня есть.

Земской. Безъ сомнѣнія; но надобно все дѣлать порядкомъ. Приказной чело-вѣкъ, котораго я для себя сыщу, пош-
часъ

часъ напишетъ тебѣ прошеніе, которое подай мнѣ, и по которому я отпрапортуую Правленію о швоемъ состояніи. По шомъ съ цѣновщиками оцѣню швой хлѣбъ, сдѣлаю опись швоимъ пожішкамъ, а послѣ начнемъ дѣло.

Тибо. И все это сдѣлается даромъ?

Земской. Это бы несправедливо было. Мѣсто мое имѣетъ свои права. Да вѣдь не ты будешь плашить. Это все напередъ вышнено будешъ изъ той суммы, которую тебѣ надлежало бы заплашить Господину Вервилю.

Тибо. Такъ онъ еще менѣе получитъ.

Земской. Чшо тебѣ до того нужды?

Тибо. Какъ чшо нужды? Я конечно не дамъ тебѣ поживишься своими деньгами, съ шѣмъ, чшобы ошнять ихъ у Господина Вервиля. Тебѣ я ничѣмъ не долженъ, а господину обязанъ вѣчною благодарностію за его ко мнѣ милости.

Земской. Ты все будешь съ нимъ квитъ. вмѣсто всего долгу, досшанушся ему швой пожішки; впрочемъ могу еще вѣкоторую часть изъ нихъ тебѣ сберечь; а шо, чшо впередъ вырабошашь, будешъ швое.

Тибо. А я не такъ думаю. Чшо у меня шеперь ошпалось, шо все ошдамъ

гос-

господину; а что впередъ ежедневно могу сберечь сверхъ пропитанія своей семьи, то буду собирать и отдавать ему, чтобы мало помалу съ нимъ разплашился.

Земской. Не уже ли хочешь ты изощришь всѣ свои силы, работая безъ всякой прибыли? Не уже ли во всю свою жизнь спанешь пахашь на другихъ?

Тибо. [Съ чувствительностію.] Ахъ! ты не знаешь того удовольствія, которое человекъ чувствуетъ, будучи самъ собою доволенъ! Съ какою радостию спану по временамъ приносить ему плоды моихъ трудовъ! Какое буду чувствовать удовольствіе, доказывая ему свою благодарность; доказывая, что онъ во мнѣ не ошибся, почитая меня честнымъ человекомъ, и что потерявъ все мое небольшое имущество, не лишился я честности!

Земской. Теперь вижу, бѣдной Тибо, что ты въ дѣлахъ ничего не смыслишь.

Тибо. То есть, я не хочу тебѣ помогать въ твоихъ дѣлахъ. Ты думаешь, что я буду слугою твоего корыстолюбія, и желаешь завести меня въ дѣло для того только, чтобы самому получить прибыль. Для чего ты не пошелъ
къ

къ господину и не вызвался служить ему по дѣлу его со мною? Ты зналъ, что онъ по милосердію своему не захошѣлъ бы меня раззорить вконецъ, а думалъ, что я могу бышь неблагодарей и спану спараться не заплашишь шого, что я ему по справедливости заплашишь долженъ? Нѣшъ, Земской! забудь, естли хочешь, его къ шебѣ милоспи; а что до меня касается, шо я буду ихъ вѣчно помнишь. До этова времени не имѣлъ я вѣ шебѣ нужды, а думаю и никогда имѣшь не буду. Поди, ищи другихъ дѣлъ шѣмъ плушамъ, копорыхъ шы называешь своими пріятелями.

Земской. Какъ! шы смѣешь меня поносить! Знаешь ли, что я рано или поздно могу отмстить шебѣ?

Тибо. Ты бы у меня скорѣе задрожалъ, естли бы я захошѣлъ сказать Господину Вервилю о твоихъ проискахъ.

Земской. Нѣшъ, нѣшъ, любезной Тибо! Сдѣлай милость — —

Тибо. Поди вонъ, подлецъ! Я не хочу пользоваться ни твоими совѣшами, ни случаемъ къ твоему наказанію.

[*Земской уходитъ въ замѣшательствѣ.*]

Я В Л Е Н І Е VIII.

Тибо. Вошѣ шѣ люди, которые должны спараться о соблюденіи спокойствія въ деревняхъ! Они шово и ищущѣ, чшобы сдѣлать безпорядокѣ и раздорѣ, и совсѣмѣ раззоряющѣ поселянѣ, заводя ихѣ въ приказныя хлопоты. Вмѣсто шого, чшобы спараться соглашашѣ бѣднато сѣ богатымѣ, они шолько лишь спаряющся ихѣ другѣ сѣ другомѣ поссорить. Какой господинѣ не будетѣ милосливѣ кѣ своему опкупщику, узнавѣ, что опкупщикѣ почишашѣ его своимѣ опцомѣ? Будь же ты моимѣ опцомѣ, Господинѣ Вервиль! Я поручаю шобѣ сѣ довѣренностію не шолько собшвенную свою судьбу, но и судьбу жены и дѣшей моихѣ.

Конецъ перваго Дѣйствія.

(Продолженіе будетъ впредь).

ДУРАКЪ.

Одинъ знатной человекъ держалъ у себя въ домѣ забавнаго дурака, и однажды далъ ему посохъ, приказывая, чтобы онъ отдалъ его тому, кого найдешь еще глупѣе себя. Черезъ нѣсколько лѣтъ по томъ господинъ занемогъ. Дуракъ пришелъ къ нему въ комнату. Больной сказалъ слабымъ голосомъ, что онъ долженъ скоро съ нимъ разстаться. Куда же хочешь ты отправиться? спросилъ дуракъ. На томъ свѣтъ, отвѣчалъ господинъ. — „Когда же ты возвратишься къ намъ? Небди черезъ четыре что ли?“, — Нѣтъ! — „Такъ черезъ годъ?“, — Нѣтъ! — „Когда же?“, — Никогда! — „Что же ты припасъ на такую дальнюю дорогу и на житье въ томъ мѣстѣ, куда отправляешься?“, — Ничего! — „Ничего? сказалъ съ удивленіемъ дуракъ: такъ возьми же мой посохъ. Ты хочешь навсегда оставить насъ, а ничего не приготовилъ и ни мало не думалъ, какъ бы тебѣ житье щастливо и весело на томъ свѣтъ, ошкуду ты никогда не возвратишься? Возьми же мой посохъ, возьми; пошому что я не дѣлалъ еще такого дурачества — ты глупѣе меня..“

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Нѣтъ, Маргарита, намъ не чего опасаться Земскаго. Увѣряю себя, что онъ теперь боится меня гораздо болѣе, нежели я его.

Маргар. Ну слава Богу! Я знаю, что ты и для моего спокойствія не станешь меня обманывать.

Тибо. Такъ будь же покойна. Теперь скажу тебѣ добрыя вѣсти. Я думалъ, что Жерве, такъ же какъ и я, лишился всей своей скопины; а ходя у себя по саду, увидѣлъ сквозь заборъ, что четыре добрыя коровы ходятъ по его лугу.

Маргар. Ну такъ что же, мой другъ?

Тибо. Вѣдь у насъ съ нимъ есть договоръ, по которому двѣ изъ этихъ коровъ принадлежатъ мнѣ.

Маргар. Какъ это?

Часть XIX. No. 29.

Тибо. А вотъ какъ. Когда скотъ нашъ спалъ валишься, увидѣлъ я, что Жерве очень печаленъ. Тогда былъ я богатѣе его, и шакъ обѣщался ему не покинуть его въ нуждѣ. Онъ благодарилъ меня за добрую волю мою шакъ искренно, что я вздумалъ шопчасъ доказать ему дружбу свою дѣломъ. Хотя стадо мое было гораздо болѣе, нежели его, однакожъ мы положили смѣшавъ всю нашу скотину, которая оспанется жива, и раздѣлить ее по поламъ. Я тогда никакъ не думалъ, чтобы это условіе было не въ его пользу; да и нынѣ бы не захотѣлъ эшимъ воспользоваться, ештли бы дѣло шолько отъ насъ зависѣло. А шеперь уже это не въ моей власти. Мнѣ должно собрать все свое и отдать господину. Я почту себя воромъ, ештли упушу хошя одну полушку.

Маргар. Да еидѣлъ ли ты Жерве послѣ нашего нещасія?

Тибо. Нѣтъ, я шеперь послалъ къ нему изъ саду Жоржа. Да вотъ онъ уже и возвратился.

Я В Л Е Н І Е II.

Тибо, Маргарита, Жоржъ.

Тибо. Ну что сказалъ Жерве?

Жоржъ. Что онъ не знаетъ, о чемъ я ему говорю, и не понимаетъ, какое тебѣ дѣло до его коровъ.

Тибо [удивясь.] Такъ надобно думать, что ты ему не что говорилъ?

Жоржъ. Нѣтъ, точно то, батюшка. Я ему отъ слова до слова сказалъ все, что ты мнѣ приказывалъ. А Жерве такъ хорошо понялъ рѣчи мои, что пересказалъ ихъ Земскому, которой у него случился. Онъ и самъ придетъ съ тобой переговорить.

Тибо. Хорошо, хорошо, одно слово насъ съ нимъ согласишь. Жерве знаетъ самъ, что мы другъ другу общали.

Маргар. Да есть ли у тебя розписка въ томъ, что онъ тебѣ общалъ?

Тибо. Я не имѣю въ ней нужды. Можешь ли быть что вѣрнѣе даннаго слова? А когда оно ничего не значить, такъ нѣтъ уже честности.

Маргар. Ты полагаешь, что всѣ люди такъ думаютъ, какъ ты. О другъ мой! когда дѣло идетъ объ интересъ — —

Тибо. Чшо ты говоришь? Я не могу пакъ дурно думать о своемъ сосѣдѣ, почитавъ его всегда добрымъ человекомъ. Вотъ и онъ. Увидишь, какъ все хорошо кончился. [*Жоржу.*] Теперь въ тебѣ нѣтъ нужды, Жоржъ; можешь ийти къ своему дѣлу.

Жоржъ. Хорошо, башюшка. —
[*Уходитъ.*]

Я В Л Е Н І Е III.

Тибо, Маргарита, Жерве.

Тибо. Хорошо сдѣлалъ, Жерве, что самъ пришелъ. Я бьюсь объ закладъ, что Жоржъ все перевралъ.

Жерве. Конечно; потому что я совсѣмъ не понялъ словъ его. Онъ мнѣ сказалъ, что ты прислалъ его за моими коровами.

Тибо. Нѣтъ, я приказывалъ ему просить у тебя моихъ.

Жерве. Твоихъ?

Тибо. Да, да, изъ шѣхъ, которыя ходятъ по своему лугу. Вѣдь у тебя осталось чешыре?

Жерве. Чешыре; да развѣ онъ швои?

Тибо

Тибо. Двѣ изъ нихъ мнѣ принадлежатъ. Развѣ мы не дали другъ другу слова, раздѣлишь пополамъ все, что у насъ останеться?

Жерве [*въ замѣшательствѣ.*] Однакожь, Тибо — —

Тибо. Безъ всякихъ околичностей. Скажи прямо, былъ ли между нами эшошъ договоръ?

Жерве. Я не могу отъ эпова оппереться, сосѣдушка; однакожь мы часто говоримъ то, чего послѣ не можемъ сдѣлать. Подумай, въ какомъ я шеперь состояніи. Отъ большова спада оспадось у меня только чепыре скошины, а изъ нихъ еще опдашь шебѣ двухъ?

Тибо. Мое состояніе хуже швоего, пошому что я принужденъ у шебя ихъ шросить. Когда мы дѣлали съ шобою договоръ, то для кого казался онъ полезнѣе? Вѣдь у меня было гораздо болѣе коровъ, нежели у шебя. Не я ли кошѣлъ честнымъ образомъ помочь шебѣ? Не самъ ли ты почиталъ эшо за благодѣяніе съ моей шпороны? Осмѣлься въ эшомъ запереться.

Жерве. Такъ, сосѣдъ; да послѣ шаккой потери. . . .

Тибо. Вошѣ какова швоя честность! Ты одинѣ изѣ шѣхѣ людей, кошорые хороши бывають вѣ благополучіи; а когда придетѣ нещастіе, такѣ и все пропало. Маргарита знаетѣ шебя болѣе, нежели я. Вижу, какѣ надобно думаешь о прямодушїи людей!

Жерве. Земской сказалѣ мнѣ, что и Правленіе не можеть меня вѣ эшомѣ обвинить.

Тибо. Мнѣ уже не чего сѣ побую говорить, когда ты совѣшуешься сѣ крючками прежде, нежели сѣ совѣстію. Я былѣ швой другѣ, да еще и шеперь не забылся сполько, чтообы шацишь шебя вѣ судѣ, и публично заставишь признашься вѣ своей нечестности. Уступаю тебѣ коровѣ шеоихѣ. Я бы никогда не потребовалѣ ихѣ, естѣли бы мнѣ не надобно было употребить всѣхѣ средствѣ для разплатѣ сѣ Господиномѣ Вервилемѣ. Тенерь лишній годѣ на него проработаю. Поди отѣ меня. Я забываю швое слово.

Жерве [горестнымѣ голосомѣ.] О Тибо! ты колишь меня ножемѣ вѣ сердце! (*Уходитѣ.*)

Я В Л Е Н І Е IV.

Тибо, Маргарита.

Тибо [закрывъ лицо руками.] Онъ меня обманулъ. А я почиталъ его вѣрнѣйшимъ другомъ своимъ! Могъ ли этова ожидать отъ него?

Маргар. [подходя къ нему.] Полно, другъ мой. Теперь пришла моя очередь утѣшать себя.

Тибо. О Маргарита! я не шую о потерѣ богатства, но не могу не шужить о потерѣ дружбы!

Маргар. Успокойся; мы найдемъ лучшихъ друзей. Вошъ богатой Робертъ. Можетъ быть онъ пришелъ съ какимъ нибудь хорошимъ предложеніемъ.

Я В Л Е Н І Е V.

Тибо, Маргарита, Робертъ.

Робертъ. Здравствуй, Тибо! Ну, какъ идутъ твои дѣла?

Тибо. Худо, Робертъ. Тебѣ конечно извѣстно, что я совсѣмъ раззорился.

Робертъ. Такъ, мнѣ это сказывали; да шѣмъ я къ тебѣ и пришелъ.

Тибо. Я всего лишился.

Робертъ. Какъ! у тебя еще прекрасная рожь; ты можешь за нее взять хорошія деньги. Естѣли хочешь ее продать, Робертъ твой покупатель. Я куплю ее на корнѣ, такъ какъ она есть, и заплачу чистыя денежки. Что же ты скажешь?

Тибо. Я очень радъ, что ты хочешь купить эту рожь. Господинъ нынѣшнимъ упромъ сюда прѣдетъ. Ты можешь съ нимъ договориться. Я не буду у тебя перешоргивать.

Робертъ. Что мнѣ нужды до господина? Это твоя рожь.

Тибо. Назадъ тому нѣсколько дней была она моя; а теперь уже нѣтъ.

Робертъ [съ удивленіемъ.] Какъ! развѣ ты ему продалъ ее?

Тибо. Нѣтъ; но когда померла вся моя скопина, то мнѣ уже не чѣмъ ему плашить. Я отдаю ему все, что имѣю.

Робертъ. Развѣ ты съ ума сошелъ? Пока онъ по формѣ не откажетъ за собою твоего хлѣба, до того времени хлѣбъ твой, и ты можешь дѣлать съ нимъ, что хочешь. Ты и такъ уже много потерялъ. Спроси у Маргариты, что она объ этомъ думаетъ.

Мар-

Маргар. Я думаю, что намъ надобно, чего бы то ни стоило, заплашить весь свой долгъ. Пусть мы лишились своей скопины: да вѣдь ее не господинъ у насъ опнялъ. Чѣмъ онъ виноватъ? Пошеря наша.

Робертъ. Не уже ли надобно отдашь и послѣдній кусокъ хлѣба? Вѣдь должно чтонибудь поберечь на поправку своего состоянія.

Тибо [*посмотря на него сурово.*] Поберечь съ убыткомъ нашего милостиваго господина?

Робертъ. Онъ богатъ. Все, что ты ему отдашь, будетъ для него менѣе, нежели для тебя палеръ.

Тибо. Конечно онъ можешь и безъ эпова жить; но мнѣ ли опнимать у него? Честно ли это будетъ?

Робертъ. Да развѣ ты не знаешь, что онъ человекъ жалостливой и великодушной?

Тибо. Для того-то и не должно во зло употреблять его великодушія.

Маргар. Развѣ можно прошивъ него поступать безчестно, для того, что онъ честно поступаетъ прошивъ другихъ?

Тибо. Нѣтъ, Робертъ, это бы было мерзко.

Робертъ. Не будь такъ гордъ, и подумай хорошенько. Вѣдь какъ на что посмотришь. Онъ конечно бы сдѣлалъ тебѣ добро: сдѣлай же добро самъ себѣ. Развѣ эшо будешъ худое дѣло, когда ты вступишь себя въ число шѣхъ несчастныхъ, которымъ онъ помогаетъ?

Тибо. Не долго бы онъ пользовался эшимъ удовольствіемъ, естли бы всѣ откупщики его послѣдовали твоимъ совѣтамъ.

Робертъ. Какъ ты упрямъ! Я только попустому теряю время. Мнѣ осталось сказать тебѣ одно слово. Хочешь ли ты продать мнѣ свою рожь, или нѣтъ?

Тибо [съ презрительною усмѣшкою] А! я теперь тебя понимаю. Знаю, для чего ты берешь такое участіе въ моемъ несчастіи. Послушай. Ты богатъ, и эша покупка для тебя ничего не стоитъ. Я знаю лучший способъ, которымъ мы оба съ тобою поживиться можемъ.

Робертъ. Хорошо, хорошо! Посмотришь, что такое.

Тибо. Господинъ сюда скоро будетъ, съ нимъ всегда полной кошелекъ, золотые часы и другія дорогія вещи. Хочешь ли ийти въ лѣсокъ, чтобы шамъ его ограбить? Тутъ будешъ не мало прибыли.

Робертъ [отступя нѣсколько шаговъ назадъ.] Что ты говоришь, Тибо?

Тибо. Вѣдь онъ богатъ. Ч.го онъ пущѣ лишился, то будетъ для него меньше, нежели для насъ шалеръ.

Робертъ. Хорошо, а висѣлица?

Тибо. Такъ только она тебя оспавливаетъ! — Робертъ! если бы я былъ судья, то бы доказалъ тебѣ, что дѣло, которое ты мнѣ предлагаешь, не меньше достойно висѣлицы. Опнись у человека деньги, или захватишь плоды его земли, за которую плашишь не чѣмъ — я не знаю, Робертъ, которая изъ этихъ двухъ кражъ хуже.

Робертъ. Я вижу великую разницу.

Тибо. Можетъ быть; однакожь, подумавши сѣбѣ эгомъ хорошенько, ты конечно со мною согласишься.

Робертъ. Нѣтъ, нѣтъ, братъ! Худой бы барышъ получилъ я, если бы такъ думалъ. Подумай самъ хорошенько, Тибо. Что, господинъ швой будетъ тебя благодарить, когда ты для него совсѣмъ разоришься? Нѣтъ, онъ только презритъ тебя, и хуже сѣ тобою поспушитъ.

Тибо. Да, если бы у него было такое сердце, какъ у тебя, то бы я имѣлъ причину бояться его. *Ро-*

Робертъ. Да скажи мнѣ, упрямой человекѣ, что я сдѣлалъ худова, хотѣвши избавить семью швою отъ совершенной бѣдности? Ты будешь причиною мученія и смерти дѣшей своихъ. Я прошу тебя только о томъ, чтобы ты за сходную цѣну продалъ мнѣ рожь свою. Эпими деньгами — —

Тибо [схвативъ его за руку.] Робертъ! въ восемь дней я потерялъ все свое имущество, и скоро не буду имѣть ни одной полушки. Однакожь прежде, нежели вздумаю доспавать себѣ пропитаніе какимъ нибудь безчестнымъ образомъ [снявъ шляпу] прошу тебя, Боже, убить меня громомъ Своимъ!

Робертъ [съ насмѣшливымъ видомъ.] Хорошо. Что тебѣ нужды до жены и до дѣшей? Пускай онѣ умираютъ съ голоду. Лежа на соломѣ, ты къ удовольствію своему услышишь, что о тебѣ скажутъ: Тибо доброй, честной человекѣ!

Тибо. А тебя будутъ всегда называть плутомъ. Негодай! тебѣ и безъ того не лзя прожить денегъ своихъ, а ты шакъ жаденъ къ прибышкамъ, что хочешь грабить другихъ, и сдѣлать меня шакимъ же злодѣемъ, каковъ самъ ты!

[Схва-

[Схвативъ его за плеча.] Выдь сію минушу изъ моего дому, или я тебя при-
бую. [Выгоняетъ его.]

Я В Л Е Н І Е VI.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Я въ жизнь свою не видывалъ
такова безспыднаго плуша. Ему извѣ-
стно, что я не могу перпѣть ни ма-
лѣйшей несправедливости, а онъ пришелъ
предлагать мнѣ спрашной грабежъ. Не
осмѣлился бы онъ этова сдѣлать, когда
я былъ въ хорошемъ состояніи. Бѣд-
ность ужасна, когда она подвергаетъ
человѣка такимъ обидамъ. О Маргарита!
употребимъ всѣ наши силы, чтобы не
поколебаться въ бѣдности! Чѣмъ мы бѣд-
нѣе, тѣмъ честнѣе быть должны.

Маргар. Иначе подумали бы, что мы
были честны отъ богатства.

Тибо. Это ушѣшаетъ меня въ пене-
решнемъ моемъ огорченіи. Жена! не
спанемъ слушать другихъ. Намъ нѣтъ
ни въ комъ нужды. [Слышитъ стукъ у
дверей] Кто стучитъ? Не уже ли мнѣ
ни одной минушы покою не будетъ?

(Продолженіе будетъ впродъ).

А Н Е К Д О Т Ы.

Почти всѣ преступленія производящъ отъ неразумительности. Рѣдко погрѣшаютъ съ намѣреніемъ, еще рѣже по невѣдѣнію, а по большей части отъ недоспащочнаго разсужденія, или отъ излишней поспѣшности. Одна Сократова привычка служилъ въ семъ случаѣ наилучшимъ наставленіемъ. Когда онъ, слѣдуя Греческому обычаю, много бѣгивалъ или разгорячался отъ другихъ шѣлесныхъ упражненій, то никогда вдругъ не пивалъ, подошедши къ колодцу, но пошхоньку лилъ въ ведро воду, и опять выливалъ ее. Сей Философъ дѣлалъ это не только для того, что въ жару пить опасно; но болѣе для того, чтобы вообще не удовлетворялъ вдругъ своимъ желаніямъ, и прежде подумалъ. Ни въ какомъ случаѣ разумительность не бываетъ такъ нужна, какъ въ разговорахъ. И такъ изреченіе Поэпа Симонидеса есть важная истина: *Часто разканваются въ томъ, что сказали; но никогда не разканваются въ томъ, что умолчали.*

Не многіе люди терпѣливо сносятъ то, что заочно говорятъ объ нихъ дурно. Сократъ съ величайшимъ равнодушіемъ слушалъ, что его поносятъ за глаза, и всегда говаривалъ: *Естьли заочно и бить меня станутъ, такъ я ни слова не скажу.*

Еще большую терпѣливостъ оказалъ Царь Аншигонъ. Сидя въ своей спавкѣ, услышалъ онъ, что двое воиновъ, которые спояли подлѣ спавки, весьма злобно бранили его. Слушавъ нѣсколько минутъ сію брань, выглянулъ онъ изъ спавки, и сказалъ: *Естьли хотите такъ говорить обо мнѣ, то отойдите подалѣе, чтобы я этого не слыхалъ.*

Діонисій, Сиракузской Тиранъ, спросилъ съ насмѣшкою Философа Аристиппа: „опъ чего бы это происходило, что Философы такъ часто ходятъ къ знатнымъ людямъ, а знатные никогда не ходятъ къ Философамъ?“, — Это происходитъ опъ того, опвѣчалъ Аристиппъ, что Философы нужды свои знаютъ, а знатные нѣтъ.

Павелъ Эмилий, ободря побѣжденнаго и унылаго Персея, сказалъ побѣдившимъ Римлянамъ: *Вотъ примѣчанія достойной примѣръ непостоянства вещей человѣческихъ! Вамъ наиболѣе говорю сіе, о юноши! Никогда не должно во дни счастья гордиться и угнѣтать людей несчастныхъ; никогда не должно полагаться на счастье. Тотъ единственно есть мужъ, котораго душа въ счастьи не превозносится и въ несчастіи не унываетъ.*

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

Я В Д Е Н І Е VII.

Тибо, Маргарита, Пелажъ.

Пелажъ. Здравствуйте, добрые люди!

Тибо [подойдя къ нему съ грубымъ видомъ] Чпо шебъ надобно, Пелажъ? Чпо, и ты пришелъ предлагашъ намъ какое нибудь безчестное дѣло?

Пелажъ [тихимъ голосомъ.] Я, Тибо? Развѣ ты когда нибудь слыхалъ ошъ меня пакія предложенія?

Тибо [обнимая его.] Нѣшъ, нѣшъ, прости меня. Этому причиною оспа-токъ моей досады. Ешъли бы ты зналъ, чпо со мною вѣ эпошъ часѣ случилось, по бы конечно извинилъ недовѣренность мою ко всѣмъ людямъ на свѣшъ. Приказной хочешъ, чшобы я покривилъ душею; другѣ мой плашишъ за мое благодѣяніе неблагодарностью; а самой богатой крестьянинѣ вѣ нашей деревнѣ хочешъ за деньги купить честность мою.

Пелажъ. Забудь эшихъ подлецовѣ. Ешъли зло почишаютъ они своимъ ремесломъ, по шебъ не надобно на нихъ

Часть XIX. No. 30.

Г

сер-

сердишься. Послушай — дѣло все состоитъ въ двухъ словахъ. Я знаю, что ты не въ состояніи заплатить Господину Вервилю. На сей разъ не могу тебѣ дать всей суммы. Попроси сроку. У меня есть что заложить; я буду твоей порука, а ты можешь оставишь за собою опкупъ.

Маргар. [мужу своему, которой отъ великаго изумленія стоитъ неподвижно.] Видишь, другъ мой, какая добродѣшель! [Пелажу.] Любезной сосѣдъ! какъ пришла тебѣ къ голову такая спасительная для насъ мысль?

Пелажъ. Это ни мало не удивительно. Добродушной Тибо, думалъ я, помогаль всѣмъ шѣмъ, которыхъ онъ видѣлъ въ нуждѣ; жалко будешь, еслии ему теверь никшо не поможешь — подумалъ и пришелъ къ вамъ.

Маргар. [про себя.] Самъ Богъ послалъ его къ намъ.

Пелажъ. Тибо! ты не говоришь ни слова? [Подаетъ ему руку.]

Тибо [схвативъ его руку, и сжавъ ее крѣпко.] Любезной Пелажъ! не думай, чтобы это происходило отъ нечувствительности. Я сердечно пронущъ твоимъ

имѣ предложеніемъ; однакожь никакъ не могу принять его.

Целажъ. Для чего же? Оно для тебя не бесполезно. Какъ бы ни хорошо былъ расположенъ къ тебѣ Господинъ Вервель, однакожь дѣло пойдетъ еще лучше, когда я поручусь; ему уже не можешь быть никакова убышку.

Тибо. Но кто же тебѣ за меня будетъ порукою?

Целажъ. Твоя честность, разумъ швой и швое шрудолюбіе.

Тибо. Видишь, какъ все эшо надежно! Одинъ худой годъ раззорилъ меня, а другой можешь и тебя раззорить со мною.

Целажъ. Нужды нѣтъ; иду на шо.

Тибо. А эшова я и не хочу. Довольно и шого, что я наказываюсь съ своею семьею: на что мнѣ еще наказывать друзей своихъ? Я бы совсѣмъ покою лишился. Туманъ, облачко, не большой вихрь, приводили бы меня въ страхъ.

Целажъ. Ештли бы ты зналъ, любезной Тибо, какъ огорчаешь меня швой отказъ! Не уже ли я не могу ничего для тебя сдѣлать?

Тибо. Ты уже довольно для меня сдѣлалъ, облегчивъ бѣдное мое сердце. Оно разшерзано; но слезы, кощорыя вижу въ

своихъ глазахъ, цѣлящъ раны его. О другъ мой! какъ ни тяжело сдѣлалась для другихъ жалкимъ, однакожь сожалѣніе гораздо сноситъ поношенія! Благодаря Бога, ты никогда не будешь жалѣшь, что знакомъ со мною. Гдѣ бы я съ тобою ни встрѣшился, не будешь мнѣ нужды надвигать на глаза шляпы, или ошворачивать голоры, чтобы не покраснѣть отъ своего взора.

Целажъ. Чѣмъ ты упорнѣе, тѣмъ болѣе чувствую къ тебѣ дружбы. А ты, жестокой человекъ, не хочешь быть моимъ другомъ!

Тибо. Подумай, другъ мой, подумай! Я знаю, что ты не богатъ. Другъ ли я тебѣ буду, когда доведу тебя до раззоренія, для того чтобы самому черезъ то поправиться? Нѣтъ, любезной соудъ, я еще никого не раззорялъ; да и впередъ этова обо мнѣ не скажешь. Во всю жизнь свою хочу засыпать съ сердцемъ невиннымъ. Только въ такомъ состояніи солома кажется царскою постелею.

Целажъ. Болѣе тебя не принуждаю. Чувствую, что я недостойнъ вывести тебя изъ нужды. Конечно Самъ Богъ хочетъ помочь тебѣ. Только о помѣ прошу тебя, чтобы послѣ Него избралъ ты

ты меня въ первые свои помощники. Руки мои, и все, что имѣю, все къ твоимъ услугамъ. Прощай.

[Уходитъ. Тибо провожаетъ его до дверей, пожимая его руку.]

Я В Л Е Н І Е VIII.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Ну, слава Богу, Маргарита! у меня есть другъ! Однакожь хорошо, что онъ ушелъ. Можетъ бытъ я бы склонился на его прозьбу, боясь его огорчить. Теперь мы избавились отъ эпова жестокова изкушенія. Надобно шолько впередъ отъ него беречься. Ну, жена, пойдёмъ! Такъ и бытъ. Соберемъ наши пожипки до послѣдней бездѣлицы. Пригошовимъ все къ прїѣзду господина. Мнѣ прискорбно будетъ, естли онъ подумаетъ, что мы хотя минушу колебались въ исполненіи своей должности.

[Занавѣсъ опускается.]

Конецъ втораго Дѣйствія.

Д Ъ Й С Т В І Е. ІІІ.

[Занавѣсъ подымается; вездѣ разбросаны
разныя пожитки, а на столѣ лежитъ
связка платя и бѣлья.]

Я В Л Е Н І Е І.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Ободришь, Маргарита, скрѣпи
свои силы сколько можешь, пока мы всѣ
свои хлопоты кончимъ.

Маргар. Кажешся, что все уже кончено.

Тибо. Какъ! намъ уже не чего больше
ошдашь господину? Я никогда такъ не
желалъ быть побѣдшѣ, какъ теперь,
когда расстаюсь со всѣмъ своимъ богат-
ствомъ. Вездѣ ли ты пересмотрѣла?

Маргар. Вездѣ, мой другъ. Я всякой
ящикъ опрокидывала.

Тибо [отдыхая.] Теперь мнѣ легче.
А то казалось, что все это лежало у
меня на сердцѣ и его давило.

Маргар. Ты, думаю, очень уснулъ.
Не хочешь ли выпить рюмку вина?

Тибо. Налей и себѣ и мнѣ вѣ эшотъ
шаканъ.

[Беретъ со стола серебрянной стаканъ.]

Мар-

Маргар. [наливая.] Чшо сѣ шобою сдѣлалось? Рука у шебя дрожишѣ.

Тибо. Ты знаешь, какѣ давно эшотѣ стакакиѣ вѣ семьѣ нашей.

Маргар. Однакожѣ онѣ выходитѣ изѣ нее не за худое дѣло.

Тибо. Дѣдѣ при смерти своей всегда ошдавалѣ его старшему внуку своему, а мнѣ уже не лъзя будетѣ ошдать его моему внуку!

Маргар. Чшо же обѣ эшомѣ шужишѣ! Тѣмѣ дѣйствительнѣе будетѣ швое благословеніе.

Тибо. Я конечно буду имѣшѣ эшо удовольствіе. [*Ньетѣ и потомѣ показываетѣ стакакиѣ женѣ.*] Посмотри, я шупѣ сдѣлалѣ швой и мой вензель.

Маргар. Ну чшо же, мой другѣ? Эшотѣ вензель не заставляешѣ насѣ краснѣться. Сердца наши были всегда болѣе связаны, нежели имена.

Тибо. Да и вѣчно будутѣ, хопя и вѣ послѣдній разѣ пьемѣ мы изѣ эшова ешакана. Возьми же, любезная Маргарита. [*Подаетѣ стаканѣ Маргаритѣ, которая подноситѣ его ко рту со водо-хомѣ.*] Теперь надобно разкласѣ все хорошенько. Начнемѣ сѣ моего подвѣнчнаго кафшана. [*Скидаетѣ его со стола,*

развертываетъ и разсматриваетъ.] Какъ же я былъ доволенъ, Маргарита, когда надѣлъ его въ первой разѣ, пошедши съ побою въ церковь! Сколько разъ онъ веселилъ сердце мое пріятнымъ возпоминаніемъ! Никогда не открывалъ я шкафа безъ того чшобы на него непоглядѣть; а глядя на него, никогда не бывало, чшобы я не думалъ съ радоспію о помѣ дѣ, въ которой была наша свадьба. Теперь онъ веселитъ меня другимъ образомъ.

Маргар. А какъ, другъ мой?

Тибо. Я радуюсь шому, что сберегъ его на уплашу нашего долгу. Посмотри, какъ онъ еще новъ. Нынѣ уже не дѣлають такихъ большихъ рукавовъ и широкихъ складокъ. Хорошо, чшо въ то время не жалѣли сукна. Изъ него выдешъ нынѣшнихъ два кафшана.

Маргар. Вотъ и мое платье. Надобно ихъ положишь рядомъ. Мы попросимъ господина, чшобы онъ ихъ вмѣстѣ продалъ. Мнѣ жаль будетъ, естли ихъ разрознятъ.

Тибо. Не будь такъ суевѣрна, Маргарита. Чшо намъ нужды, естли ихъ и врсъ продадутъ? Вѣдъ сердца наши все такъ же соединены будутъ.

Мар-

Маргар. Нѣтъ, Тибо, я эшо не боюсь. Эшо не суезѣріе, другѣ мой; эшо не знаю, какѣ тебѣ сказаць. Однакожѣ мнѣ бы хотѣлось, чшобы они были все вмѣстѣ.

Тибо. Ну будь покойна. Господинѣ конечно уважитѣ эшу небольшую слабость. [*Ему попадетсѣ маленькой узелокѣ, обвернутой чистою холстиною.*] Чшо эшо за узелокѣ?

Маргар. Валеншиновѣ. Ты помнишѣ, чшо мы нашли эши вещи и бѣлье вмѣстѣ сѣ нимѣ вѣ колыбѣли. Надобно, чшобы эшо дорогова споило. На, посмотри.

Тибо [*увидѣвъ, что Маргарита хочетъ развязывать узелѣ, хватастѣ ее за руки.* Нѣтъ, жена, мы не имѣемѣ на эшо никакова права, да и господинѣ не можетѣ пребвашѣ шого, чшо принадлежитѣ Валеншину. Естѣли бы онѣ былѣ сынѣ нашѣ, такѣ бы другое дѣло. Положи узелокѣ вѣ эшу коробочку. Мы поговоримѣ обѣ эшомѣ сѣ Господиномѣ Вервилемѣ.

Маргар. Да, естѣли онѣ будетѣ доволенѣ нашими словами!

Тибо. Я не сомнѣваюсь. Онѣ чувствившеленѣ и справедливѣ. Когда я раз-

скажу ему всю исторію, онъ конечно со мною согласишся.

Я В Л Е Н І Е II.

Тибо, Маргарита, Луизона.

Луизона [неся на плечахъ платье.] Возьми, батюшка. Вотъ мое и Жаннетино праздничное платье. На столб что ли его положишь?

Тибо. На столбъ, душинька, подлѣ нашего.

Маргар. [заплакавъ.] Бѣдныя дѣши! какъ мнѣ васъ жаль!

Тибо. Онъ радуешь, а не печалешь насъ. Не уже ли плакать о томъ, что онъ честны? [Съ нѣжностію цѣлуетъ Луизону.] Скажи мнѣ, хочется ли тебѣ, чтобы у тебя эшотъ нарядъ оспался?

Луизона. Конечно бы хотѣлось, есть-ли бы и у васъ съ машушкой платье оспалось. А какъ вы оба должны его отдасть господину, то и мнѣ не надобно моего. Вѣдь тебѣ надобно отдасть ему все то, что имѣешь?

Тибо. Все, дочь моя.

Луизона

Луизона. Я лучше хочу ходить вся въ изодранномъ, нежели слушать, чтобы про меня говорили: смотри, какъ Луизона на чужія денешки щеголяетъ!

Тибо. Хорошо, другъ мой. Такъ надобно разсуждашь. Съ такими мыслями человекъ всегда щасливъ, всегда почтенъ и покоенъ.

Маргар. Отецъ говоритъ правду; не бойся никакой нужды. Мы будемъ работать день и ночь, чтобы вы съ сестрою были довольны.

Луизона. И мы также станемъ всѣми силами работать, чтобы вамъ за пощлашишь.

Тибо. Надѣюсь, что помогая такимъ образомъ другъ другу, можемъ мы вышши изъ нашего бѣдственнаго состоянія. А естли мы и навсегда останемся въ бѣдности, то покрайней мѣрѣ не будемъ ничѣмъ упрекать себя. Ни одинъ человекъ въ свѣтѣ неосмѣлится васъ презрѣть. Послѣ нашей смерти могутъ вамъ сказать: родители ваши были бѣдны; а никогда и ни кто не скажетъ, что они были безчестные люди. Вамъ не стыдно будетъ ишши на ихъ могилу плакать. Никто васъ не опшолкнетъ

кнѣзь отъ нее, чтобы въ глазахъ вашихъ топтать ее съ гнѣвомъ.

Луизона [стараясь улыбкою скрыть слезы свок.] Я пойду, батюшка, и посмотрю, не забыла ли чегонибудь. Когда Жанета все сдѣлаетъ, такъ мы еще чтонибудь принесемъ вамъ.

Я В Л Е Н І Е III.

Тибо, Маргарита.

Тибо. Что, жена, опять печальной видъ? Не уже ли намъ у дѣтей учишься швердоспи? Намъ надобно сохраняшь горячую любовь ихъ, и не подавать имъ причины думать о себѣ худо. Имъ извѣстно, что не безпорядочная жизнь причиною нашего раззоренія; однакожь мы можемъ показаться имъ виноватыми, ежли предадимся малодушному отчаянію. Забудемъ свое несчастіе; а танемъ только утѣшаться любезными дѣтьми нашими.

Маргар. Такъ, мой другъ, для матери нѣтъ ничего утѣшнѣе милыхъ дѣтей. Могла ли я надѣяться по ихъ лѣшамъ найти въ нихъ столько швердоспи и ума?

Тибо.

Тибо. А почему? Я съ своей стороны никогда не думалъ, чтобы такая добрая жена не родила мнѣ такихъ же добрыхъ дѣшей. Онъ будучи посохомъ нашей шарости. Мы можемъ смѣло на него опереться, когда лѣша приведутъ насъ въ слабость. . . . Я слышу Валершиновъ голосъ. Мнѣ надобно переговорить съ нимъ о важномъ дѣлѣ. Маргарита! сдѣлай одолженіе, оставь меня съ нимъ одного.

Маргар. Что это? Развѣ я менѣе твоего беру участія во всемъ томъ, что до него касается? Не уже ли ты думаешь, что онъ мнѣ не такъ дорогъ, какъ тебѣ?

Тибо. Самой швоей горячности къ нему я и боюсь шеперь.

Маргар. Ты меня приводишь въ страхъ. Что это за шайность? Не несчастіе ли какое — —

Тибо. Нѣтъ, другъ мой; запрошивъ шого дѣло идетъ о его благополучіи.

Маргар. А ты не хочешь, чтобы я была шому свидѣтельницею?

Тибо. Ну останься, еслили хочешь. Однакомъ общай мнѣ ни въ чемъ не про-

прошиворѣчишь. Естьли его любишь, естьли думаешь полько о его благополучіи, шо ты должна уговаривать его на шо, что я ему предлагать буду.

Маргар. Для чего ты мнѣ прежде не обѣявилъ своего намѣренія?

Тибо. Вашъ оиѣ. Ты узнаешь все при немѣ.

(Продолженіе будетъ впрядь.)

Н А С М Ъ Ш К И

Одинъ не весьма разумной человекъ на-
скучилъ своими безразсудными во-
просами знакомому своему. Между про-
чимъ хотѣлъ онъ знать, кто изъ Спар-
шанцевъ всѣхъ умнѣе. Тотъ, отвѣчалъ
ему знакомой, кошорой всѣхъ менѣе на
себя похожъ.

Царь Антіохъ, показывая Аннибалу
армію, кошорую хотѣлъ онъ послать про-
шивъ Римлянъ, и гордясь блескомъ и бо-
гатшшвомъ оружія, спросилъ Карѣагенца :
*Какъ ты думаешь, довольно ли этого
для Римлянъ? Аннибалъ ошвѣшествовалъ:
Хотя и знаю великое корыстолюбіе ихъ,
однакожь думаю, что они будутъ этимъ
довольны.*

Одинъ болшунъ ошановилъ на ули-
цѣ Философа Аристошеля и рассказы-
валъ ему множешво вздору, беспресшан-
но пряговаривая: *не чудно ли! Это не-
такъ чудно, сказалъ Философъ, какъ то,
что человекъ, имѣющій ноги, можетъ
стоять и слушать твое пустословіе.*

АНГЛІЙСКОЙ ОТВѢТЪ

Въ одномъ городѣ сдѣлался пожаръ. Одинъ изъ начальниковъ, человекъ сердшой и грубой, по своей должности спѣшилъ туда, гдѣ горѣло. Онъ нашелъ на дорогѣ нѣсколько человекъ мѣщанъ, которые стояли въ кучѣ, и закричалъ имъ: канальи! бездѣльники! ступайте прочь! — Всѣ побѣжали, кромѣ одного, которой съ смѣста не пронулся. — „Развѣ ты не слышалъ, что я сказалъ? — „Слышалъ; а какъ я не каналья и не бездѣльникъ, такъ мнѣ и бѣжать ошсюду не за чѣмъ.

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е IV.

Тибо, Маргарита, Валентинъ.

Валентинъ. Здравствуй, батюшка! я пришелъ у тебя спросить, здоровъ ли ты возвратился.

Тибо. Слава Богу, Валентинъ! какъ видишь.

Валентинъ. Что, какъ тебя господинъ принялъ?

Тибо. Такъ какъ я желалъ. Онъ не изъ шѣхъ гордыхъ и нечувствительныхъ людей, которые думаютъ, что бѣдной крестьянинъ носитъ на себѣ одно имя человека. Скоро самъ онъ будетъ сюда для разчета со мною. А въ уплашу своего долгу отдамъ ему все то, что видишь.

Валентинъ. Какъ! ты вдругъ лишишься того, что наживалъ такъ долго?

Тибо. Это еще будетъ для меня нынѣ не самое тяжелое. Я принужденъ разстаться съ шѣмъ, что для меня гораздо важнѣе этова.

Валентинъ. Да что же въ себя еще останется?

Тибо. Ты, Валентинъ — ты, котораго я такъ любилъ.

Валентинъ. Я, батюшка?

Маргар. [съ великимъ движеніемъ.]
Что ты говоришь?

Тибо. Когда это слово сорвалось у меня съ языка, такъ уже скажу тебѣ, любезной сынъ, что намъ должно разсшаться.

Валентинъ. За что же ты меня отъ себя отсылаешь? Развѣ я передъ тобой въ чемъ виноватъ?

Маргар. Никогда, никогда ты не былъ виноватъ. Я скажу это передъ Самимъ Богомъ. Ты самъ знаешь, Тибо, какъ онъ всегда слушалъ и любилъ насъ.

Тибо. Я то же скажу, Маргарита. Такъ, Валентинъ, ты сдѣлалъ для насъ во сто разъ болѣе, нежели мы могли отъ тебя требовать. Я тебя люблю какъ прямой отецъ; однакожь ты знаешь, что я въ самомъ дѣлѣ не отецъ твой. Если бы мы были въ прежнемъ положеніи, ты бы навсегда остался сыномъ нашимъ, сыномъ любезнѣйшимъ. Всѣ дѣшн мои почишають тебя своимъ братомъ.

шомъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы послѣ смерти моей ты раздѣлилъ съ ними небольшое мое имѣніе, которое собралъ я съ твоею помощію. Эта надежда, пріятная моему сердцу, теперь исчезла. У насъ не осталось ничего; не лзя даже думать, чтобы мы и впередъ поправились.

Валентинъ. И въ самую эту минушу вздумалъ ты исключить меня изъ числа своихъ дѣшей?

Тибо. Такъ надобно. Долгъ крови привязываетъ дѣшей къ участи родителей, какова бы ни была она. Если мы терпимъ, то и онѣ вмѣстѣ съ нами терпѣть должны. Но какое право имѣю я обременять себя моимъ несчастіемъ? Нѣтъ, Валентинъ, я тебѣ какъ другъ совѣтую, а если надобно, то приказываю какъ отецъ, чтобы ты отошелъ отъ несчастнаго. Тебѣ уже пора о себѣ спараться. Немогши себя обогатить, радуюсь по крайней мѣрѣ тому, что возпипалъ тебя добрымъ человекомъ, и открылъ тебѣ путь къ благополучію.

Валентинъ. Если ты хочешь, чтобы я тебя оставилъ, такъ не надобно говорить объ этихъ одолженіяхъ; на-

добно, чтобы я ихъ совсѣмъ забылъ. Ты спасъ жизнь мою еще въ колыбели; жена твоя кормила меня своимъ молокомъ; ты возпитывалъ меня, не ожидая за то награжденія — и послѣ всѣхъ шакихъ благодѣяній велишь ты мнѣ быть неблагодарнымъ?

Тибо. Я сдѣлалъ для тебя только то, что всякой человекъ обязанъ сдѣлать для друга человека. Я былъ бы чудовище, если бы далъ тебѣ погибнуть.

Валентинъ. Я самъ буду чудовище, если нынѣ оставлю тебя безъ помощи.

Тибо. Ты меня знаешь, Валентинъ. Я почишаю за безчестіе жить на щепѣ другихъ.

Валентинъ. И такъ жизнь моя до нынѣшняго дня была безчестна; потому что я жилъ твоимъ хлѣбомъ.

Тибо. Развѣ ты не платилъ мнѣ за то своею работою?

Валентинъ. Пусть я трудами своими заплашилъ тебѣ за твои труды; однакожь сердце мое еще не заплашило тебѣ за любовь твою. Вспомни, батюшка, вспомни время моего младенчества, въ которое былъ я чужой человекъ въ семьѣ твоей. Сколько разъ ты обнималъ меня, пришедши съ работою, на которой ты бывалъ

бывалъ долѣе для того только, чтобы меня прокормить! А ты, матушка, не уже ли забыла тѣ нѣжныя ласки, которыми меня осыпала въ самое то время, когда я отнималъ хлѣбъ у дѣтей твоихъ? Когда весь свѣтъ меня оставилъ, вы меня призрели; а теперь хотите, чтобы я васъ оставилъ? Я былъ у васъ сыномъ для того, чтобы быть наследникомъ вашего имѣнія, а теперь откажусь отъ васъ, чтобы не быть участникомъ вашего несчастія? Если вамъ могло это на мысль прийти, то вы конечно меня презираете. [*Маргарита хочетъ говорить, но отъ слезъ не можетъ сказать ни слова*]

Тибо. Презирать себя, Валентинъ? Нѣтъ, другъ мой, теперь почитаю себя еще болѣе. Однакожь я уже сказалъ, что пора тебѣ самому о себѣ думать.

Валентинъ. Нѣтъ, я только о тебѣ думаю. Я хочу обременять себя своею работою; хочу мучиться своими горестями. Голову свою, руки, все что имѣю, все отдаю тебѣ. Здѣсь ли ты останешься или пойдешь куда, я отъ тебя не отстану. Бѣги отъ меня, а я побѣгу за тобою. Ты конечно отворишь мнѣ двери свои, когда услышишь, что

я во всю ночь буду спонать у избы швоей.

Тибо. Можшь бышь у меня и избы не будешь.

Валентинъ. Такъ я пойду за шобою въ дремучій лѣсъ, на вершину каменныхъ горъ, въ подземельныя пещеры. Нигдѣ не уйдешь отъ меня.

Маргар. [плача върыдъ.] Слышишь, мой другъ!

Валентинъ [бросаясь къ ней.] Ахъ! Ма-шущка! я зналъ, что ты не опшолкнешь меня отъ сердца своего!

Тибо [заплакавъ горько.] Дай и мнѣ обнять себя, любезной сынъ мой! Теперь я прошу тебя, чтобы ты насъ не покидалъ.

Валентинъ. Никогда, никогда, башюшка! Не имѣя ни родителей, ни друзей, кого могу любить болѣе васъ? Вы спали мнѣ въ тысячу разъ дороже послѣ шого, какъ всего лишились. Прежде я не жалѣлъ для васъ трудовъ своихъ, а теперь и крови своей не пожалѣю. Ахъ, башюшка! ешья мы уже вѣчно будемъ жить съ шобою, такъ прижми меня еще крѣпче къ сердцу своему!

Я В Л Е Н І Е V.

Тибо, Маргарита, Жерве.

Жерве [входя въ концѣ предыдущей сцены, и бросаясь къ *Тибо*.] А меня, *Тибо*, не уже ли опшолкнешь ты отъ себя?

Тибо [смотря на него съ гнѣвомъ.] Ты опять пришелъ сюда, несчастной! Не ужели ты еще недоволенъ тѣмъ, что обманулъ меня? Для чего хочешь своимъ присутствіемъ опнимать у меня шо удовольствіе, которое чувствую въ эшу минушу?

Жерве. Не мучь меня болѣе. Я уже и такъ жестоко наказанъ совѣстію моею. Ты можешь опять сдѣлать меня честнымъ человѣкомъ, или самымъ презрительнымъ въ глазахъ у всѣхъ людей и въ собственннхъ моихъ.

Тибо. Чего же ты отъ меня пребуешь?

Жервей. Дружбы швоей. Не думай, *Тибо*, чтообы я когда нибудь опказался отъ нее для подлаго иншерееса! Тебѣ извѣстно мое раззореніе. Меня ослабилъ страхъ, что дѣши мои могутъ лишиться прощпанія. Худо помогаешь имъ ша-

ними средствами. Я почувствовалъ, что не могу уже ихъ такъ любить, сдѣлавъ для нихъ безчестное дѣло. Избавь меня отъ стыда! Сдѣлай, чтобы я попрежнему любилъ дѣшей своихъ! Будь мнѣ опять другомъ!

Тибо. Ахъ, Жерве! какъ трудно изцѣлить эту рану, которую ты сдѣлалъ въ сердцѣ моемъ! Однакожь меня пронуло твое скорое раскаяніе; я забываю твое дѣло.

Жерве. Сдѣлай, чтобы и я забылъ его, принявъ отъ меня то, что было причиною моего преступленія.

Тибо. Что ты говоришь? Можно ли думать, чтобы я изъ прибыли съ тобою помирился? Нѣтъ, Жерве, если хочешь быть моимъ другомъ, оставь свое у себя.

Жерве. Я не хочу и дружбы твоей, если ты не исполнишь моей прозбы. Уже ли ты еще не доволенъ? Вотъ одно средство, которымъ можешь доказать мнѣ свое великодушіе! Не оставляй на глазахъ моихъ всегдашней укоризны, которая меня терзаетъ будетъ!

Тибо. Если такъ, я беру; однакожь дай мнѣ слово, что какъ скоро поправишься
мое

мое состояніе, то ты позволишь мнѣ сдѣлать для тебя все, что захочу.

Жерве. Твоя воля моя воля. Пусть и добро и худо будетъ у насъ общее!

Тисо. Теперь опять люблю тебя по-прежнему. [*Обнимаетъ его.*] Ну, Маргарита, чтобы съ нами въ нынѣшній день не сдѣлалось, я все буду утѣшаться тѣмъ, что у меня остался сынъ и другъ.

Конецъ претяго Дѣйствія.

Д Ъ Й С Т В І Е І V.

Я В Л Е Н І Е І.

Жанета [*пробѣгая черезъ первую комнату и крича у дверей другой:*] Башюшка! машушка! подите скорѣе!

Я В Л Е Н І Е І I.

Жанета, Маргарита, Тибо.

Маргар. [*выходя первая.*] Ну что ты кричишь?

Жанета. Прекрасная карета остановилась у нашего двора; въ нее впряжены чешыре большія лошади; позади и впереди споятъ господа всѣ въ галонахъ, а одинъ господинъ сидитъ въ каретѣ. Ахъ, машушка! какое доброе лицо у этова господина! Здравствуй, любезная дѣвушка, сказалъ онъ мнѣ съ усмѣшкою: гдѣ твой отецъ? [*Оборотясь къ Тибо.*] Онъ хочетъ съ тобою говорить.

Тибо. А! эшо вѣрно нашъ господинъ; я бьюсь обѣ закладъ. Побѣгу къ нему.

[*Поспѣшно уходитъ.*]

Я В Л Е Н І Е III.

Маргарита, Жанета.

Жанета [съ печальнымъ видомъ.] Такъ это пошлѣ господинѣ, кошорому, по словамъ башюшкинымъ, принадлежишѣ все то, что у насъ есть?

Маргар. Да, Жанета. Мы ему должны много денегъ; а какъ у насъ нѣшѣ и половины этой суммы, то вѣ заплашу отдаемъ ему все свое имѣніе.

Жанета. Да на что оно ему? У него такая прекрасная карета, что онъ вѣрно не захочетъ нашей одноколки; а плашье его шакъ хорошо, что ему стыдно будетъ носить наше.

Маргар. Безъ сомнѣнія. Однакожь онъ велишѣ все это продашѣ, и получишѣ деньги. Мы не можемъ ему иначе заплашишѣ, да еще и того не доставешѣ.

Жанета. Развѣ онъ столько дуренъ, что можетъ сдѣлашѣ съ нами злое дѣло? Онъ посмошрѣлѣ на меня очень милошшно.

Маргар. Тутъ нѣшѣ никакова злова дѣла, Жанета; справедливосшѣ этого шребуешѣ.

Жанета. Однакожь это очень жалко, что я вѣ послѣдній разъ вижу свое праз-
днѣ.

дничное платье. Можноли было думать нынѣшнею весною, когда ты, матушка, дала мнѣ эполтъ корсетъ и эту юпку, что я ихъ надѣну только два или три раза? Даже въ прошедшее воскресенье я радовалась, что была такъ нарядна. И ты, матушка, была очень весела. [*Увидѣвъ, что мать огорчилась, цѣлуетъ ея руки.*] Не печалься; я уже болѣе не жалѣю о своемъ платьѣ. Вѣдь мы умѣли его выработать: такъ и теперь выработаемъ такое же, да еще и лучше... Вотъ, вотъ господинъ! Пойду за сестрою въ садъ.

Я В Л Е Н І Е IV.

[*Маргарита впереди сцены; Г. Вервиль входитъ съ Тибо; а Жанета идетъ вонъ, и встрѣтятся близь дверей съ Вервилемъ, ему кланяется, становится къ сторонѣ, и потомъ идетъ къ дверямъ.*]

Г. Вервиль. Куда ты бѣжишь, дѣвушка? Развѣ ты меня боишься?

Жанета [*поворачаясь.*] Нѣтъ, сударь. Какъ скоро васъ увидишь, такъ уже и страху нѣтъ. Подождите; я потчасъ прибѣгу назадъ.

Я В Л Е Н І Е V.

*Маргарита впереди сцены, Г. Вервиль и
Тибо назадн.*

Г. Вервиль. Кажется, эта дѣвочка очень весела.

Тибо. Онѣ обѣ съ сестрою такѣ веселы и забавны, что любо на нихѣ смотрѣшь.

Г. Вервиль [*подходя ближе, видитъ Маргариту, которая ему кланяется*] А! здравствуй, Маргарита! Какѣ поживаешь?

Маргар. Каково время, шаково у насѣ и на сердцѣ, сударь; а вѣдь время не очень хорошо. Вы какѣ?

Г. Вервиль. Слава Богу. Жена моя велѣла шебѣ кланяться. Она чуть было сама со мною сюда не поѣхала.

Тибо. Она бы не худо сдѣлала. Нашѣ сельской воздухѣ лучше вашего гнилаго городского воздуху. [*Увидѣвъ, что Г. Вервиль держитѣ въ рукахѣ шляпу.*] На что такія церемоніи, милостивой сударь? Надѣньте шляпу. Вы у вашего откупщика какѣ дома.

Г. Вервиль [*показывая шелковую шляпу, которой надѣть не можно*] Видишь, что она не войдетѣ мнѣ на голову. У насѣ вѣ городѣ шляпѣ не надѣваютѣ.

Тибо.

Тибо. А здѣсь всѣ въ шляпахѣ. Позво-
лише ли? [*Надѣваетъ шляпу.*] Правду
говорящѣ: что городѣ, то норовѣ; что
деревня, то обычай. [*Про себя.*] Одна-
кожь эшо очень спранно: носи шляпу,
кошорой надѣтъ не лзя!

Я В Л Е Н І Е VI.

*Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Шампань
и Пикарь.*

Шампань [*неся съ Пикаромъ большую
покрытую корзину.*] Гдѣ прикажете по-
ставить?

Г. Вервиль. Тамѣ въ углу. Хорошо.
Пикарь! скажи кучеру, чшобы онѣ ѣхалѣ
на лучшій посшоялой дворѣ, и вымазалѣ
бы тамѣ карешу.

Пикарь. Что же прикажете сказать дю-
дамѣ?

Г. Вервиль. Чшобы они велѣли себѣ из-
гошовать хорошій обѣдѣ. Я ихѣ под-
чиваю. Только чшобы не слишкомѣ много
было вина за спѣломѣ. Я ввечеру ош-
сюду выѣду. Вы можете припши сюда
въ шесть часовѣ.

Пикарь. Слышу, сударь. [*Уходитѣ.*]

(Продолженіе будетѣ впрעדѣ).

НЕЩАСТНЫЕ ТИТУЛЫ.

Одинъ Гишпанецъ, которой, не смотря на свою бѣдность, хотѣлъ съ Королями равняться, пришелъ ночью въ маленькую Французскую деревеньку, гдѣ былъ только одинъ практиръ. Въ темнотѣ насилу онъ нашелъ его, и спалъ у дверей стучаться. Хозяинъ съ домашними своими спалъ, но сей шумъ разбудилъ его. Кто тамъ? спросилъ хозяинъ, выглянувъ въ окно. Отвори двери, отвѣчалъ Гишпанецъ: это Донъ Жуанъ Пешро, Германецъ, Родригесъ де Вилланова, Графъ де Малофра, Казалеръ Св. Яго и Алканшарской. Хозяинъ, затворяя окно, сказалъ: *жаль мнѣ, государи мои, что я всѣхъ васъ не могу у себя помѣстить.*

ХУДАЯ ПАМЯТЬ

Одинъ купецъ, которой никакъ не надѣялся на свою память, записалъ въ своей карманной книжкѣ: *въ проѣздѣ мой черезъ Брауншвейгъ жениться.*

ВИЛЬКЕСЪ.

Славной Актеръ Вилькесъ въ Трагедіи упалъ мертвой. У него былъ тогда пресильной кашель, отъ котораго онъ и представляя мертваго никакъ не могъ удержаться. Всѣ зрители стали пому смѣяться. Онъ вдругъ вспалъ и сказалъ: *Со мною теперь сбылось пророчество моей матери, что я и въ самомъ гробѣ стану кашлять.* Сіе такъ полюбилось, что зрители захопали и закричали: *браво!*

Ф О Н Т Е Н Е Л Ъ

Однажды спросили у Фоншенеля, какими средствами нажилъ онъ себѣ сполько друзей, не имѣя ни одного непріятеля? Я всегда держался одного хорошаго правила, отвѣчалъ онъ: *все возможно, и всякой правъ.*

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е VII.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Г. Вервиль. Видишь, Тибо, что намъ будетъ довольно времени поговорить съ тобою. Но напередъ я желаю видѣшь всю твою семью. Гдѣ твои дѣвши?

Тибо. Всякой за своимъ дѣломъ. Сынъ мой въ полѣ, а дочери въ саду. Изволите ли посмотрѣть свой хлѣбъ?

Г. Вервиль. Не теперь; уже ввечеру, когда будетъ не такъ жарко.

Тибо. Онъ очень хорошъ. Его можно продать пистолей на сто.

Г. Вервиль. Тѣмъ лучше. [*Осматриваетъ всю горницу.*] Что такое? У тебя здѣсь какъ аукционъ. На что шутъ складены всѣ ваши пожилки и плашье?

Тибо. Вѣдь мы знали, что вы будете.

Г. Вервиль. Такъ что же?

Тибо. Я уже давиче поутру сказывалъ вамъ, что мы не можемъ заплатить за откупъ. Для того должно отдать вамъ все наше имѣніе, которое шутъ собрано. Продавъ наши пожил-

ки, плащье и хлѣбъ, мы вамъ скольконибудь уплашимъ. Чего не доспанетъ, то постараемся выработать, чтобы заплашить вамъ, все до послѣдней полушки. Я надѣюсь, что вы, милоспивоу государь, примите это нынѣ въ уплату, а въ доспальномъ возьмете перпѣнїе.

Маргар. Вы до сего времени были къ намъ сполько милоспивы! Къ тому же мы не опъ себя пришли въ нищету.

Тибо. Вамъ извѣстно, что я высушилъ болота, и сдѣлалъ изъ нихъ луга. Трава росла на нихъ хорошая. Всѣ деньги, которыя у насъ остались опъ прошедшаго году, употребили мы на покупку скота, чтобы его выкормя продать. Въдъ дватцать коровъ для нашего брата не шутка. Продавъ изъ нихъ часть, могли бы мы вамъ заплашить все въ срокъ. Пришла засуха. Луга наши были такъ голы, какъ моя ладонь. Скотину кормилъ я шюю соломоу, копорюу была покрыша моя изба, и шюу, на копорой мы сами спали; а иногда кормилъ ее и своимъ хлѣбомъ. Когда хотѣлъ продать весь скотъ, никто не покупалъ его, за шѣмъ, что нечѣмъ было кормить. Сдѣлался падежъ, и я всего лишился.

лишился. Остался у меня только одинъ долѣ на шеѣ. Однакожь я не долженъ никому, кромѣ васъ, милосливой государь. Извольте осмотрѣть поля: увидите, что я не лѣнился ихъ обработывать. Вы конечно повѣрите, что работа всей семьи нашей когда нибудь приведетъ меня въ состояніе заплатить вамъ все. Правда, что я не могу предсавить за себя никакой поруки, кромѣ моего слова; однакожь, бывъ до сего времени въ своемъ словѣ вѣренъ, осмѣливаюсь надѣяться, что вы мнѣ повѣрите.

Г. Вервиль. Конечно, друзья мои, я васъ знаю. Какъ мнѣ не положитьсь на слово такихъ честныхъ людей, какъ вы?

Тибо. Благодарю васъ, милосливой государь. Ваши ласковыя слова утѣшаютъ меня еще болѣе, нежели ваши милости. Рѣдко бываетъ, чтобы заимодавецъ называлъ честнымъ человекомъ того, кто ему платитъ не можетъ.

Г. Вервиль. Рѣдко бываетъ и то, любезной Тибо, чтобы заимодавецъ, видя своего должника не въ состояніи заплатить, отдавалъ ему должную справедливость.

Я В Л Е Н І Е VIII.

[Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Жанета, несущая обѣими руками клѣтку съ цыплятами; и Луизона, держащая одною рукою корзинку съ яицами, а другою передникъ, въ которомъ лежитъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ.

Жанета ставитъ клѣтку къ ногамъ Г. Вервиля, а Луизона тутъ же ставитъ корзинку; по томъ беретъ шляпу его, бросаетъ въ нее деньги и подаетъ ему.]

Луизона. Вотъ, сударь, все что у насъ сыскалось. Вотъ наши цыпляты, яицы и деньги. Болѣе у насъ нѣшъ ничего. Не правда ли, Жанета?

Жанета. Конечно, вы можете намъ въ эшомъ повѣришь. У насъ ничего не осталось.

Тибо [заглянувъ въ шляпу изъ за плечъ Господина Вервиля.] Откуда взяли вы сполько денегъ?

Луизона. Машушка продавала въ городъ сестрициныхъ цыплятъ, яица мои и букеты цвѣповъ.

Жанета. Мы еще въ первой разѣ достали деньги, однакожь съ радостію отдаемъ ихъ шебъ.

Лу.

Луизона. Отъ всего нашего сердца.

Тибо [св возхищеніемъ] И я такъ же принимаю ихъ. Никогда и никакія деньги такъ меня не упѣшали! Вотъ вамъ, милосливой государь, еще вѣ уплашу. [Дѣтямъ.] Какъ мнѣ весело, любезныя дѣти, что вы такъ же думаете, какъ ваши родители!

Г. Вервиль. Какъ! вы это сами собою сдѣлали?

Жанета. Когда батюшка не вѣ состояніи вамъ одинъ заплашишь, такъ мы должны помогать ему.

Г. Вервиль. А, Тибо! какъ ты счастливъ вѣ самомъ своемъ несчастіи! Нѣжность твоихъ дѣшей награждаетъ тебя за всѣ убытки. [Жанетѣ и Луизонѣ.] Нѣтъ, любезныя друзья, я не лишу васъ перваго богатства вашего. Возьмите назадъ все то, что вы мнѣ отдавали съ такимъ добрымъ сердцемъ. Я имѣю щетъ не съ вами, а съ вашимъ ошцомъ.

Тибо. Примите это отъ нихъ, милосливой государь: вѣдь имъ не жаль.

Г. Вервиль. А тебѣ не жаль, что онъ лишающся всего своего небольшого имѣнія?

Тибо. О чемъ же жалѣшь, сударь? Ничто такъ не естественнo и не пріятно, какъ получашь помощь отъ своихъ дѣшей. Когда бы я былъ такъ богатъ, какъ Король, все бы мое богатство имъ принадлежало. Когда же у меня ничего нѣтъ, то все, что у нихъ есть, принадлежитъ мнѣ. Такимъ образомъ мы другъ съ другомъ квиты. [*Дѣтямъ.*] Вы вѣрно всегда хошите за насъ заплатить?

Жанета [*пожавъ его руку.*] А, ба-пюшка!

Луизона. Я бы ждала, чтобы у насъ было во сто разъ болѣе этого. Мы бы съ такою же радостію тебѣ все отдали.

Тибо. Слышите ли, сударь?

Г. Берчль. А я бы не взялъ ничего, естли бы онъ и въ тысячу разъ были богаше. [*Луизонѣ.*] Возьми, любезная малюшка, возьми свое имѣніе.

[*Хочетъ высыпать деньги изъ шляпы въ передникъ къ Луизонѣ; но она не принимаетъ ихъ. Наконѣцъ будто бы соглашается, и беретъ шляпу; но отшедши отъ него, кладетъ ее съ деньгами на столъ, подлѣ другихъ пожитковъ, и уходитъ, говоря ему.*]

Вы возьмете все вмѣстѣ.

Г. Вервиль [оборотясь къ ней.] Что ты? Подожди, подожди!

Луизона. Я не хочу васъ слушать. Пойдемъ, Жанеша. [Прыгая обѣ уходятъ.]

Я В Л Е Н І Е IX.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Тибо [пододвигая подъ столъ кѣтку и кресну.] Я уже вамъ сказывалъ, что онѣ у меня плюшовки. Ихъ не скоро обманешь.

Г. Вервиль. Развѣ ты захочешь, Тибо, чтобы онѣ подлинно за тебя платили?

Тибо. Для чего же не такъ? Что тушь мудроси?

Г. Вервиль. Мнѣ кажется, что ты совсемъ не знаешь городскихъ обыкновеній.

Тибо. Довольно для меня знать и то, что я дѣлаю хорѣшее дѣло: какая нужда, въ городѣ ли, или въ деревнѣ? Справедливость и должность для меня всегда одинаковы. Развѣ это у васъ не такъ дѣлается?

Г. Вервиль. По большей части дѣлается у насъ совершенно противное этому.

Тибо. Что вы говорите?

Г. Вервиль. Такъ, мой другъ, себя это удивитъ, однакожь это совершенная правда. Когда отъ безразсудныхъ издержекъ щеславія, или отъ корыстолюбивыхъ и пагубныхъ предпріяшій приходилъ въ несостояніе плашилъ долги, тогда стараются укрѣпить дѣшамъ все свое имѣніе, которому вѣрили займодавцы. Когда же они начнутъ требовать заплащы, то отцы уже ничего не имѣютъ; что у нихъ было, то остается дѣшамъ.

Тибо [*съ прсэрвнїемъ.*] Какая гнусность!

Маргар. Это ужасно!

Тибо. И законы не противорѣчаютъ такимъ плутиямъ?

Г. Вервиль. Помощію приказныхъ крючковъ законы дѣлаютъ безгласными.

Тибо. По этому ваши законы такъ же изпорчены, какъ и тѣ люди, которые дѣлаютъ ихъ безгласными. Послушайте, милосшивой государь! я ничего въ приказныхъ дѣлахъ не разумѣю, однакожь прямо скажу такому слѣпому суду, что ему на семь свѣтѣ нечего дѣлать. Еслибы я былъ обманутъ отцемъ, то пошелъ бы къ дѣшамъ, и спросилъ бы у нихъ, по какому праву взяли онѣ то имѣніе, которое мнѣ принадлежитъ за долгъ? А когда бы долги мнѣ сказали, что

что онѣ получили его отъ отца, то я отвѣчалъ бы имѣ, что отецъ ихъ не можетъ имѣ отдать его; что оно принадлежитъ мнѣ. Я бы заставилъ ихъ продать все безъ остатку, даже до самой постели, чтобы заплатить мнѣ долгъ.

Г. Вerville. Дѣла такъ не дѣлаются.

Тибо. Я бы сдѣлался съ ними посвоему. Такіе отцы и дѣти ни что иное, какъ шайка разбойниковъ.

Г. Вerville. Первые виноватѣе.

Тибо. Нѣтъ, милостивой государь! позвольте сказать, что дѣти еще болѣе виноваты. Отцы плуцы, а дѣти чудовищи. Когда и чужой подаситъ намъ помощь, то не должны ли мы, буде есть въ насъ хотя капля чести, помочь и ему въ нуждѣ? А дѣти всѣмъ обязаны своимъ родителямъ. Ихъ воспитаніе стоитъ имъ тысячи безпокойствъ, убытку, — трудовъ — Я не могу вздумать объ этомъ безъ ужаса. Когда бы отецъ мой былъ не въ состояніи платить долгу своего, то я почиалъ бы за должность отдать въ уплату за него послѣднюю полушку свою. Наслѣдствомъ моимъ была бы тогда должность спасти отъ безчестія его память и сохранить доброе имя его.

Хотя бы я до самой смерти был одинъ хлѣбъ; хотя бы мнѣ надлежало работать до того, чтобы не потѣ, а кровь текла съ меня: я бы заплашилъ отцовскіе долги; а заплаша послѣдній, пошелъ бы на его могилу, и сказалъ: Теперь ты ничего не долженъ; спи покойно, родитель мой.

Г. Вервиль. Добродушной Тибо!

Тибо. Такъ, милостивой государь, я бы это сдѣлалъ. Боже мой! могушъ ли называться дѣтьми такія безчеловѣчныя пвари, которыя, не хотя лишать себя нѣкопорыхъ пріятностей въ жизни, безъ стыда соглашаются на то, чтобы отцы ихъ назывались бездѣльниками? Я не заимодавецъ, а не могу удержаться, чтобы не преклинашъ этихъ чудовищъ, а не дѣтей.

Я В Л Е Н І Е X.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Луизона.

Луизона [съ порогу.] Батюшка! пригнали Жервеевыхъ коровъ. Велѣтъ ли ихъ вогнать на дворъ?

Тибо. Я самъ выду посмотрѣть ихъ. Позвольте, милостивой государь; онѣ ваши.

ни. Я уже расскажу вамъ, какъ онѣ мнѣ достались. [*Уходя.*] Благодаря Бога! въ нынѣшній день богатство шечетъ къ намъ со всѣхъ сторонъ.

[*Уходитъ съ Луизоной, которая не смѣла подойти ближе къ Г. Вервилью, боясь, чтобы онѣ не принудилъ ее взять назадъ деньги.*]

Я В Л Е Н І Е XI.

Г. Вервиль, Маргарита.

Г. Вервиль. Мужъ швой меня удивляетъ, Маргарита. Я всегда почиталъ его чело-вѣкомъ честнымъ и справедливымъ; однакожь никакъ не думалъ, чпюбы онѣ въ самомъ нещастіи могъ имѣть такія чувства, могъ такъ разсуждать.

Маргар. Я всегда знала душу его, которой вы теперь удивляешесь, милостивой государь. Онѣ во всякомъ дѣлѣ ищетъ справедливости; а нашедши, защищаетъ ее противъ всѣхъ, начиная съ самого себя. Однакожь завсѣмъ шѣмъ онѣ исполняетъ только должность свою.

Г. Вервиль. Правда. Но въ такомъ состояніи. до какого онѣ теперь дошелъ, не колебашься ни одной минутой — —

Мар-

Маргар. О! вы его не знаете. Онъ лучше захочешъ видѣшь всѣхъ насъ безъ куска хлѣба, нежели сдѣлать какое нибудь непозволенное дѣло. Никогда не приходишь онъ въ отчаяніе, и смѣется надъ форшуною болѣе, нежели она надъ нимъ.

Г. Вервиль. Я думаю, что ты его очень любишь, Маргарита?

Маргар. Ахъ, милоспивой государь! какъ мнѣ его не любить! Что бы со мною было, естли бы онъ меня не упѣшалъ? Я всегда довольна, видя его спокойнаго; и никакъ не могу увѣрить себя, чибобы мнѣ въ чемъ была нужда, пока Господь Богъ продолжитъ жизнь его, Онъ для меня все.

(Продолженіе будетъ впереди.)

ВИЛЬГЕЛЬМЪ ТЕЛЬ.

Вильгельмъ Тель избавилъ своё опеченство отъ мучительнаго ига. Когда еще Швейцарія принадлежала къ Нѣмецкой Имперіи, управляли ею Императорскіе Губернаторы, которые обходились съ бѣдными подданными съ ужасною жестокостію. Сынъ пираны по чрезмѣрной наглости требовали, чтобы вопкнутому шесту оказывали такую же честь, какъ и имъ самимъ. Мужественной Тель презиралъ такія повелѣнія. Губернаторъ, узнавъ сіе, вздумалъ наказать Теля ужаснымъ образомъ. Тель былъ хорошею стрѣлокъ. Губернаторъ, положи яблоко на голову маленькаго сына его, приказалъ ему стрѣлять въ оное. Тель долго не слушался. Наконецъ взялъ онъ двѣ стрѣлы, и первую щастливо сшибъ яблоко на землю. Губернаторъ спросилъ у него, на что онъ взялъ другую стрѣлу. На то, сказалъ мужественной Тель, чтобы застрѣлить тебѣ, пиранъ, естли бы я, вмѣсто яблока, поналъ въ сына. Губернаторъ потчасъ велѣлъ его посадить на лодку и везти въ опдаленную темницу. Однакожь Тель ушелъ; и слыша, что Губерна-

берна-

бернашоръ будешъ проѣзжать черезъ то мѣсто, засѣлъ подлѣ дороги, и застрѣлилъ его. Съ того времени Швейцары стали свободны.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО.

Двое Студентовъ поѣхали верхомъ за городъ прогуливаться. На встрѣчу имъ попался крестьянинъ. Студентамъ захотѣлось посмѣяться надъ мужикомъ. Поспой, другъ мой, сказалъ ему одинъ изъ нихъ: знаешь ли ты, что мы ученые люди, и можемъ доказать тебѣ, что ты, на прим. не человекъ, а правой стебелъ? — Не сомнѣваюсь, государи мои, отвѣчалъ мужикъ: за то и я могу доказать вамъ, что ваше сѣдло не сѣдло, а лошакъ. — Лошакъ! закричалъ Студентъ: какъ этому бышь? — Что между лошадыю и осломъ, то называется лошакомъ — сказалъ мужикъ, и пошелъ своею дорогою.

ПИКОЛАТЪ.

Пиколатъ, Женевской гражданинъ, представляешъ намъ шакой примѣръ патриотизма, какихъ не много найдемъ въ Исторіи. Во время войны Герцога Савойскаго съ Республикою Женевскою, былъ онъ взятъ въ плѣнъ непріятелями. Надѣялись, что онъ могъ сообщить разныя важныя извѣстія о своемъ опечествѣ, которыми непріятель хотѣлъ воспользоваться. Однакожь тщетны были всѣ обѣщанія и угрозы; и даже самыя жестокія мученія не могли поколебать швердосши его. Видя шакое рѣдкое мужество, спали его подозрѣвать въ волшебствѣ; и чтобы уничтожить его мнимое адское искусство, вздумали совсѣмъ обрить его!!! Какъ скоро началась сія операція, смѣлой Пиколатъ схватилъ бритву и отрѣзалъ у себя языкъ, чтобы опнять у себя возможность сказать чтонибудь во вредъ своему опечеству. Сей геройской поступокъ привелъ въ возшоргъ самыхъ непріятелей его. Они дали ему свободу, и съ честію опшослали его назадъ въ его опечество.

О Ч К И.

Одинъ крестьянинъ видѣлъ, что старые люди для чтенія покупали очки. Онъ пошелъ въ городъ къ купцу, коимъ торговалъ очками, и требовалъ у него самыхъ лучшихъ очковъ. Купецъ подалъ ему, чего онъ требовалъ. Крестьянинъ, надѣвъ очки, взялъ въ руки книгу, и сказалъ, что очки не годятся. Купецъ подалъ ему другія, но и другія для него не годились. Однимъ словомъ, сколько очковъ онъ ни бралъ, ни которыя не помогали ему читать. Наконецъ сказалъ купецъ: Другъ мой! да умѣешь ли ты читать? Экой человекъ! отвѣчалъ крестьянинъ: *если бы я умѣлъ разбирать книги, такъ бы на что мнѣ и очки твои?*

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е · XII.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Тибо. Ну, милосливой государь, радуйтесь! Пара самыхъ лучшихъ коровъ! Поручите мнѣ: я завтра самъ поѣду съ ними на шоргъ. Вѣрно возьму за каждую по десяти добрыхъ писшелей. И для Принца не будетъ уступки. Вы можете на это положиться. Еще двѣсти франковъ съ щету долой. Пожалуйте, мы все теперь сочтемъ. Долгъ у меня какъ гора на плечахъ. Куда какъ хочется его заплашить!

Г. Вервиль. Очень хорошо, другъ мой.

Тибо. Вы знаете, что мнѣ оспалось вамъ заплашить за откупъ?

Г. Вервиль. Знаю. Только скажи мнѣ напередъ, Тибо, въ самомъ ли дѣлѣ отдаешь ты мнѣ все свои пожитки, плашье, хлѣбъ, коровъ и все, что имѣешь?

Тибо. Я никогда не шучу, когда говорю о дѣлѣ, милосливой государь.

Г. Вerville. Хорошо ли ты объ этомъ размыслилъ? Подумай, что дѣло идетъ обо всемъ твоёмъ имѣніи.

Тибо. О моемъ имѣніи? Оно уже не мое. Все принадлежитъ вамъ. Послушайте, милоспивой государь. Вы богаты, а я небогатъ. Вы знаете, что мнѣ не можно дарить васъ на щепъ семьи своей. Я отдаю вамъ только то, что вамъ принадлежитъ. Будьте покойны. Я бы вамъ не отдалъ того, что бы по совѣси могъ удержатъ за собою. Прилично ли мнѣ васъ дарить! Это бы было для васъ очень смѣшно. Однимъ словомъ, я не могу вамъ заплашить наличными деньгами, и для того отдаю вамъ все, что имѣю; а что сверхъ того на мнѣ останется, то заплачу, конечно заплачу. Первой палеръ на хлѣбъ, а другой вамъ.

Г. Вerville [*съ холоднымъ видомъ.*] Хорошо; но гнусно будетъ съ моей стороны все у тебя опнять. Выбери изъ пожешковъ своихъ то, что тебѣ болѣе нравится. Надѣюсь, что ты мнѣ въ этомъ не откажешь, и въ знакъ дружбы примешь этошъ небольшой подарокъ.

Тибо. Когда вы такъ говорите, то будетъ уже съ моей стороны дурно не воспользоваться вашею милоспію. [*Подходитъ*

дитѣ къ столу, и беретъ заступъ и грабли.] Я возьму то, чѣмъ работаю. Ешьте къ этому еще прилѣжность, такъ никогда не пропадешъ.

Г. Вервиль. Болѣе ничего не берешъ?

Тибо. Нѣшѣ, милосливой государь, довольно въдова. Только бы Богъ помогалъ намъ; а то я не опчаяваюсь честно прокормишь свою жену и дѣшей, да еще мало по малу и вамъ уплачивашъ.

Г. Вервиль. Хорошо. Теперь швоя очередь, Маргарита. Я не хочу, чшобы вы другъ другу завидовали. Надобно и себѣ что нибудь взять. Выбирай.

Маргар. И мнѣ, милосливой государь? Вы очень милосливы.

Г. Вервиль. Безъ церемоній. Ну, что ты выбираешъ?

Маргар. Ешьте вы хошите что нибудь мнѣ пожаловашъ [бросаясь въ уголъ комнаты и поднявъ занавѣсъ] то я прошу у васъ колыбели для своего ребенка.

Г. Вервиль [съ удивленіемъ.] Какъ! не уже ли и это ко мнѣ же шло! И ты бы у ребенка опняла колыбель?

Маргар. [подходя къ нему.] Развѣ мои руки не могли бы ему служишь люлькою?

Г. Вервиль. И ты думаешь, чтобы я взял ее ?

Тибо. Я уже вамъ сказывалъ, что дѣши должны плашить за своихъ родителей. Когда однимъ терпящъ, то по какому праву и другимъ не терпѣшь ? Нѣтъ ничего такого, чего бы я не дѣлалъ для своихъ дѣшей ; а нѣтъ и такого, чего бы я отъ нихъ не ожидалъ. Кровь моя ихъ, а ихъ моя.

Г. Вервиль [*про себя*] Какой человекъ ! Какъ онъ непоколебимъ въ своихъ правилахъ ! [*Вслухъ*] Ну, друзья мои, я вамъ отдаю то, что вы взяли. Но подлинно ли вы отдаете мнѣ все остальное, то есть, свои пожилки, платье, хлѣбъ и скотъ ?

Тибо. [*твердымъ голосомъ.*] Отдаемъ, сударь.

Маргар. И безъ всякаго сожалѣнія.

Тибо. Можно сказать, съ радостію.

Маргар. [*вынимая кошелекъ изъ кармана, и подавая его Вервилю*] Возьмите я всѣ деньги, которые у насъ нашлись. [*Г. Вервиль беретъ и бросаетъ его на столъ.*]

Тибо. А вы и не сочли. Тутъ сто талеровъ.

Г.

Г. Вревль. Я швоему слову вѣрю. И такъ вы дѣлаете меня господиномъ всего вашего имѣнiя, и соглашаетесь, чтобы я поступилъ съ нимъ какъ хочу, не ожидая съ вашей стороны никакого прошиворѣчiя?

Тибо. Оно уже вамъ принадлежитъ, и по тому мы не имѣемъ на него никакого права, такъ же какъ и на вашу землю. Смѣшно бы было, естли бы мы спали съ вами спорить.

Г. Вревль. Подумай, на что ты обязываешься. Я не отвергаю швоего предложенiя; но когда дѣло будетъ рѣшено — —

Тибо. О! не бойшесь, чтобы я отрекся отъ своего слова. Нѣшъ, милосливой государь, мы уже и такъ довольны милостию вашею, по тому что вы даете намъ время исправиться. Дѣлайте съ эшимъ, что вамъ угодно. А мы будемъ просить Бога, чтобы Онъ даровалъ вамъ во всемъ успѣхъ.

Г. Вревль. Хорошо. Въ такомъ случаѣ я съ своей стороны, взявъ все то, что мнѣ отъ васъ отдано, объявляю, что вы мнѣ болѣе ничего не должны.

Тибо [съ великимъ движенiемъ.] Нѣшъ, нѣшъ, милосливой государь, вы

очень много потеряете. Это все и половины не стоить. Стоить ли это вздор тысячи палеров?

Г. Вервиль. Не уже ли я не воленъ взять твои пожилки въ этой цѣнѣ?

Тибо. Не могу вамъ противорѣчить. Однако лучше бы было ихъ оцѣнить, чтобы узнать точно — —

Г. Вервиль. Другъ мой! они для меня такъ дороги, что никто не можетъ ихъ оцѣнить. Это плодъ работы и бережливости честной семьи. Подумавъ, сколько вы употребили трудовъ для собранія ихъ, нахожу, что они очень стоятъ всего вашего долга. Теперь вы со мною квиты, друзья мои.

Тибо [снявъ шляпу и съ вознищеніемъ цѣлуя полу Вервилева кафтана.] Милостивой государь! . . . [бросается на шею къ Маргаритѣ.] Благодарю Тебя, милосердное Небо! Жена! мы ничего не должны!

Маргар. Боже! какъ благодарить за такія милости!

Тибо [пожавъ ея руку.] Нашимъ сердцемъ, Маргарита; въ этомъ недоставку не будетъ. [Подходитъ къ Г. Вервилю.] Скажите же намъ, куда все это опнести, и когда

когда вамъ будетъ угодно принять ключи отъ дому?

Г. Вериль. Прежде только выслушай меня, не мѣшая мнѣ говорить. [*Беретъ у обонхъ руки и говоритъ съ движеніемъ радости.*] Друзья мои! я богатъ, и отецъ мой съ малолѣтства научалъ меня дѣлать добро честнымъ людямъ; но никогда еще не чувствовалъ я отъ благодѣянія такого удовольствія, какое теперь чувствую. Добродѣтельной Тибо! [*пожавъ его руку*] поступокъ швой наполнилъ сердце мое любовью и почтеніемъ. Все то, что вы отдали мнѣ за долгъ, отдаю шебѣ назадъ, чтобы черезъ то исполнишь и мнѣ свою должность, которую налагаетъ на меня нещасіе и добродушіе швое.

Маргар. [*поднявъ глаза къ небу.*] Какъ! мнѣ уже нечего бояться бѣдности, и дѣти мои останутся въ хорошемъ состояніи! Милосивой государь! ваше неслыханное великодушіе — — [*цѣлуетъ его руку.*]

Тибо [*въ изумленіи.*] Я не смѣю вѣрить шому, что слышу. Нѣтъ, милосивой государь, этому бытъ не лзя. А ешлы эти слова сорвались у васъ съ языка въ первомъ движеніи милосердія,

по подло бы было съ моей спороны ими воспользоваться. Нѣтъ, нѣтъ, я не хочу — —

Г. Вервиль [*съ усмѣшкою.*] Тише, Тибо. Ты только пеперь сказалъ, что я совершенной господинъ твоего имѣнія, и власпенъ поступать съ нимъ по своей воли, а пеперь ты хочешь опнять у меня это право?

Тибо [*бросаясь къ его ногамъ, и обнимая ихъ.*] А, милостивой государь! вы поймали меня на словъ; да и какъ мнѣ жаловаться! Естли я могу отъ Государя принять хлѣбъ для моихъ дѣшей, то для чего же мнѣ не принять его и отъ васъ, моего благодѣтеля, котораго я почишаю своимъ Ангеломъ хранителемъ? Я буду достоинъ вашего дара, принявъ его съ такою же чувствительностію, съ какою вы мнѣ предлагали его. Только скажите мнѣ и тѣ слова, которыми я васъ благодарить долженъ. [*Проливая слезы.*] Я боюсь, чтобы вы не почли меня неблагодарнымъ.

Г. Вервиль [*поднимая его.*] Будь покоенъ, Тибо. Я вижу, что чувствуешь сердце твое, — можешь быть лучше, нежели ты самъ, — и совершенно тѣмъ доволенъ. Маргарита! позови своихъ дѣшей

шей. Знаю, какъ онѣ васѣ любяшѣ; теперь хочу, чтобы онѣ видѣли, какъ и я умѣю любить васѣ.

Маргар. [*побѣжавъ къ дверямъ.*] Жанета! Луизона! подите сюда! бѣгите скорѣе! Слышите ли?

Жанета и Луизона [*за дверями*] Мы здѣсь, матушка, здѣсь!

Я В Л Е Н І Е XIII.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Жанета, Луизона.

Маргар. Послушайте, любезныя дѣшпи, послушайте. Вы знаете, что все это опдали мы господину? Такѣ знайте же, что господинѣ намѣ все назадѣ опдалѣ. Онѣ не беретѣ опѣ насѣ ни денегѣ, ни хлѣба, ни коровѣ; а даетѣ намѣ во всемѣ долгѣ полную квишанцію.

Луизона [*ссыкавѣ шляпу и поднеся къ Г. Вервилю.*] Такѣ вы и денегѣ нашихѣ не копите?

Г. Вервиль. Нѣшѣ, любезныя друзья мои. Горячность, сѣ которою вы желали помочь вашимѣ родителямѣ, доказала мнѣ, сколько вы и родители ваши достойны помощи вѣ своемѣ несчастіи. Возьмите

же опять назадъ по, что вы за нихъ отдавали; однакожь употребите деньги свои такъ же, какъ вы ихъ теперь по любви къ родителямъ употребите кошѣли. Отецъ твой, Луизона, лишился своего сшадѣ: я думаю, что ты съ удовольствіемъ на сбереженные шобою деньги купишь ему другое?

Луизона [жалкимъ голосомъ.] Да у меня нѣтъ столько денегъ.

Г. Вериль. А если бы они у тебя были, то ты конечно бы съ радостію сдѣлала ему эшотъ подарокъ?

Луизона. Ахъ, какъ бы я была довольна!

Г. Вериль. Я любопышенъ видѣть, какъ вы съ Жанетой тогда улыбнешесь. Тибо! ты по болѣе своихъ дочерей знаешь въ коровахъ: и такъ я прошу тебя завтра сѣздить на шоргъ, и купишь каждой изъ нихъ по шести молодыхъ коровъ, самыхъ лучшихъ. Деньги на эшо у меня гшоповы. Мнѣ хочется сдѣлать дѣшамъ швоимъ небольшой подарокъ, чтобы послѣ имѣли онѣ удовольствіе тебя подарить.

Маргар. Ахъ, милостивой государь перестанете ли вы обременять насъ вашими

шими милостями? Дѣши! благодареше его
вмѣстѣ со мною.

[Маргарита, Жанета и Луизона бросают-
ся въ ноги къ Вервилю, обнимаютъ ихъ
и цѣлуютъ руки его, плача отъ радо-
сти; между тѣмъ Тибо, будучи непод-
виженъ и безмолвенъ, смотритъ на него
съ величайшимъ удивленіемъ.]

Г. Вервиль [отворачивается, чтобы
скрыть свои слезы.] Вшань, Маргарита;
вшаньше, любезныя дѣши.

Тибо. Милоспивой государь! я увѣ-
ренъ былъ, что вы человекъ, добродѣ-
тельной человекъ; однакожь вижу, что
совершенно васъ не зналъ, и шеперь не
знаю, что мнѣ объ васъ думать. [Мар-
гаритѣ.) О жена! есшьли бы мы могли од-
нимъ словомъ сказать все то, что гово-
ришь сердце наше! [Оборотясь къ Вервилю]
Милоспивой государь! я буду молишь
день и ночь Бога — не объ васъ, по
тому что одно дѣло ваше въ шысячу разъ
важнѣе моей молишвы — о помѣ спа-
ну молишь Его, чшобы на землѣ по време-
намъ бывали шакіе люди, какъ вы, кошо-
рые не допускали бы несчастныхъ прихо-
дитъ въ опчаяніе. [Беретъ Жанету и Лу-
изону за руку и подводитъ къ окну.] Дѣ-
ши!

ши! посмотрите на эшотъ пригорокъ, шкуду видѣнъ городъ, въ кошоромъ живешъ нашъ благодѣшель. Мы всякое возкресенье, шедши къ обѣднѣ, на него всходимъ. Ну такъ мы шеперь никогда не взойдемъ на эшотъ пригорокъ безъ шого, чшобы не искашь глазами мѣспа дому его, чшобы не посылашь къ нему нашихъ благословеній, чшобы не молишься Богу за него, за его жену и за все шо, чшобы ему любезно, прежде нежели спанемъ молишься за себя. Будете ли вы эшо помнишь?

Жанета. Какъ забышь, какъ забышь, когда — —

Луизона. Лишь шолько выдемъ изъ дому, шо и начнемъ молишься.

Тибо. Такъ, милоспивоу государь! всякой день, всякую минушу, въ полѣ, въ нашей избѣ, вездѣ, гдѣ мы ни будемъ, вы у насъ изъ мыслей не выдите. Во всякую минушу жизни нашей спанемъ чувствовашь, чшобы мы по милоспи вашей ею пользуемъ, и будемъ всегда гоповы опдашь ее за малѣйшее ваше удовольствіе. Вы всегда можете потребовашь крови нашей; она принадлежишь вамъ. Ахъ! для чего не могу шеперь всей крови своей перелить
въ

вѣ ваши жилы, чшобы вы вдвое долѣе жишь могли!

Г. Вевиль. Будь щасливѣ, Тибо, составляя щасіе своей жены, и научая дѣшей своихѣ такѣ думашь, какѣ пы самѣ думаешь. Я буду по временамѣ пріѣзжашь кѣ тебѣ, чшобы наслаждашья элімѣ зрѣлицемѣ, и увѣренѣ, чшо мнѣ будетѣ эшо полезно. Ну теперь наши дѣла кончаны. Знаешь ли, чшо я хочу у тебья обѣдашь?

Тибо [*подавая ему съ радостію руку.*] Тѣмѣ лучше, шѣмѣ лучше; новой праздникѣ!

Маргар. [*съ видѣмѣ смятенія и замѣшательства.*] Да чшоже мы, другѣ мой, подадимѣ господину?

Тибо [*съ свободнымѣ духомѣ.*] То, чшо у насѣ есть, жена. Я его знаю. Одиѣ кусокѣ сухова хлѣба будетѣ ему пріятнѣе большой части жаренаго мяса — —

Маргар. Однакожь — —

Г. Вевиль [*съ усмѣшкою.*] Не безпокойся, Маргарита. [*Показывая ей корзину, которую принесли Шампань и Пикарь.*] Тутѣ найдешь, чѣмѣ насѣ подчивашь. Теперь пойдемѣ всѣ вмѣстѣ погуляшь

ляшь въ саду. Кажешся, что намъ всѣмъ
нужно опдохнуть.

*[Выходитъ, взявъ Жанету и Луизону за
руку. Тибо и Маргаритандутъ за нимъ,
поднявъ глаза на небо, и цѣлуя полу
его кафтана.]*

[Занавѣсъ опускается]

Конецъ четвертаго Дѣйствія.

Д Ъ Й С Т В І Е V.

[Занавѣсъ подымается. Среди комнаты стоить чисто прибранной столъ, накрытой бѣлою скатертью; подлѣ стола, напередѣ сцены, стоить корзина, которую принесли Вербилевы люди. Маргарита ее открываетъ.]

Я В Л Е Н І Е I.

Маргарита [вынимаетъ изъ корзины большую часть холоднаго мяса, и кладетъ ее на столъ; между тѣмъ дѣти кругомъ корзины стоятъ и пристально глядятъ на нее, облизываясь языкомъ.] Какая же знашная часть! Видно, что господинъ ничего не жалѣлъ.

Луизона [Жанетѣ.] Посмотри, сестрица, какой пирогъ. Я думаю, что это очень хорошо.

Жанета [Маргаритѣ, которая ставитъ пирогъ на столъ.] Знаешь ли, матушка, чѣмъ это начинено?

Маргар. Нѣтъ, Жанета; въ городѣ много шакова, что въ деревнѣ совсѣмъ неизвѣстно.

Луизона. Эпоштѣ господинѣ долженѣ бытъ очень честной человекѣ, по тому что онѣ опдалѣ назадѣ наше имѣніе, коровѣ, и привезѣ еще намѣ такія лакомства. Жанета! намѣ надобно положить подѣ насѣдокѣ яйца свои, и опнести ему цыплятѣ.

Жанета. Какѣ бы мнѣ хотѣлось, что-бы цыпляты были уже велики и жирны! Не знаю, чего бы я для него не сдѣлала; шакѣ я его люблю.

Луизона. Пойду, свяжу ему букетѣ изѣ лучшихѣ своихѣ цвѣтѣвъ.

Маргар. Хорошо. А ты, Жанета, должна хозяйничать. Поди, нарѣжь хорошенько хлѣба, и принеси сюда. Мнѣ хочется показатѣ господину, что ты не худая хозяйка.

Жанета. Хорошо, машушка. [*Уходитъ съ Луизоною.*]

(Продолженіе будетъ впредѣ).

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е II.

Маргарита [закрываетъ корзину, отодвигаетъ ее въ уголъ, и подходитъ опять къ столу.] Посмотримъ. Кажется все приготовлено. Салфешки, приборы — теперь подвинимъ стулья. [*Устанавливаетъ кругомъ стола стулья.*] Вотъ все готово. Пусть теперь пожалуетъ нашъ баринъ.

Я В Л Е Н І Е III.

Г. Вerville, Тибо, Маргарита.

Тибо [взглянувъ на столъ съ удивленіемъ, и сплеснувъ руками.] Что это? Конечно вы, милосливой государь, почитаете меня Царемъ? Такая добрая часть мяса, и еще [*показывая на пироги*] какая-то прекрасная вещь! Я не умѣю назвать ее; однакожь мнѣ кажется, что это должно быть очень вкусно.

Г. Вerville. Это пирогъ, кошорой прислала вамъ жена моя.

Маргар. Можно ли, чтобы она насъ вспомнила?

Тибо. И конечно. Она обошлась со мною давиче очень милоспиво. Я обѣ закладѣ бьюсь, что послѣ жены моей она лучшая женщина на свѣшѣ. Ну, Маргарипа, дождемся Генваря. Посмотрите на нее. Я не думаю, чтобы кто лучше ее прясшь умѣлѣ. [*Ударивъ ее по плечу.*] Она нынѣшнею зимою по вечерамъ спрядетъ для васъ и для супруги вашей шакой холстѣ, какова у васъ никогда не бывало; я за это опвѣчаю.

Маргар. Какая будетъ для меня радость! Я не потеряю ни одной минутъ.

Г. Вербиль. Благодарю васъ, друзья мои; однакожь эшова не надобно. Маргарипѣ довольно и для дѣшей работашь; а эшо бы — —

Тибо [*перерывая его рѣчь.*] Не спанемъ болѣе говорите обѣ эшомъ. Давиче мы вамъ давали волю дѣлать все, что вамъ хотѣлось; шеперь и намъ дайте волю. Не уже ли вы захошите, чтобы мы были неблагодарны? Вы бы лишили насъ всего удовольствія въ жизни, а милосердіе ваше запрещаетъ мнѣ такъ обѣ васъ думать. — Пора садиться за столъ [*Беретъ стулъ и садится.*] Вотъ ваше мѣ-

Мѣсто, милосливой государь. Сядимъ и мы, Маргарита.

Г. Вerville [*сидясь.*] Развѣ ты недождешься дѣтей? И имъ надобно съ нами обѣдашь. Я хочу имѣть удовольствіе сидѣть за споломъ съ наилучшею семьею въ свѣтѣ.

Тибо. И мы можемъ сказать, что у насъ обѣдалъ самой милосердой и великодушной человекъ, которой въ глазахъ нашихъ не хуже Короля. [*Маргаритѣ*] Развѣ Валентинъ еще не возвратился съ поля?

Маргар. Нѣтъ, мой другъ; и Жоржъ также не бывалъ.

Тибо. А дочери за чѣмъ сюда идутъ? Что онѣ тамъ дѣлаютъ?

Маргар. Увидишь, что онѣ тамъ не безъ дѣла. Вошъ Жанета.

Я В Л Е Н І Е IV.

Г. Вerville, Тибо, Маргарита, Жанета.
[*Жанета несетъ деревянной лотокъ, на которомъ положены ломти хлѣба.*]

Тибо. А! вошъ несутъ хлѣбъ. Хорошо. Поди сюда, Жанета. [*Беретъ руками два куска хлѣба, изъ которыхъ одинъ бросаетъ*

састъ Г. Вервилю, а другой Маргаритѣ.] Возьмише, милостивой государь. Хотя эшошъ хлѣбъ крестьянской, однакожь онъ вкусенъ. У васъ въ городѣ дѣлаютъ его понѣжнѣе; но эшошъ насъ, людей работшихъ, лучше укрѣпляетъ. По щасію онъ еще мягкой. Только ты, Маргарита, позабыла самое нужное. [*Усмѣхается и жметъ ея руку.*] Однакожь ты не виновата, жена. Нынѣ сердца у насъ такъ наполнены радостію, что всего припомнишь не можно.

Маргар. [*осматривая весь столъ.*] Что же я забыла?

Тибо. Вино, хозяйка. Развѣ намъ отподчивать господина сухимъ обѣдомъ? Эшо бы очень хорошо было.

Маргар. Совсѣмъ изъ головы вонъ. Я поспавила его въ холодокъ.

Жанета. Я пойду за нимъ. [*Уходятъ*].

Тибо. Бѣги скорѣе. Милостивой государь! оно немножко крѣпко, однакожь не дурно.

Маргар. Что ты говоришь? Развѣ ты думаешь, что господинъ не привезъ съ собою вина?

Г. Вервиль. Такъ, мой другъ, я думаю, что мое будущее не много лучше твоего. *Тибо.*

Тибо. Какъ, и вино съ вами? И такъ уже много вашей милости; а по еще и вина для насъ привезли.

Г. Вервиль. Нѣтъ, не для васъ однихъ. И я также свою часть выпью. Нынѣшній день есть для насъ день радости; а хорошее вино для радости не худо.

Тибо. Правда, у меня спаивало всегда прекрасное вино въ погребѣ, когда еще былъ живъ отецъ мой. Бывало, когда въ городъ съѣздишь не по пустому, всегда купишь полдюжины бутылокъ самаго лучшаго вина, не смотря ни на какую цѣну. Самъ я никогда его не пивалъ; а отдавалъ женѣ беречь къ тому дню, въ копорой прихаживалъ къ намъ въ гости бапюшка. То-то ужъ бывало подчиванье! Помнишь ли, Маргарита, какъ милой старичекъ веселился? Дѣши! говаривалъ онъ намъ: это вино меня укрѣпляетъ и веселитъ; а ваша любовь, которая заставляешь васъ беречь для меня самое лучшее, еще болѣе меня подкрѣпляетъ и веселитъ. Иногда онъ бывалъ такъ тронутъ, что слезы у него въ рюмку капали. Не повѣрите, какъ вино казалось мнѣ хорошо, когда я пивалъ его сидя подлѣ моего отца. [*Жанета входитъ и приноситъ двѣ бутылки.*]

Г. Вервиль. Надѣюсь, что и это шебѣ не дурно покажется.

Тибо. А, милоспивой государь! одна милость ваша сдѣлала бы его для насѣ самымѣ лучшимѣ.

Я В Л Е Н І Е V.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Жанета, Луизона.

Луизона. [*Неся преселиксй букетѣ розѣ, козьихѣ листочковѣ и ясиновѣ, подходитъ къ Г. Вервилю, кланяется и говоритъ:*] Позволище ли мнѣ вопкнущѣ его вѣ пешлю вашего кафпана?

Г. Вервиль. Благодарю, любезная Луизона. [*Обчимаеть се.*] Эпошѣ букетѣ не меньше шебя. Я обѣ закладѣ бьюсь, что шы цвѣшовѣ ни для опца, ни для мапери не оставила. Хорошо, я подѣблюсь сѣ ними; нынѣшній день нѣшѣ у меня ничего особливаго. Возьми, Маргарита; вопѣ шебѣ, Тибо; вопѣ шебѣ, Жанета; вопѣ и шебѣ, Луизона. [*Раздаеть имѣ цвѣты.*]

Тибо. Это похоже на день свадьбы; у всякаго свой букетѣ,

Жачета. Всякой бы почелѣ барина за новобрачную; онѣ даеть обѣдѣ и надѣдьяетѣ всѣхѣ цвѣшами.

Тибо.

Тибо. Смотри, какъ моя Жанёта развеселилась!

Г. Вервиль. За эту шутку я дамъ ей небольшое приданое въ день ея свадьбы.

Тибо. Да, оставь все на ваше попечение, а сама сиди поджавъ ручки! Нѣтъ, ей самой надобно вырабошась для себя приданое.

Луизона. А естли я, батюшка, приданое себѣ прежде вырабошаю?

Тибо. Смотри, какая дѣвчонка! Вамъ еще рано объ этомъ думать. Ну, пора объдашь, да веселишься!

Г. Вервиль. Подождемъ швоихъ сыновей. Я никакъ не хочу объдашь безъ того, чтобы не собрались всѣ мои друзья.

Маргар. Какъ жаль, что у васъ нѣтъ дѣшей! Кажется, что вы ихъ очень любите.

Г. Вервиль. Ахъ, Маргарита! какую рану разтворяешь ты въ серцѣ моемъ! У меня былъ сынъ — —

Маргар. Одинъ сынъ? и умеръ? Это очень тяжело!

Г. Вервиль. Умеръ ли онъ или нѣтъ, не знаю; однакожь для меня все равно — я его потерялъ.

Тибо. Такъ онъ можетъ быть въ чужихъ земляхъ, и вы не имѣете о немъ

извѣстія. [*Увидѣвъ, что слезы текутъ изъ глазъ Вервильевыхъ, беретъ его руку и жметъ.*] Пожалуйте не огорчайтесь, милоспивой государь. Есшлы онѢ живѢ, то вы его конечно увидите. Можно ли, чпобы вы, помогая бѣднымѢ, были сами несчастливы! Нѣтъ, нѣтъ! Небо справедливо. Посмотрите, какѢ мнѢ плашится за то полько, что я исполнялъ должность мою: можетѢ ли БогѢ оставитъ васѢ, когда вы делаете еще гораздо болѣе должнаго? Этому спашся не лзя. Развеселись же. Надобно забытъ все непріятное вѢ такой радостной день.

Г. Вервиль [*утирая глаза.*] ТакѢ, другѢ мой, я бы самѢ себя не простилѢ, есшлы бы не далѢ себѢ веселиться.

Тчбо. Конечно; а то бы вы испортили собственное свое дѣло. Да что сыновья мои шакѢ долго нейдутѢ? [*Встаетъ изъ застола и подходитъ къ окну.*] Посмотрю, идутѢ ли они. Хорошо, вонѢ ЖоржѢ. [*Машитъ ему рукою, чтобы онѢ шелъ скорѣе.*]

Маргар. КакѢ! ЖоржѢ одинѢ? Валентина съ нимѢ нѣтъ? ОнѢ знаетѢ, что теперь пора обѣдать. Проспите, милоспивой государь что васѢ шакѢ долго заставляють ждать.

Г. Вервиль. Еще будетъ время, Маргарита. Мнѣ не скучно въ такой пріятной бесѣдѣ. Для меня все равно, часомъ ли ранѣе, или часомъ позже обѣдать. Нынѣ дни очень долги. Только бы пріѣхашь за свѣшло домой; а шо жена моя безпокоиться не будетъ.

Маргар. Вотъ Жоржъ.

Я В Л Е Н І Е VI.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Жанета, Лунзона, Жоржъ.

[*Жоржъ снимаетъ шляпу и кланяется Г. Вервилью.*]

Тибо [бѣжитъ и беретъ его за руку.]
 Поди, сынъ, посмотри на эшова великодушнаго человѣка. Послѣ Бога и родителей своихъ ты болѣе всѣхъ обязанъ ему въ жизни. Посмотри на него хорошенько. Эшо нашъ милосивой господинъ, кошорому мы должны были ошдашь все свое имѣніе, и кошорой все намъ назадъ ошдалъ.

Маргар. И кошорой сверхъ того сестрамъ швоимъ дарилъ прекрасное шпандо. Во всю жизнь свою долженъ ты о немъ всѣмъ сердцемъ молишься. Пока бу-

демъ жить, спанемъ мы подавать шебѣ въ шомъ примѣрѣ; а ты конечно и послѣ смерти нашей ему послѣдуешь — не правда ли? Даешь ли мнѣ слово?

Жоржъ. Какъ мнѣ эпова не исполнишь, когда онѣ къ намъ шакъ милостивѣ? Башюшка вчера говорилъ, что намъ должно ошдать назадъ откупѣ: шакъ оспаемся ли мы здѣсь?

Тибо. Оспаемся, другѣ мой, на всегда оспаемся. Я надѣюсь увидѣшь здѣсь внушашъ и правнучашъ моихъ.

Жоржъ [*въ возторгѣ подбѣжавъ къ Маргаритѣ.*] О машушка! для шебя я болѣ этому радуюсь. Теперь могу уже сказать: я всю эту ночь проплакалъ.

Г. Вервиль. О чемъ же, другѣ мой?

Жоржъ [*възявъ Г. Вервиля за руку, и подведя къ окну.*] Подите сюда, милостивой государь, я вамъ скажу. Видите ли тамъ подлѣ забору старую яблонь, кошорая почти безъ лисшьева? Машушка нынѣшнею весною очень жалѣла, что морозъ эшо дерево попоршилъ. Я, говорила она, отъ роду не ѣдала шакихъ хорошихъ яблокъ, какія на эшомъ деревѣ родяшся, а оно конечно совсѣмъ пропадетъ. На другой день, прежде нежели она просну-

лась,

дась, я пошелъ къ этому дереву съ моимъ братомъ, сръзалъ съ него самые лучшіе черенки и привилъ къ другимъ деревьямъ, чтобы у матушки моей были всегда ея любимыя яблоки, хотя бы старое дерево и пропало. Если бы мы оставили опкупъ, то бы очень жалко было, что другой, пришедши на наше мѣсто, со временемъ спалъ бы всѣ яблоки опъ моихъ прививковъ.

Г. Вербиль. Ты бы могъ вырвать ихъ при своемъ отъѣздѣ. Тогда бы ни кто не спалъ пользоваться твоими трудами.

Жоржъ. Да на что бы это? Мнѣ бы все никакой пользы не было. А я знаю, что и для своей прибыли не надобно ничего у другихъ отнимать. Мнѣ бы оставалось желать, чтобы новой хозяйнѣ послѣ насъ собиравъ хорошіе плоды съ нашихъ деревьевъ.

Г. Вербиль. Да ты теперь только говорилъ, что тебѣ бы грустно было, когда бы другіе спали пользоваться плодами твоихъ прививковъ?

Жоржъ. Опъ того, что матушка уже не могла бы ихъ ѣсть. Я хотя и желаю хорошихъ яблокъ для другихъ, однакожь еще бы лучше пожелалъ ихъ для матушки.

Г. Вервиль [*пожавъ его руку.*] Ты доброй дѣшина. [*Видя, что Маргарита желаетъ обнять Жоржа, но отъ почета- ния къ нему не смѣетъ.*] Возьми его, Маргарита. Любезной Тибо! дѣши свои часѣ опѣ часу болѣе меня удивляющѣ. У васѣ не разберешь, кто кого болѣе любилѣ.

Тибо. Милоспивой государь! вѣ семьѣ должно всѣмѣ жить дружно. Когда у меня были живы отецѣ и мать, я днемѣ и ночью думалѣ, какѣ бы сдѣлалѣ имѣ что нибудь угодное. Вѣ старости носилѣ бы я ихѣ на рукахѣ. За то мнѣ и плашится. Теперѣ я увѣрился опыпомѣ, что каковѣ будешь противѣ своего отца, таковы будущѣ противѣ тебя и дѣши свои.

Маргар. [*Жоржу.*] Да гдѣ же Валентинѣ? Для чего онѣ не пришелѣ съ тобою?

Жоржѣ. Онѣ не будетѣ.

Тибо. Для чего?

Жоржѣ. Для шого, что онѣ вздумалѣ до вечера все вспахатѣ. Я присшупалѣ къ нему, чтообы онѣ со мною шелѣ, обѣщая всѣми силами помогатѣ ему послѣ обѣда. Однакожѣ онѣ никакѣ не хотѣлѣ меня слушатѣ. У меня оспался хлѣбѣ, сказалѣ онѣ, показывая мнѣ половину своего завтрака: вошѣ мой обѣдѣ.

Тибо,

Тибо. Милой сынъ! для того, что я не ходилъ нынѣ поутру въ поле, онѣ за меня работаешь. Видѣвъ, что мы совсѣмъ погибали отъ бѣдности, хочешь онѣ помочь намъ своими трудами и бережливостію. Жоржъ! сходи за нимъ. Скажи, что мы приказываемъ ему припши, и что безъ него вѣсть не спанемъ. [*Оборотаясь къ Г. Вервилю.*] Ешьли бы вы его знали, милостивой государь, то бы конечно полюбили его всѣмъ сердцемъ, шакъ же, какъ и мы.

Жанета. Бапюшка! ешьли велишь, мы пойдѣмъ за нимъ съ сестрою и съ Жоржемъ.

Луизона. Я берусь за то, что пошчасъ приведу его сюда.

Тибо. Хорошо; да не заигрывайшесь дорогою.

Луизона. Не бойся, мы пошчасъ прибѣжимъ назадъ.

(*Продолженіе будетъ впредь.*)

ОСТРОУМІЕ.

Демонаксъ отвѣчалъ одному насмѣшли-
ку, которой спросилъ у него: *сколь-
ко фунтовъ будетъ дыму, когда сожжеть
сто фунтовъ дерева?* слѣдующими остры-
ми словами: *Взвѣсь пепель; и чего въ вѣ-
сѣ не достанетъ, столько будетъ дыму.*

ЗНАНІЕ СВѢТА.

Одинъ молодой человекъ просилъ Гро-
ціуса, чтобы онъ наименовалъ ему
ту книгу, изъ которой онъ всего лучше
могъ бы научиться мудрости. *Возьмите
десять вѣлоу бумаги, сказалъ Гроціусъ,
и записывайте въ ней все то, что вамъ
въ жизни покажется важнымъ. Свѣтъ
есть наилучшая школа для наблюдатель-
наго духа.*

ПОПОВА ОСТРОТА.

Славной Англійской Поэтѣ, Попѣ, пришедши къ одному Ученому, долженъ былъ долго у дверей спучашся. Ученой, занимавшійся своими книгами, весьма разсердился, слыша безпрестанной спукѣ, вскочилъ, побѣжалъ съ крыльца, и не зная, кшо шамѣ, кричалъ изо всего горла: *Что за стукѣ! Между тобою и осломѣ не велика розница.*

Одна дверь, сказалъ Попѣ, и пошелъ прочь.

Ф И Л О С О Ф І Я.

Торквашъ Тассо съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ своихъ любилъ Поэзію. Отецъ его боялся, чтобы сія склонность не отвлекла его отъ полезнѣйшихъ упражненій, и пріѣхавъ самъ въ Падуу, гдѣ учился Торквашъ, упрекалъ его шѣмъ съ великимъ сердцемъ. Тассо слушалъ все равнодушно. „Какую пользу приносишь тебѣ швоя Философія? сказалъ старикъ: Какую пользу приносишь тебѣ ша наука, кошорою шы такъ гордишься?„ — Она научила меня съ терпѣніемъ сносить жестокость швоихъ попрековъ — освѣчалъ Тассо.

XXXXXXXXXX

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

Я В Л Е Н І Е VII.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита.

Г. Вервиль. Не могу тебѣ изъяснить, Тибо, всѣхъ моихъ пеперешнихъ чувствъ. Я вижу, что дѣти составляютъ лучший даръ Неба.

Тибо. Когда дѣти таковы, какъ наши, тогда онѣ конечно даръ благословенной, и родители имѣютъ въ нихъ такое сокровище, котораго никакъ оцѣнить нельзя. А, милостивой государь! вы не можете повѣрить, какъ всѣ несчастія въ жизни облегчаются, когда дѣти наши помогаютъ намъ ихъ сносить. [*Ударивъ по плечу Г. Вервиля.*] Не шужише. Гдѣ бы ни былъ сынъ вашъ, я твердо увѣренъ, что онѣ дни старости вашей сдѣлаешь счастливейшими днями жизни вашей.

Г. Вервиль. А! если бы онѣ еще былъ на свѣтѣ! Если бы онѣ былъ таковъ, какъ дѣти твои! Но начпо льстишься суешною надеждою? Нѣтъ у меня сына, которой бы могъ утѣшить старость мою. Щасливой Тибо! ты будешь имѣшь удо-
Часть XIX. No. 35. И воль-

вольствіе видѣшь другога себя въ пятерыхъ дѣтяхъ, обязанныхъ себѣ бытіемъ!

Тибо. Пятерыхъ, говорите вы, милостивой государь? Нѣтъ, уменя только четверо. [*Считаетъ по пальцамъ.*] Малышка, кошорой спитъ за занавѣсомъ, Луизона, Жоржъ и Жанеша — вошъ мои.

Г. Вервиль. А шопъ, кошорой въ полъ? —

Тибо. Онъ не нашъ сынъ, копя я его шакъ люблю, какъ роднова сына, и дѣлаю для него поже, что и для своихъ. Да шопъ доброй дѣшина и стоитъ того. Онъ насъ любитъ какъ родителей своихъ, и работаетъ въ домъ нашемъ шакъ, какъ бы онъ былъ мой большой сынъ.

Г. Вервиль. Кто же онъ шаконъ?

Тибо. Это ни ему, ни намъ не извѣсно. Мы спасли его отъ смерти въ колыбели. Жена моя выкормила его грудью своею; онъ всегда жилъ съ нами. Однакожь ему надобно бышь не подлаго рода. На шеѣ у него была гремушка, позолоченная и обсыпанная каменьями; а бѣлье самое лучшее — —

Г. Вервиль. Вы избавили его отъ смерти, не знаете его фамиліи, и говорите, что онъ не подлаго роду! Любезной Тибо!

бо!

бо! скажи мнѣ скорѣе, какѣ онѣ попался въ ваши руки?

Маргар. Это очень жалкая исторія.

Тибо. Мы тогда жили въ Нормандіи. Я нанималъ землю подлѣ рѣки. Положеніе мѣста было прекрасное, и земля очень плодородная, хотя не за что было сказать спасибо тѣмъ, которые передѣ нами владѣли ею.

Г. Вербиль. Пожалуй оставь всѣ эти обспояпельства, а разкажи мнѣ только то, что касается до Валеншина. Я только это знать любопышенъ.

Тибо. Ну, милосливой государь, чтобы скорѣе дойти до дѣла, то будь вамъ извѣстно, что въ одну ночь разбудила насъ вода, которая вошла со всѣхъ сторонъ въ нашъ домъ. Мы насилу успѣли взойти на кровлю, чтобы дожидаться шамъ помощи. Поушру пріѣхали за нами въ лодкѣ. Вода залила всѣ окрестныя мѣста. Рѣка была усѣяна досками и всякими вещами, которыя быстрина воды уносила. Я уговаривалъ жену мою, чтобы она не шерзалась о пошерѣ нашей избы, а болѣе всего о сынѣ, котораго вода залила прежде, нежели мы проснулись. Въ шощъ самой

часть увидѣлъ я колыбель, которую бы-
 стро несли волны, и всякую минушу по-
 шопить грозили. Я не могъ выдержать;
 скинулъ съ себя плащъ, и не смотря на
 опасность, бросился въ рѣку и старался
 всѣми силами доплыть до колыбели. Нѣ-
 сколько разъ былъ я опшолкнушъ опъ
 нее волнами, и начиналъ ослабѣвать;
 однакожь крикъ ребенка, которой я услы-
 шалъ, давалъ мнѣ бодрость и силу. На-
 конецъ, послѣ многихъ опасностей, я
 поймалъ колыбель, и вытащилъ ее на бе-
 регъ. Жена моя почти какъ мершвая шла
 за мною. Я подалъ ей ребенка, которой
 только тогда пересталъ плакать, какъ
 она взяла его наруки и прижала къ сво-
 ему сердцу. Бѣдная Маргарита думала,
 что Богъ послалъ ей эшова младенца вмѣ-
 сто сына. Мы всячески старались тогда
 отыскашь его родителей, но никакъ не
 могли. Эшо было намъ ни мало не горе-
 стно, и съ того времени мы почипали
 его всегда сыномъ своимъ. Я сто разъ
 рассказывалъ ему исторію его; однакожь
 пошайлъ эшо опъ своихъ дѣшей, чтобы
 не лишить ихъ удовольствія почипать
 его своимъ бршомъ, и чтобы не было
 въ домъ зависти. Я училъ его равно съ
 другими дѣшми. Онъ пашетъ не хуже
 меня,

меня, а читаешь и пишешь можешь быть лучше нашего Магистера.

Г. Вервиль. А за сколько лѣтъ это случилось?

Тибо. Помнишься, лѣтъ за пятнадцать съ небольшимъ. Постойте; я вамъ скажу это въ минушу. Тамошній судья по прозвѣбѣ моей далъ мнѣ письменное свидѣтельство, подписанное приходскимъ священникомъ и подтвержденное всѣми поселянами, которые были очевидцами этого приключенія. Оставя шѣ мѣста, не забылъ я этого свидѣтельства взять съ собою. Поди, принеси его, Маргарита.

Маргар. Оно здѣсь лежитъ въ ящикѣ съ Валеншиновымъ плащомъ и съ гремушкой, которую мы у него нашли. Мы все это очень берегли, и опложили нынѣ пошуру къ споронѣ; по тому что не справедливо бы было вмѣстѣ съ нашими пожилками опдать вамъ и пожилки этого бѣднаго человека.

Г. Вервиль [*вставъ.*] А, Маргарита! не заставляй меня ждать; покажи мнѣ скорѣе.

Тибо. Подай скорѣе, жена.

Маргар. [*бѣжитъ, беретъ узелъ изъ ларчика и подаетъ мужу.*] Вотъ, мой другъ.

Тибо. Смотрите, милосливой государь.

Г. Вервиль [*разсмотрѣвъ грелушку, мѣтки бѣлья и прочитавъ свидѣтельство.*] Это онъ! ато онъ! Боже мой! Ты возвращаешь мнѣ сына!

Тибо [*въ изумленіи.*] Что вы говорите? Валентинъ вашъ сынъ? — Ахъ, милосливой государь! вы всѣ дрожите. [*Беретъ его за руку и поддерживаетъ.*] Жена! дай скорѣе стулъ; онъ упадетъ.

Маргар. [*бѣгая и туда и сюда.*] Сама не знаю, что дѣлаю. Я себя забыла. Ахъ, какъ онъ удивится!

[*Наконецъ приноситъ стулъ. Тибо сажаетъ Вервиля и держитъ его за руку.*]

Г. Вервиль. Благословенной день! Я нашелъ сына! Какъ обрадуется жена моя! Съ нынѣшняго дня мы снова начнемъ жить. Любезной Тибо! поведи меня къ нему. Надобно, чтобы я его потчасъ увидѣлъ и прижалъ къ груди своей.

Тибо. Нѣтъ, нѣтъ, милосливой государь! Любезной Валентинъ можешь умереть отъ такой нечаянности. Онъ потчасъ сюда будетъ. Подите въ эту комнату, и пробудьте тамъ до того времени, какъ я его хорошенько объ этомъ предъ-

предбывдомлю. Онъ лучше приготоновишся, а вы будете спокойнѣе.

Маргар. [смотря въ окно.] Вонъ онъ идетъ и несетъ на плечъ заступъ. Посмотрише на него.

Г. Вервиль [бросаясь къ окну] Идетъ! идетъ! Какъ сердце у меня бьется! Я побѣгу къ нему на встрѣчу!

Тибо [останавливая его]. Нѣтъ, сударь, это будешь не хорошо, какъ для одного, такъ и для другаго. На этотъ разъ вы должны исполнять мою волю.

[Тащитъ Вервиля въ другую комнату, которой идетъ за нимъ противъ воли, обращаясь къ сыну.]

Я В Л Е Н І Е VIII.

Маргарита [одна.]

Мнѣ бѣдной можешь быть всѣхъ хуже отъ эшова. Валентинъ вдругъ сдѣлается великимъ господиномъ. Почему знаешь, будешь ли онъ меня любить, и не спашешь ли насъ спыдишься! [Заплакавъ]. А! ешьли еще такъ будешь, шо во всю

свою жизнь не утѣшусь. Какъ старалась я его возпишывашь, какъ горячо люблю его! Онъ мнѣ такъ же дорогъ, какъ собственной мой сынъ.

Я В Л Е Н І Е IX.

Тибо, Маргарита.

Тибо [Вервилью, котораго оставляетъ въ другой комнатѣ.] Останьшесь, останьшесь. Я приду вамъ сказать, когда время будетъ; а ты, жена, о чемъ плачешь?

Маргар. И ошъ печали и ошъ радости, другъ мой; все имѣстъ.

Тибо. Какъ ты это могла одно съ другимъ согласить?

Маргар. Я радуюсь шому, что Валентинъ нашелъ своихъ родителей, и что родители нашли его; а за то мы его лишимся: вошъ что меня огорчашъ. Есть ли же онъ насъ забудетъ!

Тибо. Какая дурная мысль пришла тебѣ въ голову! Забышь насъ, жена? Можемъ ли мы самихъ себя забыть? Видно, что ты еще не хорошо его знаешь.

Я В Л Е Н І Е X.

*Тибо, Маргарита, Валентинъ, Жоржъ,
Жанета, Луизона.*

Валентинъ [съ жалостію]. Башюшка! машушка! вѣ какомъ я возхищеніи ошѣ радости! [*Бросаетъ свой заступъ и бѣжитъ обнимать ихъ.*] Жанета и Луизона рассказали мнѣ, что господинъ для насъ сдѣлалъ. Гдѣ эшошъ доброй господинъ? Я хочу разцѣловать его руки, и возблагодарить его за всѣ милосши.

(Продолженіе будетъ впереди).

ЛАВИНІЯ,
ОСЕННЯЯ ПОВѢСТЬ (*):
Переводъ съ Англійскаго.

Любезная душой, Лавинія млада,
Имѣла передъ симъ пріятелей, друзей,
И щастье въ лѣтѣ ея рожденья улыбалось.
Но вдругъ лишилась всего во цвѣтѣ юныхъ лѣтъ,
Лишилась опоры всей — кромѣ опоры Неба,
Невинности своей — она и мать ея
Бѣднѣйшая вдова и въ спасеніи больная,
Подъ кровомъ шалаша спокойно жизнь вели
Въ излучинахъ лѣсовъ, среди большой доли-
ны, —
Уединенной тѣмой густыхъ, вѣтвистыхъ
древъ,
Но болѣе стыдомъ и скромностью укрышы.
Осознавъ свѣтъ, онѣ хотѣли избѣжать
Срезрѣнія людей, и вѣтренныхъ и гордыхъ,
Которые въ бѣдахъ невинность не щадятъ.
Онѣ цѣнились тамъ почти единымъ даромъ
Простаго Божества, подобно пшпцамъ шѣмъ,
Коп-

(*) Въ XI части Дѣтскаго Чтенія напеча-
танъ вольной прозаической переводъ сей
повѣсти. Кажется, что въ семъ новомъ
метрическомъ переводѣ удержано болѣе
красотъ подлинника; и попому можно
надѣяться, что читателямъ будетъ онѣ
не непріятенъ.

Которыя свои пріятнѣйшія пѣсни
Въ забаву пѣли имъ; — довольны были
всѣмъ,
Не думая о томъ, чѣмъ завтра имъ пи-
шались.

Сколько роза на зарѣ бываетъ ни свѣжа,
Когда листья ея окроплены росой,
Лавинія была свѣжѣе розы сей.
Какъ лилія, какъ снѣгъ, лежащій на Кавказѣ,
Была она чиста. Въ очахъ ея всегда
Достоинства души кропчайшія сіяли —
Всѣ влажные лучи ея прекрасныхъ глазъ,
Популенныхъ всегда, въ цвѣтны рѣкой ли-
лись.

Когда же мать ея рассказывала ей,
Чѣмъ нѣкогда судьба коварная имъ льстила:
Она, внимая ей, задумчива была,
И слезы у нее въ глазахъ свѣшло блистали,
Какъ росная звѣзда сіяетъ ввечеру.
Пріятность Естества, размѣренная стройно,
Блистала въ ней вездѣ, во всѣхъ ея частяхъ,
Скрываемыхъ отъ глазъ одеждою простою,
Которая была превыше всѣхъ убранствъ —
Любезности чужда вся помощь украшеній,
И безъ прикрасъ она прекраснѣе всегда.
Не мысля о красѣ, была она красою,
Сокрытою въ лѣсахъ дремучихъ и большихъ.
Какъ въ нѣдрахъ пустыни сѣлаго Апеннина,
Подъ тѣнію бугровъ, разбѣянныхъ кругомъ,
Возходитъ юный миртъ, невѣдомый всѣмъ
людямъ,
И сладкую зонку во всю пустыню льетъ:

Лавинія

Лавинія цвѣла симъ образомъ во мракѣ,
 Не зримая никѣмъ. Но нѣкогда пошла
 По нуждѣ хлѣбъ собирать на поле къ Пале-
 мону, —
 Съ улыбкой на устахъ, съ терпѣніемъ въ
 душѣ.

Всѣ жипели села гордились Палемономъ.
 Онъ былъ богатъ и добрѣ, и велъ простую
 жизнь

Щастливѣйшихъ вѣковъ, въ Аркадскихъ нѣж-
 ныхъ пѣсняхъ

Возпѣтыхъ издавна — жизнь сихъ невин-
 ныхъ дней,

Когда невѣдомъ былъ еще обычай звѣрской,
 И шопъ по модѣ жилъ, кпо жилъ по Есте-
 ству.

Гуляя по полямъ, и мысль свою вперяя
 Въ осенни красоты, онъ вдругъ увидѣлъ
 шамъ

Лавинію въ трудахъ, которая не знала
 Всей силы своея, и, заспыдясь, потчасъ
 Укрылась отъ него. Онъ прелести увидѣлъ;
 Не только шрепью часть сокрытыхъ отъ него
 Смиренисмъ ея. Почувствовзалъ онъ въ сердцѣ
 Невинную любовь, не зная самъ шого.

Ему былъ спрашенъ свѣтъ, котораго на-
 смѣшку

Едва ли Филоссофъ рѣшится презирать.

Избратъ въ супруги шу, которая собираетъ

По нуждѣ хлѣбъ въ поляхъ! — Онъ такъ
 вздыхалъ въ себѣ:

„Какъ жалко, что она, бывъ такъ нѣжна,
на, прекрасна —
„Бывъ въ чувствахъ столь жива, — являя
доброшу,
„Столь рѣдкую въ другихъ — готовишься въ
объявля
„Кого нибудь изъ сихъ суровыхъ поселянъ!
„Она сходна лицомъ съ фамиліей Акаста —
„Приводитъ мнѣ на мысль виновника всѣхъ
благъ
„Моихъ щасливыхъ дней, лежащаго во прахъ.
„Его земля и домъ — цвѣтущая семья —
„Все вдругъ разорено. Я слышалъ, что со-
крылась
„Жена и дочь его въ дремучіе лѣса,
„Чтобъ имъ не видѣшь сценъ своей щасли-
вой жизни,
„Которыя моглибъ умножить ихъ печаль,
„Унизить гордость ихъ; но щещенъ былъ
мой поискъ.
„О естлибъ это дочь была его! . . . Мечта!,,

Когда же, распросивъ ее о всемъ по-
дробно,
Узналъ, что другъ его, сей щедрый другъ
Анастѣ,
Былъ точно ей отецъ — какъ выразить всѣ
страсти,
Которыя въ душѣ его возстали вдругъ,
И шрепетный возторгъ всѣмъ нервамъ со-
общили?
Вдругъ искра, бывъ предъ симъ скрывается,
въ душѣ,
Сво-

- „Позволь же мнѣ теперь тебя пересадить
 „На лучший слой земли, гдѣ лучъ весенній
 солнца
 „И тихій дождь лютѣ щедрѣйшіе дары!
 „Будь сада моего гордѣйшей красотою!
 „Пристойно ли тебѣ, рожденной отъ того,
 „Кто жипнищы свои, наполненные хлѣбомъ,
 „Отверзшыл для всѣхъ, считалъ еще ни-
 чѣмъ —
 „Кто былъ отцемъ сихъ селъ — собирать
 извергъ на нивахъ,
 „Доставшихся мнѣ въ даръ отъ милости его?
 „Ахъ! выбрось же сію поспыдную бездѣлку
 „Изъ рукъ, не для сноповъ созданныхъ Кра-
 сотою!
 „Поля и господинъ твоими нынѣ будутъ,
 „Любезная моя, когда захочешь ты
 „Умножить тѣ дары, которыми осыпалъ
 „Меня твой щедрый домъ, давъ мнѣ дра-
 гую власть
 „Устроить чашъ твою, тебя щастливой сдѣ-
 лать. „

Тутъ юноша умолкъ; но взоръ его
 являлъ
 Свяшый пріумфъ души, вкушавшей благо-
 дарность,
 Любовь и сладкій миръ, божественно внесенъ
 Превыше всѣхъ утѣхъ души обыкновенной.
 Отвѣта онъ не ждалъ. Бывъ пронупа его
 Сердечной красотой, въ прелестномъ безо-
 рядкѣ,
 Вумак-

Румянцемъ нѣжныхъ щекъ она сказала: да!
 По томъ шопчасъ пошла къ родительницѣ съ
 вѣсью,
 Грустившей о судьбѣ Лавини своей, —
 Считавшей всякой мигъ. Услыша, изумяся,
 Не смѣла вѣрнуть ей; и радость вдругъ вли-
 лась
 Въ увядшіе ея сосуды хладной крови —
 Слабѣвшей жизни лучъ со блескомъ освѣшилъ
 Ея вечерній часъ. Она была въ возпоргѣ
 Не менѣ самой щастливѣйшей чепы,
 Которая цвѣла въ блаженствѣ нѣжномъ долго,
 Возпитывая чадъ любезныхъ, милыхъ
 всѣмъ —
 Подобно ей самой — и бывшихъ красотою
 Всей тамошней страны.

Томсонъ.

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Продолженіе.

Я В А Е Н І Е XI.

Г. Вервиль, Тибо, Маргарита, Валентинъ,
Жоржъ, Жанета и Луксона.

Г. Вервиль [вдругъ отворивъ двери и бросясь на шею къ Валентину.] Я здѣсь, сынъ мой, я здѣсь! Ты мой, ты кровь моя, моя жизнь!

Тибо. Не пугайся, Валентинъ; это правда. Господинъ швой отецъ. [Валентинъ въ изумленіи смотритъ то на Вервиля, то на Тибо, то на Маргариту; хочетъ говорить, но не можетъ.]

Маргар. Такъ, любезной Валентинъ, все открылось. Пятнадцать лѣтъ господинъ о тебѣ плакалъ; а теперь пришла наша очередь проливать о тебѣ слезы.

Валентинъ. Я вашъ сынъ! Вы мой отецъ! [Бросается на колѣни передъ Вервилемъ, обнимаетъ его и целуетъ его руки. Вертвиль также обнимаетъ своего сына. Нѣсколько времени оба молчатъ и проливаютъ слезы.]

Г. Вертвиль. Всемогущій Боже! какъ возблагодарить Тебя за Твое милосердіе!

Валентинъ. Я тысячу разъ просилъ Бога, чтобы Онъ открылъ мнѣ родителей моихъ. И такъ вы мой отецъ, мать, которой черезъ свои благодаренія спалъ опцомъ моихъ спасителей! Сколько причинъ любить васъ и стараться быть достойнымъ вашей горячности черезъ мою покорность и любовь!

Г. Вервиль. Сердце мое уже чувствуетъ, сколько ты достоинъ того. Такъ, любезной сынъ, это сердце всегда любило тебя. Въ какомъ же восхищеніи будетъ мать своя, когда тебя увидитъ!

Валентинъ. Повези же меня къ ней поскорѣе. Я нетерпѣливо хочу упасть къ ногамъ ея, и прижать ее къ моему сердцу.

Г. Вервиль. Поѣдемъ, другъ мой; не надобно терять ни одной минутой; а то я буду противъ нее виноватъ. Поскачемъ, полетимъ къ ней.

Тибо. [Останавливаетъ ихъ, взявъ за руки.] Помните, что вы можете отъ радости уморить эту добродѣтельную госпожу. Нѣтъ, нѣтъ, этова сдѣлать нельзя. Надобно прежде всего выпить каждому по рюмкѣ вина для укрѣпленія тѣла и души, а то все пойдетъ на выворощъ. По томъ я берусь ѣхать въ городъ

городъ и приготовишь госпожу къ свиданію съ сыномъ. Ахъ, любезной Валентинъ! какъ ты обрадуешься, когда ее узнаешь!

Валентинъ. И такъ я увижу ее нынѣ, опчаявшись уже когда нибудь видѣть ее! Не могу изъяснить той любви, кошую уже напередъ къ ней чувствую.

Маргар. А меня, Валентинъ, будешь ты всегда любить?

Валентинъ. Буду ли тебя любить! Я всегда стану тебя называть матерью, такъ какъ и ее. Она дала мнѣ жизнь, второй мой отецъ спасъ ее, а ты питала меня своимъ молокомъ. Что бы сомною вышло, есѣли бы васъ не было? Вы для меня столько сдѣлали, что я во всю свою жизнь не въ состояніи буду заплашить вамъ.

Г. Вerville. Нѣтъ, любезной сынъ. Хотя бы это стоило половины моего имѣнія, я хочу, чтобы они — —

Тибо [перерывая рѣчь его съ жаромъ.] А я хочу, чтобы вы ни одного слова болѣе о томъ не говорили. Дружба ваша, дружба супруги вашей и Валентинова будешъ нашею наградою. Какъ вы ни богаты, а я не думаю, чтобы вамъ можно было чѣмъ нибудь лучшимъ награ-

дишь насъ. — Чего же мы ждемъ? Для чего не садимся за столъ? Садитесь, милосливой государь. Валентинъ! сюда, рядомъ съ отцомъ. Да, да, понимаю. Маргарита сядишь подлѣ себя. Какъ же она бѣдняжка тебя любитъ! [*Увидѣвъ, что Маргарита отираетъ слезы.*] Ну, жена, не дурачься. О чемъ плакашь? Мы другъ съ другомъ не распаемся. Если бы онъ сдѣлался негодяемъ, тогда бы можно было сказать, что мы его потеряли; тогда бы можно было и плакать.

Валентинъ [*смотря съ нѣжностію на Вервилья.*] Видишь, башюшка, какъ мнѣ должно любить ихъ! [*Беретъ руку у Маргариты, которая не можетъ воздержаться отъ слезъ, и закрываетъ лице; между тѣмъ Валентинъ обнимаетъ ее.*]

Тибо. Ну перестанете ли вы? У нихъ совсѣмъ ума нѣтъ. А чтобы тебя чѣмънибудь занять, Маргарита, по посади дѣшей и принеси намъ рюмокъ. [*Между тѣмъ, какъ Маргарита сіе дѣлаетъ, Тибо оборачивается къ Вервилью и говоритъ ему:*] Я давно сказалъ вамъ, милосливой государь, что добродѣтель безъ награжденія неоспаешся. Теперь сами видите, что это правда. Лишь только сдѣлали вы доброе дѣло, пошчасъ и получили

чили награжденіе. Вы наградили насъ имѣніемъ, кошорое уже намъ не принадлежало, а мы отдаемъ вамъ сына, кошораго вы почишали пошеряннымъ. *[Встаетъ и говоритъ Жоржу, Жанетъ и Луизонъ, которые во все сіе явленіе молчали, глядя съ великимъ удивленіемъ то на Вервиля, то на Валентина.]* А вы, дѣшпи мои, научишесь имѣшь всегда надежду на Бога и не опчаявашься. Когда за пяпнашцапъ лѣшъ передъ эшимъ вода унесла мою избу, Провидѣніе вѣ самую шу же минушу послало намъ шо, чѣмъ нѣкогда надлежало мнѣ заплашишь моему благодѣпелю. Нынѣ, казалось, засуха раззорила меня до крайности: напропивъ шого она же и поправила мое состояніе. Богъ употребляешъ всякіе способы къ награденію шѣхъ, кошорые исполняюшъ свою должность. Большія нещастія составили наше благополучіе. Желаю отъ всего сердца, чпобы эшошъ примѣръ былъ вамъ полезенъ во всю жизнь вашу. Повѣрыше мнѣ: когда человекъ дѣлаешъ добро, то какъ бы ни угнѣшало его нещастіе, какъ бы громы надѣ нимъ ни гремѣли, и хотя бы все кругомъ его разрушалось, онъ будетъ непоколебимъ какъ каменная гора, *[ударивъ по столу*

кулакомъ] пока ему не чѣмъ упрекать себя; а еспьли когда и упадешъ, то вспанешъ еще съ большею бодростію. — По рюмкѣ вина, милоспивоу государь. [*Беретъ бутылку, и наливаетъ у всѣхъ рюмки.*] Выпьемъ всѣ разомъ за ваше здорье.

Маргар. Съ великою радостію.

Тибо. Валентинъ! ты одинъ можешь языкомъ называть его опцомъ; однакожь въ сердцѣ своемъ и мы такъ же его называемъ. Ваше здорье, милоспивоу государь!

Всѣ вдрузь. Ваше здорье, милоспивоу государь!

Валентинъ. Ваше здорье, батюшка!

Г. Вервиль [*со слезами*] Благодарю псбя, любезной сынъ. Благодарю васъ, любезныя дѣши. Имя опца для меня всего сладостнѣе [*пѣств.*] Никогда вино не казалось мнѣ такъ хорошо, какъ теперь.

Тибо [*съ веселымъ видомъ.*] И мнѣ также. Для того я и намѣренъ зачашъ снова. Теперь швое здорье, Валентинъ. Послушай; хотя теперь ты спалъ и знатной человекъ, однакожь я не хочу, чшобы въ моей избѣ кто нибудь называлъ тебя иначе. Называя тебя шѣмъ же

же именовъ, мы лучше будемъ чувствовать, что ты живешь еще въ нашихъ сердцахъ.

Валентинъ. А я гдѣ бы ни жилъ, всегда буду тебя называть опцомъ. [*Тибо жметъ его руку, и всѣ пьютъ Валентиново здоровье.*]

Тибо. Ну, милоспивой государь, мы уже вамъ сказывали, какъ мы нашли вашего сына; теперь ваша очередь сказать, какъ вы его потеряли.

Г. Вербиль. Съ великимъ удовольствіемъ, другъ мой; по тому что теперь эта исторія не дѣлаешь уже мнѣ огорченія. Черезъ годъ послѣ моей женидбы возгорѣлась война, и я получилъ приказъ ѣхать съ моимъ полкомъ въ Ост-Индію. Жена моя, не смотря на мою просьбу, на опдаленность и на всѣ опасности, непремѣнно хотѣла ѣхать со мною, родивъ эпова любезнаго сына. У меня былъ дядя, Пріоръ одного Аббатства въ Эврѣ. Младенца опдали кормилицѣ, кошорая жила въ деревнѣ близъ эпова мѣста, чшобы дядя мой могъ имѣшь о немъ попеченіе, и увѣдомлять насъ, каковъ онъ будетъ. Три года не получалъ я никакого извѣстія. Не зная, что думаешь о такомъ долговременномъ молча-

ни , писалъ я къ нѣкоторымъ изъ моихъ Парижскихъ пріятелей. Самой усерднѣйшій ѣздилъ самъ въ ту деревню, гдѣ мы оставили сына , и написалъ ко мнѣ , что скоро послѣ моего отпѣзда сдѣлалось нечаянное наводненіе во всей той споронѣ ; что дядя мой упонулъ , бывъ жершвою своей отважности ; что домъ кормилицинъ былъ ночью унесенъ водою , и что сынъ мой вмѣстѣ съ нею лишился жизни. Эта ужасная вѣсть поразила меня въ самое сердце ; а жена моя была совсѣмъ при концѣ жизни. По возвращеніи нашемъ во Францію не смѣлъ я дѣлать никакихъ розысковъ , почитавъ ихъ излишними , и боясь , чтобы неудача не возобновила нашей горести , которую время нѣсколько облегчило.

Тибо. Ахъ , милоспивой государь ! я уже шесть лѣтъ вашъ откупщикъ , и шесть лѣтъ могъ бы уже кончить горестъ вашу. Не могу себѣ просить того , что заспавилъ васъ такъ долго мучиться. Вѣдь я часто говаривалъ вамъ о своемъ благополучіи : для чего же вы никогда не сказали мнѣ о вашей горести ?

Г. Вервиль. Какъ было мнѣ думать , что ты можешь кончить ее ? Сверхъ того , признаюсь , старался я выбить изъ

изъ

изъ головы такія печальныя мысли. Болѣе всего боялся я воспоминашь о помѣ при женѣ. Даже и нынѣшнимъ ушромъ, когда ты хопѣлъ говоришь о своихъ дѣтяхъ, можно было тебѣ примѣшить, что я спарался перемѣнить разговоръ.

Валентинъ [*бросая въ объятія своего отца*]. О батюшка! какъ я васъ спану любишь, чтобы заплашить вамъ за всѣ ваши слезы!

Г. Вервиль [*обнявъ его*]. Не спанемъ объ эшомъ говоришь, любезной сынъ; теперь уже причина слезъ исчезла.

Тибо. Не думайте эшова, милоспивой государь. Вы спанете отъ него плакашь цѣлой свой вѣкъ, съ шою только розницею, что слезы ваши будущъ радоспныя. Вы его не знаеше. Когда увидише всѣ его хорошия свойства, то онъ будетъ вамъ еще вѣ тысячу разъ милѣе. Какъ мнѣ пріятно, что вы другъ друга доспойны!

Г. Вервиль [*съ чувствительностію*]. Эшимъ обязанъ я вашимъ добрымъ наспавленіямъ, друзья мои; у васъ научился онъ любишь чесшь и добродѣтель. Я нахожу его такимъ, какимъ бы и самъ хопѣлъ воспипать его: чѣмъ же могу вамъ заплашить?

Тибо. Намъ заплашить? О! мы уже давно квишь. Валентинъ самъ заплашилъ

намъ. День и ночь онъ для насъ работалъ. Не уже ли вы думаете, что безъ его трудовъ поля наши могли бы быть такъ удобрены?

Г. Вервиль. И такъ вы много шеряете, лишаясь его вспоможения?

Маргар. Ахъ! мы болѣе всего будемъ сожалѣть о томъ, что лишимся удовольствія жить съ нимъ вмѣстѣ.

Валентинъ. Нѣтъ, батюшка, я долженъ вамъ сказать правду, потому что они покаянъ это опъ васъ, боясь вашего великодушія. Я имъ одолженъ всѣмъ за тѣ попеченія, которыя имѣли они обо мнѣ въ моемъ малолѣтствѣ, и потому мнѣ надлежало на нихъ работать. Но какъ они ни трудолюбивы, а руки мои были имъ нужны. Когда они лишаются моей помощи, то мнѣ должно награждать ихъ за то. На это есть только одно средство. Я надѣюсь, что вы въ шеперешней радостной часъ исполните первую мою прозбу — не правда ли, батюшка?

Г. Вервиль. Конечно, другъ мой; проси, требуй. Нѣтъ ничего такого, въ чемъ бы я тебѣ отказать могъ.

Валентинъ. Ну такъ я васъ прошу отдать имъ вовсе тѣ поля, коихъ не могу уже для нихъ обрабатывать.

Тибо.

Тибо [*съ жаромъ*]. Что ты говоришь, Валентинъ?

Г. Вервиль. Онъ говоритъ то, что радустъ мою душу, доказывая благодарность его. Другъ мой! теперь я увѣренъ, что скоро буду совершенно любимъ тобою, видя, какъ ты чувствителенъ къ той любви, которую имѣли къ тебѣ эти честные люди. Тибо! прими этошъ опкупъ въ подарокъ изъ рукъ нашего общаго сына. Я не хочу опнять у него щова удовольствія. За жену же и за себя опдаю тебѣ въ прибавокъ Жервееву землю.

Тибо. Постойте, милоспивой государь, постойте! Не обременяйте насъ болѣе. Какъ мы можемъ все это заслужить? Развѣ вы хотите сдѣлать насъ неблагодарными противъ нашей воли?

Г. Вервиль. Конечно ты будешь неблагодаренъ, естли лишишь меня удовольствія заплашишь тебѣ за твою услугу. Развѣ сынъ не въ тысячу разъ дороже того, что я опдаю тебѣ? Скажи, опдалъ ли бы ты своего сына за эту цѣну?

Тибо. Вы умѣете опнимать у меня языкъ; и такъ дѣлайте, что хотите. Грѣшно бы было намъ пропивиться вашимъ милосшямъ. [*Оборачивается къ Маргаритѣ*]

гаритъ.] Жена! нынѣшнимъ упромъ были мы не въ соспоянїи заплашишь и половину долгу своего, а шеперь по горло въ золотѣ. О дѣши! я могу умереть спокойно, оставляя васъ въ хорошемъ соспоянїи! А хопя я и лишаюсь себя, Валеншинъ, одкакожь радуюсь шѣмъ, что шы имѣешь достойнаго опца. Я право боюсь, чшобы не сойти сѣ ума отъ шакой радости.

Г. Вевиль. Ну, Тибо, надобно выпить рюмку вина, чшобы эпова не случилось.

Тибо. Хорошїй совѣштъ; я конечно ему послѣдую. [*Наливъ всѣ рюмки, встаетъ, скидаетъ шляпу, и машитъ ею кругомъ головы.*] Ну жена! ну дѣши! [*Видя, что Жоржъ, Луизона и Жанета не смѣютъ приняться за рюмки.*] Ну же, говорю вамъ, выпьемъ шеперь все до дна въ знакъ благодарности. Да, да, Маргарита! какъ шы ни мигай, а онѣ выпьютъ.

Маргар. Да я боюсь, другъ мой —

Тибо. Тѣмъ лучше, жена. Я хочу, чшобы у нихъ въ головѣ была булавка; отъ эпова онѣ лучше спанутъ помнишь нынѣшнїй день. Пусть ихъ пьютъ за здоровье нашего благодѣтеля. Когда онѣ послѣ подумаютъ обо всемъ шомъ, чшо онѣ

онѢ для нихѢ сдѣлалѢ, шо за каждую каплю вина прольюшѢ тысячу капель слезѢ благодарности и чувствительности. Простите, милостивой государь; онѢ еще не вѢ такихѢ лѣшкахѢ, чшобы чувствовать всю цѣну вашихѢ благодѣяній. Дайте шолько имѢ выростѢ. Они и дѣти ихѢ будутѢ вамѢ во всю жизнь благодарны.

ВалентинѢ. Я могу опвѣчать за нихѢ; мнѢ извѣсны ихѢ добрыя сердца. Любезныя сестры! милой братѢ! никогда не забуду я вашей ко мнѢ дружбы. [*Обнимаетъ ихѢ.*] Вы мнѢ дозволите, башюшка, ежедневно удѣлять по немногу опѢ своихѢ удовольствій, чшобы со временемѢ устроишѢ ихѢ благосостояніе.

Г. Вервиль. Постой, ВалентинѢ, не опнимай у меня права моего. Я недавно обѣщалѢ приготоовить ЖанетѢ приданое.

ВалентинѢ. ТакѢ я оставляю себѢ Жоржа и Луизону. Хорошо ли, машюшка? [*Маргарита жметъ его руку, и отѣчаетъ однѣмъ слезами.*] Вѣдь и ты на это согласишься, башюшка? [*Оборотаѣ къ Тибо.*]

Тибо. КакѢ можно мнѢ опнять у тебя шакое удовольствіе? Я соглашаюсь на это

это и для себя и для тебя. Однакожь мнѣ надобно сдѣлать уговоръ съ господиномъ.

Г. Вербиль. Посмотримъ, что такое.

Тибо. Вы часто мнѣ говаривали, что вамъ и супругъ вашей хочется имѣть загородной домъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, гдѣ бы можно было препроводить лучшее время въ году. Здѣсь продается поле. Вы можете его купить и построить на немъ маленькой домикъ. Такимъ образомъ мы спанемъ съ вами жить почти половину года. Я бьюсь объ закладъ, что Валентину будетъ скучно жить безпрестанно въ городъ какъ въ шюрмъ.

Г. Вербиль. Что на это скажешь, любезной сынъ?

Валентинъ. Я буду этому очень радъ, привыкнувъ уже къ деревенскому воздуху.

Г. Вербиль [сѣ усмѣшкою] Хорошо. Видишь, Тибо, что я скорѣе на твои прозбы соглашаюсь, нежели ты на мои.

Тибо. Великая розница. Однакожь я еще не все сказалъ. Эта земля такъ велика, что можно шупъ разсадить и прекрасной садъ. Вы на меня глядите, милочка

Милосливой государь: о! вы еще не знаете всего, что можешь сдѣлать Тибо. Я бывалъ нѣкогда садовникомъ, да и теперь еще не забылъ своего ремесла. Однимъ словомъ, я берусь вамъ сдѣлать шакой паршеръ, что издалека будущъ прїѣзжашь смотрѣть его какъ чудо.

Жоржъ. А я берусь копать каналы и ровики, дѣлать шеррасы и садишь въ вашихъ аляхъ деревья.

Маргар. А я съ дочерью буду дѣлать гряды, и садишь цвѣшы.

Жанета. Мы пересадимъ сюда самые лучшіе изъ нашего саду.

Луизона [прыгая.] О! когда-то начнемъ работать!

Г. Вервиль. Что вы говорите, друзья мои? По этому мнѣ надобно будетъ вмѣсто васъ пахать, когда вы станете заниматься моимъ паршеромъ?

Тибо. Я зналъ, что вы станете мнѣ прошиворѣчить. Послушайте: мы будемъ ошъ эшова проворнѣе въ работѣ. Къ тому же въ самое лучшее время садовой работы нечего бывастъ дѣлать въ полѣ. Хотя Валеншинъ спалъ теперь и господиномъ,

номъ, однакожь я надѣюсь, что онъ намъ поможетъ. Руки его уже привыкли обходиться съ засупомъ; а работа для васъ будетъ ему очень пріятно. Оставьте это намъ. Всякой спанетъ отъ добраго сердца прудиться; а все будетъ конечно прежде, нежели выдумать можете. — Ба! вотъ другъ мой Жерве! Что ему надобно? [*Встаетъ, бѣжитъ къ нему на встрѣчу и беретъ его за руку.*]

(*Окончаніе сообщено будетъ въ слѣдующемъ листѣ.*)

ЧЕСТНОЙ ОТКУПЩИКЪ.

Окончаніе.

Я В Л Е Н І Е · XII.

Г. Вerville, Валентинъ, Тибо, Маргарита, Жерве, Жоржъ, Жанета и Луизона.

Жерве. Я пришелъ спросить у тебя, Тибо, доволенъ ли ты своими коровами?

Тибо. Любезной сосѣдъ! я болѣе радъ тому, что мы остались друзьями. Твое разкаяніе умножаетъ нынѣ мою радость. Садись съ нами. Ты будешь сидѣть вмѣстѣ съ самымъ лучшимъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Жерве [подойдя ближе.] Что я вижу? Господинъ здѣсь!

Г. Вerville [съ улыбкою.] Нѣтъ, Жерве, не я уже господинъ твой, а вотъ кто [указывая на Тибо.]

Жерве. Какъ, Тибо?

Тибо. Такъ, мой другъ. Однакожь мы все будемъ такъ же коропко другъ съ другомъ обходиться, какъ и прежде, хотя я и очень разбогатѣлъ.

Жерве. Я ничего не разумѣю.

Тибо. Вѣрю; эшобы хоть кому показалось непоняшно. Въ жизни не найдешь

вѣ другой разѣ такого человѣка, какѣ эшопѣ господинѣ. Вотѣ вѣ чемѣ состоишѣ все дѣло: я по его милости спалѣ пеперь господиномѣ шой земли, кошорую мы сѣ шобю нанимали.

Г. Вервиль. Я ему ошдалѣ ее вѣ вѣч-ное и попомшвенное владѣніе.

Жервей. Ну, Тибо, я тебя поздрав-ляю ошѣ всего моего сердца, и никакѣ шебѣ не завидую. Надѣюсь, что ты шакже будешѣ ко мнѣ добрѣ, какѣ былѣ Господинѣ Вервиль.

Тибо. А, мой другѣ! какѣ я шасшливѣ, что могу наградишѣ тебя за давишнее швое признаніе! Чшо бы ты выигралѣ, ешшли бы послѣдовалѣ совѣшу злова чело-вѣка? За двѣ коровенки потерялѣ бы ты добраго друга. Мое богатштво уморило бы шебя сѣ досады. Видя, что швоя на-емная земля ошдана мнѣ, всегда бы спалѣ ты бояшся, чшобы я вѣ ошмщеніе не согналѣ шебя сѣ нее. Эша мысль напо-нила бы швою жизнь горестію. Вмѣсто шого ты пеперь покоенѣ и находишѣ во мнѣ друга. Я сѣ величайшимѣ удоволь-швіемѣ буду служишѣ шебѣ. Возьми назадѣ коровѣ своихѣ, и за два года не беру сѣ шебя ошкупныхѣ денегѣ. [*Жерве вѣ удив-леніи*

Ленін не можетъ выговорить ни одного слова, устремивъ на него глаза и разинувъ ротъ.]

Г. Вервиль. Я думалъ, Тибо, что нельзя уже болѣе имѣшь удовольствія, какъ дѣлая себѣ добро; но теперь, видя, какъ ты добромъ пользуешься, чувствую еще въ тысячу разъ болѣе радости.

Тибо. Худо бы было, милосливой государь, естли бы мы только пользовались вашими милостями, а не слѣдовали бы вашему примѣру. Вы сдѣлали, что я могу одолжить моего сосѣда: и пакъ васъ благодарю за это удовольствіе.

Жерве [очувствуясь и бросаєсь къ нему на шею.] Другъ мой! чѣмъ я могу заслужить твою дружбу? Для меня всего гореснѣе то, что не могу себѣ возблагодарить.

Тибо. что ты говоришь, Жерве? Сохрани меня Боже, чтобы я когда нибудь дѣлалъ добро для награды! Добродѣшель сама собою награждается.

Жерве. Богъ благословитъ тебя въ твоей женѣ, дѣтяхъ и во всѣхъ твоихъ предпріятіяхъ; а я всегда буду думать о себѣ съ радостными слезами. Даже и теперь желаю себѣ болѣе благополучія, нежели самому себѣ. Только мнѣ завидно,

что ты имѣлъ честь обѣдать съ господиномъ Вервилемъ. Послушай: у меня есть молодой ягненокъ, котораго я хотѣлъ было продать. Теперь мнѣ хочется, чтобы мы сѣбли его вмѣстѣ въ знакъ возобновленія нашей дружбы. Удобно, чтобы господинъ и ты съ женою и сѣдѣтьми завтра у меня опобѣдали.

Тибо. Это, кажется, не худо вздумано, милосливой государь. Какъ вамъ кажется?

Г. Вервиль. Нынѣшній день я ничего не отказываю.

Тибо. И я. Да послушай, сосѣдъ: надобно прибавить еще одинъ приборъ — для вашей супруги, милосливой государь. Праздникъ безъ нее будетъ не совсѣмъ веселъ. Ей надобно шумѣ же быть, и тогда-то я поручусь, что всѣ Короли и Королевы на свѣтѣ веселѣ: нашего не обѣдывали. Жерве! нынѣшній день очень удивителенъ. Мы съ Маргарисою должны теперь ѣхать въ городъ; а завтра расскажем тебѣ такія чудеса, что ты отъ удивленія словъ не същешь; и тогда еще яснѣе увидишь, что добродѣтель, непоколебимая въ несчастіи, получаетъ всегда награжденіе.

К О Н Е Ц Ъ.

СТАТЬИ

изъ

Contemplation de la Nature,

Боннетова сочиненія.

*Человѣкъ, разсматриваемой какъ существо
тѣлесное.*

Наверху лѣзпвицы нашего шара поставленъ человѣкъ, совершеннѣйшее дѣло въ земномъ твореніи.

Разсматриватели дѣла Всемогущаго! ваше удивленіе изпощается, в гда вы взираете на сіе чудесное твореніе. Будучи поражены благородствомъ сего предмета, желали бы вы живо изъяснить все его красоты; но слабая кисть ваша не соотвѣтствуетъ живости вашихъ представлений.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно съ силою выразить сіи удивительныя соразмѣрности; сію благородную и величавую осанку; сіи черты, исполненныя силы и величія; сію голову, украшенную прекрасными волосами; сіе отверзшее и возвышенное чело; сіи живыя и проницающія глаза, служащія велерѣчивыми полков-

вателями душевныхъ чувствованій; сіи уста, пресполъ улыбки, органъ слова; сіи уши, коихъ чрезвычайная нѣжность чувствуешь самамалѣйшее различіе тоновъ; сіи руки, драгоценныя орудія, неизчерпаемой изсточникъ новыхъ произведеній; сію открытую и пріятно возвышенную грудь; сей прекрасной и гибкой станъ; сіи ноги, изящныя столпы, столь хорошо соотвѣпствующіе опертому на нихъ зданію; наконецъ сія стопа, база узкая и нѣжная, но чудесная по твердости и движеніямъ своимъ!

Естьли мы войдемъ попомъ во внутренность сего изящнаго зданія, то ужасное число его частей, ихъ удивительное разнообразіе, чудесной составъ, чудесная гармонія, непоспимое искусство ихъ раздѣленія, приведутъ насъ въ восхищеніе, изъ котораго выдемъ мы только для того, чтобы жаловаться на недоспащокъ силъ удивляясь такимъ чудесамъ.

Кости, по своей твердости и связи, сославляютъ основаніе или срубъ зданія; лигаменты [жесткое мясо, или матерія, связывающая составы] суть связи, которыя соединяютъ всѣ части; мускулы, шакъ какъ пружины, производятъ свое дѣйствіе; нервы, простираясь во всѣ части,

полагаютъ между ними шѣсное сообщеніе; пульсовыя и кровяныя жилы, подобныя ручьямъ, приносятъ всюду освѣженіе и жизнь; сердце, находящееся въ средоточіи, есть хранилище или главная сила, которой опредѣлено приводить въ движеніе жидкость и пищасть оную; легкое есть другая сила, привлекающая во внутренность свѣжій воздухъ и выгоняющая опшуду вредныя пары; желудокъ и разнаго рода кишки суть магазины и лабораторіи, гдѣ приуготовляются матеріи для нужныхъ замѣнъ или поправокъ; мозгъ, жилище души, довольно для сего пространенъ, (*) и убранъ по достоинству

К 4

ству

(*) Я хотѣлъ дать знать чрезъ сіе выраженіе, что мозгъ у человека по соразмѣрности гораздо болѣе, нежели у большой части животныхъ. Анапомическія сравненія представляютъ намъ въ разсужденіи сего весьма любопытныя примѣры. Я приведу здѣсь только нѣкоторые изъ оныхъ. Въ человекѣ, вѣсомъ во сто фунтовъ, мозгъ вѣситъ четыре фунта; а въ быкѣ, вѣсомъ въ восемь и девять сотъ фунтовъ, вѣситъ онъ только одинъ фунтъ. И такъ мозгъ въ человекѣ есть дванцать пятая часть

всей

ству своего хозяина; чувства, сіи проворные и вѣрные служители души, увѣдомляющѣе ее о всемъ помѣ, что ей знать нужно, и служатъ равно къ ея удовольствіямъ и по потребностямъ.

всей его массы, а въ быкѣ только осьмисотая или девятисотая. Собака, вѣсомъ въ тридцать фунтовъ, имѣетъ мозгу только не много по болѣе двухъ унцій. Въ зайцѣ мозгъ есть только двусотая часть всей его массы.

Однакожь въ семъ есть замѣчательныя исключенія. Дельфинъ по соразмѣрности имѣетъ, кажется, столько же мозгу, какъ и человѣкъ; а у морскихъ тюленей или фоковъ нашли его еще и болѣе по соразмѣрности всей массы. Мы выше сего видѣли, что мозгъ у гусеницы не есть и пятидесятая часть головы.

Разумныя человѣческія дѣйствія по видимому требовали, чтобы его мозгъ могъ пропускать большее количество сего драгоценнаго соку, отъ котораго зависятъ душевныя дѣйствія. Изъ сего бы почти можно было заключить то, что животныя, которыя по своему разуму наиболѣе приближаются къ человѣку, должны имѣть и мозгу болѣе другихъ.

человѣкъ одаренной разумомъ, упражняющійся въ наукахъ и художествахъ.

Но посвящимъ разсмотрѣть человѣка какъ существо разумное.

Человѣкъ одаренъ разумомъ; онъ имѣетъ идеи; сравниваетъ сіи идеи, судитъ о ихъ согласіяхъ или противоположностяхъ, и дѣйствуетъ по сему разсужденію.

Только онъ одинъ между всѣми животными пользуется даромъ слова; облекаетъ свои понятія въ термины или въ произвольные знаки, и чрезъ сіе удивительное преимущество производитъ между ими связь, которая изъ воображенія и памяти дѣлаетъ неоцѣненное сокровище познаній. Чрезъ сіе человѣкъ сообщаетъ свои мысли, и возвышаетъ свои способности; чрезъ сіе онъ достигаетъ до всѣхъ художествъ и до всѣхъ наукъ; чрезъ сіе вся Натура покорена ему (*).

К 5

Иногда

(*) Если бы Психологія и не доказывала, что человѣкъ единственно способности слова обязанъ своимъ преимуществомъ передъ прочими животными, то глухіе и нѣмые отъ рожденія, и младенцы,

Иногда твердымъ и гармоническимъ гласомъ воспѣваетъ онъ въ Поэмѣ добродѣтели Героя. Иногда кистію своею перемѣняетъ простое полотно въ прекрасную перспективу. Иногда, имѣя въ рукахъ ножницы или долото, оживотворяетъ мраморъ, и вливаетъ дыханіе въ мешаллѣ. Иногда, взявъ опѣвѣсъ и наугольникъ, сооружаетъ великолѣпное зданіе. Иногда, помощью микроскопа, которой самъ онъ изобрѣлъ, ищетъ новыхъ міровъ въ невидимыхъ атомахъ, или проникаетъ въ

сокро-

денцы, найденные въ лѣсахъ, все бы не позволяли въ томъ сомнѣваться. Извѣстно бѣдное состояніе первыхъ; а по вѣствованія, чипаемыя о послѣднихъ, кажется болѣе принадлежатъ къ исторіи *Оранг - Утанга*, или подлиннаго лѣснаго человѣка, нежели къ исторіи разумнаго существа. Видѣли даже такихъ младенцевъ, которыхъ *Натура* возпитала въ лѣсахъ. Они были споль унижены, и даже споль скошоподобны, что ихъ никакъ не можно было выучить говорить. И такъ сіи несчастные человѣки оспались на равнѣ съ *Оранг - Утангомъ* — доказательство, что воспитаніе рѣшишь все въ жизни человѣческой!

сокровенное дѣйствіе какого либо органа. Иногда, сдѣлавъ изъ сего микроскопа шеле-скопъ, возносится въ самыя небеса, и разсматриваетъ Сатурна и его луны. Возвращаясь въ жилище свое, предписы-ваетъ законы тѣламъ небеснымъ, назна-чаетъ ихъ путь, мѣряетъ землю, вѣ-ситъ солнце. Потомъ, направляя свой путь къ высочайшимъ спранамъ Меша-Физики, изыскиваетъ нашуру существъ, разсматриваетъ ихъ отношенія и чуде-сную гармонию, отъ шого производящую; и въся ихъ разныя совершенства, ви-дитъ составляющуюся огромную цѣпь, которая всѣхъ ихъ объемлетъ. Иногда — хотя не шакъ славно, однакожь не менѣе уваженія достойно — человекъ занимается художествами, которыя снабжаютъ его нужнымъ, или увеличиваютъ его удоб-ности. Разумъ его ко всему способенъ. Земля, имъ обрабатываемая, приноситъ всякой день новые плоды. Конопель и ленъ выходятъ изъ своей оболочки, что-бы доставить ему одежду. Овца опдаетъ ему свое богатое руно, а шелковой червь прядетъ для него свои драгоцѣнныя ни-ти. Послушной металлъ образуется въ его рукахъ. Камень размягчается въ его пальцахъ, и крѣпчайшія дерева упада-ютъ

ютъ къ ногамъ его, и новое бытіе получаютъ. Всѣ животныя покорены его законамъ, и самыя свирѣпѣйшія не могутъ безъ наказанія возстать противъ его короны. Однихъ употребляетъ для себя въ пищу, другихъ запрягаетъ въ свою колесницу, а иныхъ осуждаетъ орать свои поля. Нѣкоторыхъ дѣлаетъ своими носильщиками, своими ловцами, стражами, музыкантами. Наконецъ человекъ пролагаетъ себѣ смѣлой пушью чрезъ пространной океанъ, и чрезъ мореплаваніе соединяетъ оба конца земли.

Человѣкъ въ обществѣ.

Изначность человеческого разума является съ новымъ блескомъ въ учрежденіи обществъ или шлѣвъ политическихъ.

Тамъ добродѣтель, честь, страхъ и польза, разнымъ образомъ раздѣленные, или соединенныя, дѣлаются источникомъ мира, благополучія и порядка. Всѣ члены, другъ съ другомъ связанныя, движутся правильно и гармонически. Подъ сѣнію законовъ Король, Князь, судья, пользующаяся

зуются своею праведною властію, ободряютъ добродѣшель, обуздываютъ пороки и разпространяютъ повсюду щастливья вліянія своего правленія. Въ обществѣ, подобно какъ въ чистомъ и плодотворномъ климатѣ, зараждаются и разпускаются разныхъ родовъ дарованія. Тамъ процвѣтаютъ механическія и свободныя искусства. Тамъ рождаются Поэты, Орапоры, Историки, Медики, Философы, Юриспы, Теологи. Тамъ образуются сіи великодушныя сердца, сіи храбрыя войны, сіи великіе полководцы, крѣпчайшая подпора государства. Тамъ наконецъ доходитъ до совершенства дружба, вѣрная подруга жизни, утѣшеніе въ нашихъ бѣдствіяхъ и услажденіе нашихъ забавъ.

Человѣкъ въ общеніи съ Богомъ черезъ Религію.

Послѣдній знакъ величества человѣка и его высокаго преимущества передъ животными есть общеніе, которое имѣетъ онъ черезъ Религію съ своимъ Создателемъ.

Животныя, окруженныя густѣйшею тьмою, не знаютъ Руки, ихъ сотворившей.

шей. Онъ наслаждающа бытіемъ, но не могущъ познать Творца жизни. Одинъ человекъ возносится къ сему Божественному Началу, повергается предъ престоломъ Вышняго и съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія и живѣйшей благодарности чтитъ неизреченную Благость, его создавшую. По многимъ высокимъ способностямъ, которыми человекъ обогащенъ, Богъ благоволитъ ошарываться ему и веси его, какъ бы за руку, по пушамъ щастія. Разные законы, полученные имъ отъ вышней Премудрости, суть великіе свѣщильники, возженные въ разныхъ мѣстахъ на пуши, ведущемъ его отъ времени къ вѣчности.

Бывъ освѣщаемъ симъ Небеснымъ Свѣтомъ, человекъ шествуетъ по отвѣрзтому для него пуши славы, и се беретъ уже вѣнецъ жизни, и возлагаетъ его на безсмертное чело свое!

Постепенности челоѳчества.

Таковъ челоѳкъ вѣ самой вышней степени земнаго совершенства. Когда разсматриваешь его съ сей стороны, то онѣ является столь возвышенѣ надѣ всѣми живошными, что лѣзтвица нашего шара имѣетѣ здѣсь, кажется, великой промежутокѣ. Но шествие Натуры вездѣ одинаково, и челоѳчество имѣетѣ также свои постепенности, какѣ и всѣ произведенія нашего шара. Между совершеннѣйшимѣ челоѳкомѣ и обезьяною, находится весьма великое число промежуточныхъ колецѣ.

Обойди всѣ народы земные (*); разсмотри жителей одного государства, одной

(*) Мнѣ шотчасѣ было пришло на мысль начертать здѣсь *разнообразія* челоѳческаго рода; но онѣ шакѣ многочисленны, что могли бы одиѣ подать машерию на большой шомѣ. Прошу моего читателя обозрѣть любопытную картину оныхѣ вѣ швореніи Живописца Натуры. Тамѣ не безѣ удивленія увидишь онѣ великія перемѣны, или, можно сказать, странныя превращенія, производимыя вѣ семѣ главномѣ родѣ все-

одной провинціи, одного города, одного мѣстечка — что я говорю! — посмотри на членовъ одного семейства, и тебѣ покажется, что каждой человѣкѣ составляетъ особый родъ.

(Продолженіе будетъ впредь).

гда дѣйствующею силою климата; въ родѣ, которой только одинъ не привязанъ ни къ какому особливому климату; которой живетъ, расцветъ и ялодится отъ ледяныхъ земель Полюсовъ до огненныхъ климатовъ Торриды; которой, бывъ разнообразанъ и опшѣненъ до безконечности, представляетъ вездѣ поже единство, удерживаетъ вездѣ незагладимыя чершы перваго своего произхожденія, и существенно пребываетъ пошъ же, какъ въ безобразномъ жишелѣ Гренландіи или береговъ Каспійскаго моря, такъ и въ Формозскомъ жишелѣ съ хвостомъ или въ ночномъ обиташелѣ Дарин.

Сшашьи изъ Contemplation de la Nature,

Продолженіе.

Послѣ Лапландскаго карлы (*) по-
смотри на великана земель Магеллан-
Часть XIX. No. 38. Л скихъ

(*) „Слишкомъ уже умалили ростъ Лапландцовъ. Понеже дѣши у сего нещастнаго народа, споль униженнаго жестокостію климата, обезображены и сморщиваются съ самыхъ первыхъ лѣтъ, имѣя видъ маленькихъ шариковъ; по жадные къ чудесамъ путешественники сказали, что всѣ Лапландцы бывають ростомъ отъ двухъ до трехъ футовъ. Но путешественникъ другаго класса, котораго важное астрономическое предпріятіе привело къ сѣверному полюсу, открылъ намъ, что карлы съ большою головою, съ полстымъ корпусомъ, съ широкимъ и плоскимъ лицомъ, съ приплюснутымъ носомъ и пронзительнымъ голосомъ, которые живутъ въ сей ледяной странѣ, по большой части ростомъ бывають около четырехъ футовъ. Но въ той же зонѣ есть роды меньшаго росту, наприм. Борандійцы. „

скихъ (*). Послѣ плосколицаго, чернаго и кудряваго Африканца взгляни на Европейца,

„Я боюсь говорить здѣсь о Квимахъ, жишеляхъ высокихъ горъ Мадагаскарскихъ, кошорые, говоряшъ, составляютъ народъ совершенныхъ Пигмеевъ, весьма смѣлыхъ, довольно соразмѣрныхъ по ихъ малому стану, но у кошорыхъ руки безмѣрно долги; ибо все то, что объ нихъ повѣствуютъ, не совершенно утверждено. Если вѣрить повѣствованіямъ ихъ сосѣдей, то они должны быть менѣ Лапландцовъ, и ростомъ не болѣе прехъ фушовъ.“

„Есть другой народъ Пигмеевъ, кошорые еще менѣ Квимовъ, и кошорыхъ существованіе также не утверждено. Я говорю о карлахъ Тукуманскихъ горъ въ Южной Америкѣ. Гишпанцы говоряшъ, что они ростомъ бываюшъ только въ шрицаши одинъ дюймъ.“

- (•) „Разумѣется, что я говорю о Папаго-нахъ, въ величинѣ кошорыхъ путешественники часто не согласны между собою. Ростъ ихъ столько же увеличили, сколько умалили росшъ Лапландцовъ. Нѣкоторыя повѣствуютъ, что величина ихъ простирается до двенадцати и тринашцаши фушовъ; но самыя новѣйшія про-

ца, котораго правильныя черты еще болѣе украшаются бѣлизною его цвѣта и красотою волосъ его. Нечистоплодности Гошпеншовъ прошивупоставь чистоплодность Голландцовъ (*). Отъ же-

Л 2

спо-

просвѣщеннѣйше путешественники пишутъ, что они бывають росломъ только отъ шести до семи фузовъ. По соразмѣрности они толсты, довольно сшашны; а лице ихъ хотя немного и плоско, однакожь черты имѣють довольно правильныя.,

- (*) „Сколь Гошпеншовъ безобразенъ, столь онъ и гадокъ. Голова его покрыва цешинистыми волосами, или курчавою шерстью, а лице длинною бородою; два волосяные полумѣсяца, еще гораздо грубѣйше своею шириною и толстотою, закрываютъ лобъ и лишаютъ его всякаго величественнаго характера, и не только зашѣмляютъ шѣню глаза, но еще углубляютъ и округляютъ ихъ, подобно глазамъ звѣринымъ; губы толсты и выпуклы; носъ плоскъ; взглядъ глупъ, или дикъ; уши и все шѣло въ шерсти; кожа такъ жеска и черна, какъ опоекъ; ноги длинны, полсты и кривы; подошва такъ груба, какъ копыто; груди у женщинъ длинны и мягки; кожа отъ брю-

спокаго людодѣда перейди поскорѣе къ
человѣколюбивому Французу. Поставь
глупаго Гурона противъ глубокомыслен-
наго Англичанина. Возходи отъ Шот-
ландскаго крестьянина до Ньютона. Сой-
ди отъ гармоніи музыканта Рамо къ
сельскимъ пѣснямъ паспуховѣ. Положи
на вѣсы слесаря, дѣлающаго вершело, съ
Вокансономъ, творящимъ свои Автомашы.
Перещитай, сколько степеней находишь
между кузнецомъ, заставляющимъ сто-
нашь наковальню, и Реомюромъ, анато-
мирующимъ желѣзо.

Всѣ сіи разнообразія, которыя насъ
удивляютъ въ разумномъ совершенствѣ
человѣка, зависятъ ли частію отъ су-
щественнаго различія, которое находи-
ся между человѣческими душами, неза-
виси-

брюха виситъ до самыхъ колѣнъ; дѣти
валяются въ навозѣ и ползаютъ на чеп-
веренькахъ; отецъ и мать, сидя на пя-
тахъ, имѣютъ видъ самый гнусный, и
всѣ вымараны вонючимъ жиромъ. И
се начертаніе дикаго Гошпеншоша есть
еще льстивой поршреть.»,

Читатель мой конечно узнаетъ жи-
вописца, который начерталъ сей пор-
шреть.

висимо отъ того, которое можетъ произвести организація?

Мы не спанемъ такъ думать, если будемъ имѣть болѣе вниманія къ силѣ здравія и болѣзни, температура, рода жизни, климата, воспитанія, и проч. Какое множество слѣдствій выводитъ математикъ изъ одного самаго простаго правила! Опдай самое сіе правило въ руки простолюдима: оно останется безплодно и не родитъ ни малѣйшей истины.

Число справедливыхъ слѣдствій, выводимыхъ разными умами изъ одного правила, не могло ли бы служить основаніемъ къ составленію *Психометра*, или *душмѣра*? и не можно ли чаять, что нѣкогда будутъ также измѣрять духъ, какъ нынѣ измѣряютъ тѣла? (*).

(*) „Читая съ примѣчаніемъ творенія великихъ умовъ, говоритъ человекъ принадлежащій къ числу оныхъ, найдемъ, что оныя суть ничто иное, какъ аппликація [отношеніе] одного или двухъ весьма пространныхъ правилъ [принципій], разпространеніе, или объясненіе одной

Разныя соотношенія земныхъ существъ.

Предварительное разсужденіе.

Мы уже видѣли, что во вселенной все находится въ соразмѣрности или въ соотношеніи; но сію великую истину разсмащривали мы только въ опдаленіи. Теперь можемъ къ ней приблизиться и устремить вниманіе наше на самыя важнѣйшія подробности.

Не станемъ смощрѣть на сію величественную гармонию, кощорая, возвѣшивая созвѣздія созвѣздіями, одушевляетъ небеса.

Ощавимъ сокровенныя дѣйствія тяжести, законы ударенія тѣлъ и разныя силы, разсѣянныя во вселенной.

Разсмотримъ соотношенія, кощорыхъ дѣйствія связующся съ понятіями болѣе извѣстными, или менѣе смѣшенными.

Сос-

одной или двухъ великихъ идей, изобрѣщенныхъ сими людьми, кощорые чувствовали всю ихъ обширность, такъ, какъ вообще почти всѣ машины одного механика, сколь бы онѣ ни казались разнообразны, имѣютъ одно основаніе.

*Соединеніе душъ съ тѣлами организо-
ванными.*

Сіе соединеніе есть изсточникъ плодотворнѣйшей и чудеснѣйшей гармоніи, находящейся въ Нашурѣ.

Сущность безъ проптяженія, безъ твердости, безъ образа, соединена съ сущностію проптяженною, твердою, образованною. Сущность мыслящая, и заключающая въ себѣ начало дѣйствія, соединена съ сущностію немыслящею, которая по своему естеству не влечется ни къ движенію, ни къ покою. Отъ сего удивительнаго соединенія происходитъ между двумя сущностями взаимное сообщеніе, родъ дѣйствія и оидѣйствія, которая есть жизнь существъ организованныхъ и одушевленныхъ.

Нервы, разнымъ образомъ потрясаясь отъ предметовъ, сообщаютъ свои потрясенія мозгу; а по симъ впечатлѣніямъ производятъ въ душѣ представленія и ощущенія, совершенно отличныя отъ причины, которая, кажется, ихъ производитъ.

Представленія и ощущенія.

Оныя имѣютъ одинакое происхожденіе, а различающся только степенію потрясенія. Лучи, выходящіе изъ предмета, прогаютъ мою опшическую нерву; я получаю *представленіе* (perception), которое увѣдомляетъ меня о присутствіи предмета. Они потрясаютъ весьма сильно сію нерву, у меня дѣлается *ощущеніе* (sensation), которое я изъясняю словомъ, *боль или неудовольствіе*.

Разность чувствъ, чрезъ которыя душа получаетъ впечатлѣнія отъ предметовъ, производитъ въ ея представленія и ощущенія подобную разность.

Чувствованія (sentimens), причиняемыя потрясеніемъ нервъ зрѣнія, совершенно отличаются отъ тѣхъ, которыя производитъ потрясеніе нервъ слуха. Чувствованіе осязанія не имѣетъ никакого сходства съ чувствованіемъ вкуса. Онѣ суть разныя измѣненія (modifications) души, которыя соотвѣтствуютъ разнымъ свойствамъ предметовъ.

Но какъ нервы, которыя кажутся способны только къ большей или меньшей толстошѣ, къ большей или меньшей долгошѣ, къ большому или меньшему
соста-

составленію, къ большей или меньшей чувствительности, къ скорѣйшимъ или медленнѣйшимъ потрясеніямъ — какъ могутъ нервы причинять въ душѣ такое великое разнообразіе въ представленіяхъ, которое мы чувствуемъ?

Есть ли такое соотношеніе между душою и машиною органическою, съ которою она соединена, чтобы нервы опредѣленной величины, опредѣленнаго сложенія и опредѣленной чувствительности, всегда отвѣщивали нѣкогда опредѣленные представленія?

Находятся ли въ каждомъ чувствѣ нервы, точно приаровленные къ разнымъ частицамъ, ко впечатлѣнію коихъ привязаны разные представленія? Пирамидальная форма *бородавожскъ* (*papilles*) вкуса и осязанія, кривыя опверзстія уха, и разная преломимость (*refrangibilité*) лучей свѣта суть ли доказательства истины сего чаянія?

Какъ бы то ни было, но всякой понять можешь, что одна чувствительная фибра не способна въ одно время принять множества разныхъ впечатлѣній; но сей фибрѣ опредѣлено не только передавать душѣ впечатлѣніе предметовъ, но она должна еще и возбуждать въ ней

возпоминаніе оныхъ; ибо тысячи случаевъ доказываютъ, что память основывается на мозгѣ: какъ же понять, что одна фибра удерживаетъ вдругъ множество разныхъ наспроеній (determinations)?

Любопытство наше простирается далѣе: какъ двѣ сущности, столь различныя, какъ душа и шѣло, могутъ взаимно дѣйствовать одна на другую?

При семъ вопросѣ пошупимъ смиренно глаза свои и признаемъ, что сіе есть одно изъ величайшихъ таинствъ творенія, котораго намъ не дано знать. Разныя покушенія глубокомысленнѣйшихъ Философовъ разныхъ временъ, предпринимавшихъ изъяснить сіе, суть памятники силы и слабости человѣческаго разума.

Страсти.

Душа, различно програемая сильнѣйшими или слабѣйшими впечатлѣніями, и сама опять дѣйствуетъ на нервы, удерживаетъ потрясенія въ оныхъ и дѣлаетъ ихъ живѣйшими и продолжительнѣйшими.

Отъ сего родяшся спраспи, сіи сильныя движенія, сіи дѣятельныя склонности, сіи шайныя спремленія, сіи безпокойныя вожделѣнія, сіи гнѣбушія желанія, которыя разрушають равновѣсіе души и влекутъ ее къ нѣкоторымъ предметамъ.

Чудесныя орудія, приводимыя въ дѣйствіе премудрымъ Творцомъ Натуры, щасливыя спраспи, вы, которыя, подобно благошворнымъ вѣтрамъ, носите одушевленные машины по Океану чувствительныхъ предметовъ; вы, соединяя роды, сохраняете порядокъ тварей; вы чрезъ шайныя связи привязываете отцовъ и матерей къ дѣтямъ, дѣшей къ отцамъ и матерямъ; вы возбуждаете къ трудолюбію живошныхъ и самага челошѣка; однимъ словомъ, вы душа чувствующаго міра!

Сильныя спраспи, ужасныя разрушительныя орканы! вы причиняете шѣ бури, которыя пошопляють души; вы изшребляете части; хошя сохранишь цѣлыя роды; вы вооружаете отцовъ противъ дѣшей, дѣшей противъ отцовъ; вы превращаете прилѣжность въ хищность, въ свирѣпость, въ разбой; однимъ

нимъ словомъ, вы опровергаете міръ чувствующій!

Оздѣйствіе души на нервы, кажется, есть еще главный источникъ различныхъ чувствованій нашихъ, изъ которыхъ многія составляютъ то, что называютъ *естественнымъ побужденіемъ* (instinct), или *нравственнымъ чувствомъ*.

Если нѣкоторыя сплетенія нервъ потрясаются чрезъ впечатлѣніе такихъ предметовъ, которые могутъ возбуждать жалость, ужасъ, или какое другое чувствованіе; то не возможно ли душѣ, при видѣ, или при одномъ помышленіи о сихъ предметахъ, пронуть точно тѣ же сплетенія, или тѣ же связки нервъ, и такимъ образомъ превратить представленіе въ чувствованіе, или сдѣлать сильнѣе и продолжительнѣе? Тѣ, которые видятъ мучительную операцію, въ воображеніи чувствуютъ нѣчто подобное боли страждущаго, не утверждаютъ ли сего чаянія? а сновидѣнія не подкрѣпляютъ ли онаго еще болѣе?

Темпераментъ.

Предметы прогаютъ душу не непосредственно. Она получаетъ отъ нихъ впечатлѣнія чрезъ посредниковъ. Чувства суть сіи посредники. Такимъ образомъ дѣйствіе предметовъ измѣняется по натурѣ или сложенію каждаго посредника или чувства.

И какъ сіи посредники не могутъ быть совершенно одинаковы въ разныхъ людяхъ; по выходитъ изъ сего, что разные люди не могутъ чувствовать точно одного при дѣйствіи однихъ предметовъ.

Большая или меньшая способность чувствительныхъ фибръ принимать наружныя впечатлѣнія, передавать ихъ душѣ, и возбуждать въ ней ихъ воспоминаіе, купно со свойствомъ и количествомъ соковъ, составляютъ вообще темпераментъ.

У животныхъ темпераментъ производитъ все; у человека темпераментомъ управляетъ разумъ, а благоправимый темпераментъ облегчаетъ съ своей стороны дѣйствіе разума.

Для чего тяжело управлять тѣми страстями, которыя происходятъ отъ
темпера-

темперамента? Онѣ крѣпко связаны съ машиною, а чрезъ машину съ душою.

И такъ спраси питающся, распушѣ и укрѣпляющся, такъ, какъ фибры, которыя суть ихъ столица (*).

Познавай же свой темпераментъ! Если онъ пороченъ, можешь исправить его,
одна-

(*) То, что я здѣсь говорю о спрасяхъ, не покажется увеличеннымъ тому, кто размышлялъ о устройствѣ нашего существа. Довольно ясно доказано многими случаями, что спраси имѣютъ въ плѣтъ физическое обиталище, такъ, какъ всѣ наши склонности (affections) и идеи. Сѣ обиталище есть собраніе органическихъ частей, получившихъ отъ рожденія и воспитанія особливья разположенія или настроенія, которыя сохраняютъ онѣ посредствомъ удивительнаго и тайнаго искусства ихъ состава. Силою сего искусства, котораго не можемъ постигнуть никакими разысканіями, сѣ органическія части превращаютъ въ свою массу питательные соки, сообразно съ своими настроеніями. И такъ онѣ питающся, распушѣ и укрѣпляющся, не теряя полученныхъ разположеній, или способности снова производить въ душѣ нѣкоторыя чувствованія.

однакожь не стараясь разрушить онаго; ибо отъ сего разрушилась бы сама машина; можешь исправить его, отводя искусно его стремленіе, и стараясь убѣгашь того, что могло бы придашь ему новыя силы и увеличишь сію опасную быструю рѣку.

Память и воображеніе.

Чувства, опредѣленные передавашь душѣ внѣшнія впечатлѣнія, устроены по прямымъ отношеніямъ къ образу дѣйствія разныхъ предметовъ, къ копорымъ оныя сотворены. Глазѣ имѣешь сношенія со свѣтомъ, ухо со звукомъ.

Но разныя предметы, могущіе прогашь одно чувство, дѣйствуютъ не всѣ одинакимъ образомъ; по чему должно органу, копорый получаетъ и передаетъ всѣ сіи впечатлѣнія, быть со всѣми въ сношеніи. Между лучами свѣта находится частная разность, копорую намъ прима показываешь, и копорая, кажешься, предполагаетъ подобную разность въ фибрахъ зрѣнія. Равномѣрно находится частная разность и между лучами звука (*rayons sonores*), копорая предполагаетъ и что подобное и въ органѣ слуха.

И такъ вѣроятно, что каждое чувство заключаетъ въ себѣ частно различныя фибры, которыя суть малыя особенныя чувства, дѣйствующія собственнымъ своимъ образомъ, чтобы возбуждать въ душѣ представленія, соответствующія ихъ игрѣ или движенію.

Сии столь нѣжныя орудія служатъ не только къ произведенію въ душѣ всякаго рода представленій, но возбуждаютъ въ ней и воспоминаніе оныхъ. Настоящее представленіе въ памяти существенно не отлично отъ того, которое возбуждаетъ предметъ. Сей производитъ представленіе единственно посредствомъ чувствительныхъ фибръ, которыя къ нему принаровлены, и на которыя производится его дѣйствіе. И такъ возобновленіе представленія зависитъ еще отъ движенія, которое дѣлается въ сихъ самыхъ фибрахъ независимо отъ предмета. Отъ внутреннихъ ли причинъ происходитъ въ органѣ движеніе, или отъ предмета, но дѣйствіе въ разсужденіи души бываетъ то же, и представленіе въ ней тошчасъ возбуждается.

(Продолженіе будетъ впредь).

Сшашьи изъ Contéplation de la Nature,

Продолженіе.

Опытъ доказываетъ, что естльи порядокъ какихъ нибудь представлений нѣсколько времени возбуждается въ мозгу, то онъ получаетъ чрезъ то способность паки производить сіи представленія въ такомъ же порядкѣ. Опытъ же доказываетъ, что сія способность принадлежитъ мозгу, а не душѣ. Горячка, лучъ солнца, жестокое потрясеніе можетъ оную изтребить; сіи же причины имѣютъ вліяніе только на машину (*).

Часть XIX. No. 39.

М

Всѣ

(*) Медицинскія лѣтописи наполнены сими совершенно физическими случаями, копорые ослабляли или и совсѣмъ изтребляли память. Не менѣе утверждаетъ сію истинну и то, что случаи самаго того же рода не только не ослабляли памяти, но еще придавали ей новую силу. Такииъ - то образомъ наиблагороднѣйшія спо-

Всѣ представленія происходятъ отъ чувствъ, а чувства доводятъ до столицы души впечатлѣнія, получаемыя ими отъ предметовъ.

Но предметы дѣйствуютъ на органъ единственно чрезъ гнѣшеніе. И такъ они сообщаютъ нѣкоторыя движенія чувствительнымъ фибрамъ.

По сему представленіе, или нѣкоторой рядъ оныхъ, происходитъ отъ одного или многихъ движений, которыя одно за другимъ возбуждаются въ разныхъ фибрахъ.

И понеже повтореніе одного движенія въ однѣхъ фибрахъ рождаетъ въ нихъ

способности нашего существа привязаны къ нѣкоторымъ частицамъ матеріи; но сіе нѣсколько усмирительное разсужденіе никакъ не заставляетъ истиннаго Философа сомнѣваться въ безпѣвности души: ибо онъ знаетъ, что человекъ есть существенно смѣшанная или сложная сущность, и что онъ не есть ни одна матерія, ни одинъ духъ.

нихъ привычную способность паки производить ихъ въ постоянномъ порядкѣ; то мы можемъ изъ сего заключить, что чувствительныя фибры устроены по такимъ сношеніямъ съ образомъ дѣйствія предметовъ, что они производятъ въ нихъ перемѣны или настроенія, болѣе или менѣе продолжительныя, составляющія богатую казну памяти и воображенія.

Мы не знаемъ, въ чемъ состоятъ сіи настроенія или деперминаціи; ибо механика чувствительныхъ фибръ намъ не извѣстна. Но мы знаемъ по крайней мѣрѣ то, что дѣйствіе предметовъ не переноситъ ихъ изъ одного мѣста въ другое: оно производитъ въ фибрахъ только частныя движенія. Намъ извѣстно также, что чувствительныя фибры не могутъ принимать сихъ движеній безъ того, чтобы стихіи, изъ которыхъ онѣ составлены, не располагались однѣ противъ другихъ въ нѣкоторомъ отношеніи къ произведенію движенія.

И такъ отъ составленія, отъ формы, отъ соразмѣрностей и взаимнаго

разположенія спихій производитъ способность фибръ принимать, передавать и удерживать разныя настроенія, соопвѣпствующія разнымъ впечатлѣніямъ, разному порядку потрясеній.

Но чувствительныя фибры пищаются также, какъ и всѣ прочія части пѣла: онѣ превращаютъ питательныя матеріи въ собственную свою сущность; онѣ распушъ, и питаяся и возрастая, производятъ собственные свои дѣйствія, и существенно пребываютъ тѣмъ, что суть. И такъ ихъ механика такова, что онѣ вмѣщаютъ въ себя питательныя матеріи въ прямомъ отношеніи къ своему спросу и къ своимъ полученнымъ настроеніямъ. По сему питаніе имѣетъ цѣлю сохраненіе и укорененіе въ фибрахъ сихъ настроеній; ибо, по мѣрѣ ихъ возрастанія, дѣлающа онѣ тверже — и здѣсь-то, кажется, вижу я происхожденіе привычки, сей могущественной обладательницы чувственного и разумнаго міра.

Память, сохраняя и снова являя душѣ знаки представлений, увѣряя се въ
одина-

одинаковости (identité) оныхъ съ тѣми, которыя ее уже прежде прогали, и связывая настоящія представленія съ предъидущими, производящъ личность (personnalité), и дѣлающъ изъ мозга магазинъ знаній, котораго богатство еженедѣльно увеличивается.

Воображеніе, столь превосходное въ Микель Анджохъ и Рафаеляхъ, снова представляющъ душѣ вѣрный образъ предметовъ; и изъ разныхъ картинъ, которыя оно составляетъ, дѣлается въ мозгу - кабинетъ живописей, котораго всѣ части движущаяся и соединяются съ несказанною скоростію и разнообразностію.

Такимъ образомъ разные мозги можно почестъ разными зеркалами, въ которыхъ вкратцѣ изображаются разные части вселенной. Между сими зеркалами нѣкоторыя являютъ только самое малое число предметовъ; другія объемлютъ большее пространство; иныя представляютъ почти цѣлую Натуру. Какая соразмѣрность между зеркаломъ кроша и зеркаломъ Ньютона или Лейбница! Ка-

кіе образа являюся вѣ мозгу у Гомера, Виргилія или Мильсона! Какая Механика производитъ сіи чудесныя декорации! Умѣ, копорой могѣ бы чипать вѣ Гомеровомѣ мозгу, увидѣлѣ бы тамѣ его Иліаду, представленную вѣ разнообразныхѣ играхѣ милліона фибрѣ.

Сновидѣнія.

Чувствительныя фибры, на копорыя предметы во время бдѣнія дѣйствуюшѣ, получаюшѣ отѣ того наклоненіе кѣ впечатлѣннымѣ движеніямѣ. Еслии какое нибудѣ внутреннее движеніе попрясетѣ ихѣ во время сна, онѣ поочасѣ придутѣ вѣ движеніе, и представятѣ душѣ нѣ идеи, копорыя она имѣла во время бдѣнія. Соединеніе и послѣдствіе сихѣ идей будутѣ соответствовать роду попрясенныхѣ фибрѣ, связямѣ, вѣ копорыя онѣ войдутѣ между собою, и порядку, по копорому движенія будутѣ стремиться кѣ разпространенію. Отѣ сего произойдетѣ сновидѣніе, болѣе или менѣе сложное, болѣе

болѣе или менѣе связное или продолжительное.

Для чего представленія, прогающія душу во время сна, столь живы? Для чего ощущенія снова возбуждаются тогда съ такою силою? Откуда производятъ сіи прельщающія душу мечты?

Не будемъ искать сему иной причины, кромѣ молчанія чувствъ. Во время бдѣнія чувства до нѣкоторой степени вмѣшиваются во всѣ дѣйствія души. Болѣе или менѣе ясное представленіе окружающихъ предметовъ, и представленіе отношенія ихъ настоящаго состоянія къ предвѣдущему, увѣряютъ душу въ томъ, что она бдитъ. Если сіи представленія со внѣ будутъ слабѣе, то внутреннія представленія будутъ живѣе: вниманіе бываетъ тогда не столь раздѣлено. Наконецъ, когда совсѣмъ остановится дѣйствіе чувства, происходитъ сонъ, видѣніе, возшоргъ.

Однако же не рѣдко бываетъ, что внѣшнія представленія, хотя и слабыя, связываются въ неглубокомъ снѣ со вну-

превними гораздо живѣйшими, что и производитъ во сновидѣніяхъ сіи удивительныя странности.

Понеже сны суть обыкновенно ничто иное, какъ вторичное представленіе предметовъ, копорыми мы во бдѣніи занимались, но постараемся столь хорошо устроить наше воображеніе, чпобы намъ имѣть одни, такъ сказать, разумные сны. Сіе послужитъ способомъ къ продолженію жизни нашего мыслящаго существа.

Состояніе души, оплученной отъ грубаго тѣла, не будетъ ли состояніе безпрестаннаго сновидѣнія, пріятнаго для добродѣтельныхъ, и непріятнаго для злыхъ?

Разсужденіе.

Замѣтимъ здѣсь двѣ черты Премудрости, человѣка образовавшей.

Мы вспоминаемъ ощущенія гораздо слабѣе, нежели представленія. Будучи споль чувствивительны, сколько бы успѣли мы въ представленіяхъ, изпочиникъ нашихъ познаній, естъли бы ощущенія были такъ же въ нашей власти, какъ и представленія! Души, насъ разумнѣйшіе, управляютъ можемъ бышь по волѣ своими чувствованиями.

Чрезъ сильное размышленіе можемъ мы нѣкоторымъ образомъ отсрочить дѣйствіе чувствъ, но не можемъ такъ отдѣлиться отъ нашего тѣла, чшобы оно насъ съ какой ни естъ стороны не шрогало. Иначе какъ бы намъ можно было имѣть попеченіе о его сохраненіи?

Есть, можемъ бышь, такіе классы существъ *сложныхъ*, въ которыхъ душа по произволению отъ тѣла отдѣляется, и въ которыхъ облакается она въ разные роды тѣлъ для разныхъ цѣлей.

Зрѣніе.

Изъ всѣхъ чувствъ зрѣніе есть то, которое сообщаетъ душѣ самыя скорѣйшія, самыя пространнѣйшія, самыя разнообразнѣйшія представленія. Оно есть плодотворной источникъ самыхъ величайшихъ драгоценностей воображенія, и ему особенно душа одолжена понятіями о изящности, о семъ разнообразномъ единствѣ, которое восхищаетъ ее.

Нешастные слѣпцы, которыхъ жестокая судьба отъ рожденія лишила сего несравненнаго чувства! я сердечно сожалью о вашемъ несчастіи.

Ахъ! наипрекраснѣйшій день не отличается для васъ отъ самой темной ночи. Свѣтъ никогда не вливалъ радости въ сердца ваши. Вы не видите его играющаго въ блистающей финифти цвѣтной гряды, въ разнообразныхъ перьяхъ птицъ, или въ величественной радугѣ. Вы не смотрите съ верьху горъ на оплогоспи, увѣчанныя зеленѣющими виноградными лозами, на поля, одѣшья злапою нивою, на луга, покрышья улыбающеюся зеленью и орошаемыя

мыя рѣками, вѣ излучинахѣ пекущими, и на селенія челоуѣкоуѣ, разсыпанныя по разнымѣ мѣстамѣ вѣ сей великой картинѣ. Вы не обращаете взоровѣ своихѣ на неизмѣримый океанѣ; вы не удивляетесь громадамѣ морскихѣ волнѣ, копоря до облаковѣ воздымаются, и вдругѣ исчезаютѣ подлѣ той черты, копорую на песокѣ провелѣ для нихѣ перстѣ Божій; вы не вкушаете сладостнаго удовольствія находить ежедневно вѣ твореніяхѣ Создателя новыя причины къ прославленію Его могущества и премудрости. Оптика не истощаетѣ для васѣ чудесѣ своихѣ. Любопытное зрѣлище организованныхѣ машинѣ вамѣ не извѣстно. Неизчешные легіоны небснаго воинства не представляются вашему изумленному воображенію. Вы не измѣряете ихѣ ществія вѣ кругахѣ, начертанныхѣ вашими руками. Самыя изящнѣйшія произведенія Механики и художествѣ не могутѣ безѣ попері проникнуть глубокой шмы, копорая васѣ окружаетѣ; наконецѣ вы не можете наслаждаться разсмаприваніемѣ челоуѣка, и видѣть вѣ немѣ то, что вѣ Напурѣ всего величественнѣе, или то, что вѣ васѣ всего драгоцѣннѣе.

Но

Но отъ сожалѣнія я мечтаю. Нельзя желать того, чего не знаешь; и потѣ не есть несчастливѣ; кто совершенно лишенъ неизвѣстнаго ему блага. Мы не огорчаемся тѣмъ, что не имѣемъ цѣснаго чувства, которое можетъ быть дано другимъ существамъ. Естьли у васъ не достаетъ противъ насъ одного чувства, то вамъ съ другой стороны не возможно положить цѣны сему недостатку; и припомъ сіе несовершенство вашего существа замѣняется разными выгодами. Множество и разнообразіе представлений, которыя мы ежеминутно получаемъ черезъ чувство зрѣнія, приводящъ насъ въ разсѣяніе, и отнимающъ у другихъ чувства часть сей дѣятельности, которую имѣютъ онѣ у васъ въ совершенствѣ. Осязаніе, чувство столь тупое, столь невѣрное у большей части людей, дѣлается у васъ столь превосходнымъ, столь вѣрнымъ, что замѣняетъ нѣкоторымъ образомъ недостатокъ зрѣнія (*).

Но

(*) Сіе приводитъ на мысль шѣхъ слѣпыхъ, которые осязаніемъ различаютъ цвѣты; ибо

Но большія награды предоставлены вамъ въ будущемъ. Нѣкогда шма ваша во свѣтѣ превратится, и сдѣлавшись обитателями неба, проницательными взорами своими обнимите вы всѣ части вселенной.

Обращаюсь и къ вамъ, Мужичуе, въ которыхъ чрезмѣрное прилѣжаніе или какой нибудь случай ослабилъ то драгоценное чувство, о которомъ говорю я! Вы скорбите о томъ? Ахъ! несчастной опытѣ увѣрилъ меня, что весьма справедлива причина вашего огорченія. Однакожь помыслите о томъ, что вы уже приобрѣли, и разсудите, что сіе слабое зрѣніе нѣкогда превзойдетъ зрѣніе орла.

КОНЕЦЪ XIX Частичи.

ибо причина цвѣтовъ, какъ мы уже скоро увидимъ, есть ни что иное, какъ нѣкоторое разположеніе, нѣкоторой порядокъ частицъ, составляющихъ поверхность шѣлъ, отъ чего оныя отбрасываютъ шѣ или иные особенные лучи.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ХІХ. Части.

	Стран.
Честной Откупщикъ, - -	3
Храбрость, - -	16
Дуракъ, - -	32
Анекдоты, - -	46
Насмѣшки, - -	63
Англійской отвѣтъ, - -	64
Нещастные Титулы, - -	79
Худая память, - -	—
Вилькесъ, - -	80
Фонтенель, - -	—
Доказательство, - -	94
Пиколатъ, - -	95
Очки, - -	96
Остроуміе, - -	126
Знаніе свѣта, - -	—
Попова острога, - -	127
Философія, - -	128
Лавинія, осенняя повѣсть, - -	138
Статьи изъ Боннстова сочиненія, - -	165
Разныя соотношенія земныхъ су- ществъ. - -	182

